

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

4/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 4/2020

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Абуков С. Н.* Браки детей Всеволода Большое гнездо: политика и генеалогия 5
- Бабик А. О.* Последствия вооружённого конфликта на Фолклендских островах 1982 г. и его влияние на развитие международных отношений 13
- Бредихин А. В., Чугрина О. Р.* Ретроспектива административных реформ в странах Западной Европы во второй половине XX века 21
- Искра Е. С.* Экологические проблемы и политика Германии в области возобновляемых источников энергии 27
- Крысенко Д. С.* Эволюция международного положения ЛНР в 2014–2020 гг. 32
- Мамонтов А. Е.* Походы русских князей на половцев среднего течения Северского Донца в XI – XII вв. в контексте миссионерской деятельности в дореволюционной, советской и современной историографии 44
- Полякова М. А.* Процесс преобразования учительских вузов в педагогические в Донбассе в первой половине 1950-х годов 54
- Харьковский Р. Г.* Влияние фашодского кризиса на развитие дипломатических отношений Лондона и Парижа в конце XX – начале XXI вв. 59

Философия

- Агаркова А. А.* Эстетические метаморфозы городского памятника в пространстве народной смеховой культуры 67
- Ищенко Н. С., Пахмутова Н. Ю.* Легитимация насилия против русских Украины в рамках флешмоба #янебоюсьсказать: мировоззренческий аспект 76
- Клименко А. Б.* Вариативность трактовки термина «идентичность» в западной философской традиции 82
- Пидлубный Р. А.* Игейасофия как новый философский термин: pro et contra 88

<i>Половинкина И. С.</i> Проблема интерпретации возможных миров	94
<i>Рочняк Е. В.</i> Понимание сущности патриотизма современными зарубежными исследователями	101
<i>Цховребова Д. А.</i> Тезаурус лексического кода осетин	105

Педагогика

<i>Головинова А. А.</i> Организация здорового образа жизни дошкольников за рубежом	112
<i>Готко А. А.</i> Формирование социальных ценностей как психолого-педагогическая проблема	125
<i>Дробышев Е. Ю.</i> Опыт-экспериментальная проверка формирования профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся	131
<i>Еремка Е. В., Дзундза А. И.</i> Методы валеологической подготовки студентов университета	138
<i>Королев М. Е.</i> Методы обучения математическому моделированию в высшей технической школе на основе информационно-коммуникационных технологий	145
<i>Слота Н. В.</i> Критерии, показатели и уровни сформированности умений сценического воплощения музыкальных образов у младших школьников	151
<i>Трошкина Ю. Ю.</i> Особенности формирования коммуникативной компетентности будущих дизайнеров	157
Правила для авторов	165

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. The Humanities

№ 4/2020

CONTENTS

History

- Abukov S.N.* Marriages of children of Vsevolod the Big Nest: policy and genealogy 5
- Babik A.O.* The consequences of the armed conflict on the Folkland islands of 1982 and its influence on the development of international relations 13
- Bredikhin A.V., Chugrina O.R.* A retrospective of administrative reforms in the Western Europe in the second half of XX century 21
- Iskra E.S.* Germany's environmental problems and renewable energy policies 27
- Krysenko D.S.* Evolution of the international status of LPR in 2014–2020 32
- Mamontov A.E.* Crusade of Russian princes in the context of missionary outreach against Kumans of the middle course of Seversky Donets River in the XI – XII centuries in pre-revolutionary, soviet and contemporary historiography 44
- Polyakova M.A.* The process of conversion of teaching institutes into pedagogical institutions in Donbass in the first half of the 1950s 54
- Kharkovskiy R.G.* The influence of Fashoda crisis on the development of diplomatic relations in London and Paris at the end of the XIX – beginning of the XX centuries 59

Philosophy

- Agarkova A.A.* Aesthetic metamorphoses of the city monument in the space of folk laughter culture 67
- Ishchenko N.S., Pakhmutova N.Y.* Legitimation of violence against russians of Ukraine within the framework of the flashmob #imnotafraidtosay: the worldview aspect 76
- Klimenko A.B.* Variability of interpretations of the term “identity” in western philosophical tradition 82
- Pidlubniy R.A.* Igeyasophy as a new philosophical term: pro et contra 88

<i>Polovinkina I. S.</i> The problem of interpretation of possible worlds	94
<i>Rochnyak E. V.</i> Understanding of the essence of patriotism by modern foreign researchers	101
<i>Chovrebova J. A.</i> The saurus of ossetic lexical code	105

Pedagogy

<i>Golovinova A. A.</i> Organization of a healthy lifestyle of preschoolers abroad	112
<i>Gotko A. A.</i> Formation of social values as a psychological and pedagogical problem	125
<i>Drobyshev Ye. Yu.</i> Experimental verification of the formation of professional readiness of chemistry teachers to organize educetional and research activities of students	131
<i>Yeremka E. V., Dzundza A. I.</i> Methods of valeological training of university students	138
<i>Korolev M. E.</i> Methods of teaching Mathematical modeling in Higher Technical School based on information and communication technologies	145
<i>Slota N. V.</i> Criteria, indicators and levels of formation of skills of scenic embodiment of musical images from younger schoolchildren	151
<i>Troshkina Yu. Yu.</i> Features of the communicative competence formation of future designers	157
Guidelines for authors	165

ИСТОРИЯ

УДК 94 (367) : 929.5 «13/14»

БРАКИ ДЕТЕЙ ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО: ПОЛИТИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ

© 2020. С.Н. Абуков

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена бракам внутри династии Рюриковичей детей Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в конце XII – начале XIII вв. Автор сделал анализ всех брачных союзов пяти сыновей и двух дочерей Всеволода, заключенных, как при его жизни, так и в первые годы после его смерти. Он пришел к выводу об их тесной связи с политическими отношениями, которые определяли вектор брачной политики Всеволода Юрьевича и были продолжены его сыновьями. Смоленские Ростиславичи и черниговские Ольговичи были главными брачными партнерами Всеволодовичей, как одни из самых влиятельных княжеских линий древнерусских князей. В то же время, отмечено игнорирование других потомков Рюрика, которые по разным причинам не вошли в брачные планы Всеволода и его сыновей. В статье также рассмотрены запутанные степени родства между брачующимися.

Ключевые слова: князь, Рюриковичи, политика, дети, брак, родственные связи, степень родства, Всеволод Большое Гнездо.

Владими́ро-Сузда́льское кня́жество в конце XII–XIII вв. – одно из крупнейших и сильнейших государственных образований, ставшее ядром Русского государства и России. Это время правления великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212 гг.), войску которого дана столь красочная характеристика в «Слове о полку Игореве». Действительно, княжение Всеволода – период единства и укрепления влияния на соседние земли, в первую очередь на Новгород и Рязань, и на Южную Русь, где зависимым от него владением был Переяслав. Политические отношения связывали владимирского князя с правителями других княжеств Руси, переживавшей время феодальной раздробленности. Весьма важной составляющей межкняжеских связей правящей династии Рюриковичей была брачная политика. Изучение данного аспекта позволяет лучше понять внешнеполитические цели и направления интересов владимирского князя и более всесторонне рассмотреть, как ситуацию на русских землях в целом, так и во Владимиро-Суздальском княжестве.

Целью данной статьи является исследование родственных связей детей Всеволода Большое Гнездо, которые не получили комплексного изучения. Отметим, что нет специальных работ, посвященных бракам суздальских Всеволодовичей. В то же время, о браках, в частности, детей Всеволода Юрьевича в конце XIX – начале XXI вв. писали А.В. Экземплярский [1], Н.А. Баумгартен [2], О.М. Рапов [3] и Л.В. Войтович [4]. Однако эти известные исследователи генеалогии ограничились констатацией заключенных детьми Всеволода родственных союзов, не делая специального анализа брачной политики владимирских князей.

К 1176 г. 22-летний Всеволод Юрьевич после злоключений и превратностей судьбы победил в борьбе за власть своих племянников Ростиславичей и со смертью брата Михалко стал единовластцем во Владимиро-Суздальском княжестве – одном из самых могущественных среди земель Древней Руси [5, стб. 379-380]. Как и для других феодальных правителей, браки для него служили средством для установления политических связей и были важным фактором внешних отношений. По мере укрепления своей власти и выстраивания межкняжеских отношений Всеволод Юрьевич начал создавать свою брачную конструкцию, главными составляющими которой стали его дочери и сыновья. Однако в первые годы его правления все его дети, рожденные от первой жены Марии Шварновны, происхождение которой вызывает бурную дискуссию среди ученых, или были совсем маленькими или еще не родились [6].

Но первой Всеволод в 1178 г. выдал замуж свою племянницу Михалковну за Владимира, сына киевского князя Святослава Всеволодовича из черниговских Ольговичей. Брак княжны был устроен дядей и был необычным по форме сватовства: летописец рассказал, как великий князь вызвал Владимира Святославича к себе во Владимир, отдал племянницу, после чего князь с супругой отбыли к отцу в Чернигов [7, стб. 612]. Святослав Всеволодович ранее покровительствовал Михалко и Всеволоду. Сам Владимир Святославич сопровождал Юрьевичей в их походе за «отний стол» [5, стб. 375]. Брак выглядит как результат выполнения достигнутой ранее договоренности, как можно судить из летописного описания. Едва ли он мог иметь те выгоды, если бы отец невесты, старший из Юрьевичей и владимирский князь, не умер так рано.

Как только старшие дети Всеволода Юрьевича стали подрастать и выходить с младенческого возраста великий князь владимирский поспешил заключить первые брачные союзы. Важным было и то обстоятельство, что в силу географической отдаленности его владений от Европы, Всеволод Юрьевич был менее других князей заинтересован в брачных связях с тамошними владетелями. Рассматривая эти браки в хронологическом порядке с 1187 г. по 1214 г., то есть при жизни Всеволода и в первые несколько лет после его смерти, мы обратим внимание на динамику брачных приоритетов, которую определял великий князь владимирский, а затем продолжили его сыновья Ярослав и Владимир.

Итак, во второй половине 80-х гг. XII в. Всеволод Юрьевич, как видим, был заинтересован в союзе с Черниговом, поэтому 11 июля 1187 г. он отдал свою старшую дочь Всеславу за 14-летнего сновского князя Ростислава (если принять корректировку даты рождения князя [8, с. 309]), сына черниговского князя Ярослава Всеволодовича [5, стб. 405]. Учитывая общую тенденцию ранних браков старших детей Всеволода в его собственные 33 года, княжна, скорее всего, была очень юной, что говорит о важности заключения этого первого брака детей Всеволода. Видимо, родственный союз с Ольговичами имел цели: подтверждение уже сложившихся отношений с черниговской династией и укрепление безопасности южных границ Владимиро-Суздальского княжества. К тому же, будучи правнуком Мстислава Великого по линии бабки, жених приходился невесте троюродным племянником. Летопись говорит о торжествах во Владимире по случаю свадьбы. Сестра Ростислава Ярославича была замужем за племянником Всеволода переяславским князем Владимиром Глебовичем (1179 г.) [7, стб. 613].

Усиление позиций овруцкого князя Рюрика Ростиславича, часто представляемого как младшего киевского «двумвира», соперника, свата и естественного преемника киевского князя Святослава Всеволодовича, и желание укрепить с ним союз привело к тому, что владимирский князь поспешил выдать 8-летнюю дочь Верхуславу-Анастасию

за сына Рюрика Ростислава. Помпезные торжества, на редкость подробно описанные в летописи, расходятся в датах: Ипатьевская летопись датирует его заключение 24 июля 1189 г. [7, стб. 658], а Лаврентьевская 30 июля того же года [5, стб. 407], но при коррекции года брак относят к 1187 или к 1188 г. [8, с. 345; 4, с. 552]. Свадьба имела особое значение для сторон и была пышной [7, стб. 658]. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: неканонический брачный возраст невесты и все та же 7-я степень родства жениха и невесты как в предыдущем браке. Всеволод демонстрировал заинтересованность в делах Южной Руси и явно форсировал события. Возможно, не последнюю роль играло также желание укрепить положение в зависимом, но отдаленном от владими́ро-суздальских князей Переяславском княжестве. В 1194 г. Рюрик после смерти Святослава Всеволодовича стал киевским князем, при этом признавая старейшинство свата Всеволода Юрьевича и показывая свое уважение к владимирскому князю [7, стб. 681].

Двумя браками малолетних дочерей с сыновьями видных представителей Ольговичей и Мономашичей Всеволод уравнивал политические связи. Правда, родство не помешало Всеволоду воевать против черниговского свата в союзе со сватом киевским, что говорит о преобладании родового принципа в союзах над родственным, но воевал владимирский князь вяло, за что был раскритикован Рюриком. Всеволод способствовал конфликту Рюрика с его зятем Романом Мстиславичем. Отношения с киевским князем охладели и Рюрик отобрал у суздальского свата пожалованные ему ранее города в «Русской земле» [7, стб. 700-702]. Когда же галицко-волынский князь Роман Мстиславич в 1204 г. схватил Рюрика с женой и дочерью и постриг их в монахи, Всеволод остался равнодушен к судьбе свата, добившись освобождения только зятя Ростислава [9, с. 167-169; 10, с. 66].

Как только едва подрос старший сын Константин (1185–1218), он стал важным звеном новых политических конструкций. 15 октября 1195 г. 10-летнего сына Константина Всеволод поспешно женил на дочери наследника смоленского стола Мстислава Романовича, известной только под монашеским именем Агафьи, которая приходилась двоюродной племянницей Ростиславу Рюриковичу [11, с. 36, 51]. Действительно, в 1197 г. Мстислав сменил в Смоленске дядю Давыда Ростиславича [7, стб. 704]. Как видно, союз со смоленскими Ростиславичами также представлял исключительный интерес для Всеволода. Такую активность в этом направлении можно объяснить и высоким статусом этой линии Рюриковичей, представлявшей влиятельную владетельную семью верхнего и среднего Поднепровья, претендующей на Киев. Таким образом, второй союз с Ростиславичами говорил о желании Всеволода основательно породниться с ними. Впрочем, отношения Юрьевичей с Мстиславичами в предыдущие годы были далеко не безоблачными, особенно в последнее время правления Андрея Боголюбского [7, стб. 572-578]. Тем самым владимирский князь постарался восстановить близкие отношения с этой влиятельной линией Мономашичей.

В 1200 г. Всеволод Юрьевич отправил своего 10-летнего сына Ярослава (1190-1246) княжить на юг в Переяслав [5, стб. 416]. Столь раннее княжение было номинальным. Однако слабость положения Ярослава заставила Всеволода искать сильного союзника для укрепления власти сына, для чего владимирский князь в первый и последний раз вышел для заключения брака из внутрдинастического круга. Его очередным сватом стал едва ли не сильнейший из половецких князей Юрий Кончакович. Зимой 1205-1206 гг. 14-летнего Ярослава женили на дочери хана [5, стб. 426].

В весьма зрелом возрасте в конце своего правления владимирский князь, который сам в 1209 г. женился на витебской княжне Васильковне из полоцких Всеславичей,

устроил 10 апреля 1211 г. венчание своего 21-летнего сына Юрия (1188-1238) с дочерью киевского князя Всеволода Чермного, сына все того же Святослава Всеволодовича [5, стб. 435; 12, с. 116]. Если брак самого владимирского князя означал интерес к Полоцкой земле, то второй союз с Ольговичами был ответом на новые реалии, сложившиеся на юге, в результате нового альянса, возможно, была решена судьба свата Рюрика Ростиславича. Всеволод и ранее не питал особого интереса к поддержке в Киеве обанкротившегося и непопулярного Рюрика Ростиславича. Теперь он сделал ставку на союз на юге с Ольговичами, выступавшими противниками Рюрика в борьбе за Киев. После этого события Рюрик сошел с политической сцены [13, с. 677-679].

После первой жены, судьбы которой мы не знаем, Ярослав Всеволодович женился на Ростиславе, дочери Мстислава Мстиславича Удатного из все тех же смоленских Ростиславичей [5, стб.426]. Мать княжны была дочерью хана Котяна Сутоевича и сестрой жены галицкого князя Даниила Романовича Анны [12, с. 129]. Из-за большой разницы в поколениях между потомками братьев Мстислава Великого и Юрия Долгорукого Ростислава приходилось супругу внучкой троюродного брата. На основании летописи, дату брака относят к 1213 г. [14, с. 131]. Впрочем, брак мог быть заключен в 1214-1215 гг., но никак не позднее [15, с. 74-75; 16, с. 193]. Скорее, свадьба состоялась незадолго до последнего года.

В ходе борьбы за власть между сыновьями Всеволода после его смерти тесть и зять оказались во враждебных лагерях, и Мстислав после победы в 1216 г. отобрал у Ярослава жену, к которой тот был сильно привязан. Однако, как считается, княгиня позднее вернулась от отца к мужу и стала матерью многочисленных Ярославичей под именем Феодосии, умершей в 1244 г. и похороненной рядом с первенцем Феодором [17, с. 79]. Вопрос о тождестве Ростиславы Мстиславны и Феодосии вызывает дискуссию. Нет оснований, видеть в жене Ярослава рязанскую княжну, как предполагал Н.Баумгартен [2, р. 45] и доводы В.А. Кучкина кажутся убедительными [15, с. 71-80]. Однако, тождество Феодосии с дочерью Мстислава Удатного наталкивается на два трудно разрешимых противоречия. Во-первых, брак ее сына Андрея Ярославича с двоюродной сестрой, чего не бывало на Руси [18, с. 141]. Во-вторых, непонятная забота Ярослава Всеволодовича о судьбе свояченицы, выданной им замуж в 1226 г., когда был жив ее собственный отец, умерший в 1228 г. [15, с. 74]. Как мы видели на примере с Михалковной, так обычно поступали с дочерьми, оставшимися без отца, о судьбе которых заботились родичи. Из последних работ наиболее аргументированно сомнение в тождестве Ростиславы и Феодосии высказал польский ученый Д.Домбровский [19, с. 24-30]. Открытым вопрос оставили и другие исследователи [20, с. 40-43]. В любом случае, вопрос о матери Александра Невского требует дополнительных изысканий.

В 1213 г. новый великий князь владимирский Юрий Всеволодович избавился от нелюбимого младшего брата Владимира (1193-1227), отправив того княжить в Переяслав Южный. Как и брат Ярослав ранее, Владимир нуждался на юге в союзе с местными влиятельными правителями с целью укрепления своего положения на границе с половецкой землей. Но, если за старшим братом стоял в свое время отец Всеволод, то новому переяславскому князю при сложных отношениях между Всеволодовичами необходимо было самому позаботиться о себе. Не удивительно, что в 1215 г. Владимир Всеволодович женился на дочери черниговского князя Глеба Святославича, сына все того же Святослава Всеволодовича и его жены Анастасии Рюриковны, дочери Рюрика Ростиславича [18, с. 110]. Тем самым он породнился и с Ольговичами, и с Мономашичами. Глебовна приходилась супругу внучкой

троюродного брата. Впрочем, правление Владимира в Переяславе скоро закончилось его неудачной битвой и пленением половцами. После освобождения он вернулся на север, получив Стародуб [18, с.115, 122].

Мы не знаем, кто стал женой самого младшего из сыновей Всеволода Большое Гнездо Ивана (1198-после 1246), но произошло это, скорее всего, уже после смерти отца, но его старший брат Святослав Всеволодович (1196-1252) женился на дочери муромского князя Давыда Юрьевича Евдокии. [5, стб. 450-451]. Брак Святослава Всеволодовича с муромской княжной не датирован (вероятно, в начале 10-х гг. XIII в.), но в любом случае следует рассматривать как продолжение политики его отца в отношениях с вассальными муромскими правителями. В 1228 г. после смерти отца Евдокия ушла от мужа к родне в Муром, где постриглась в монахини [5, стб. 450]. Каждый из этих браков создавал широкий круг родственников и свойственников, устанавливая дополнительные связи внутри правящей династии древнерусских князей.

Подводя итоги, следует сказать, что брачная политика Всеволода Большое Гнездо имела свои закономерности, а сами родственные связи оказались довольно запутанными, в силу частых браков внутри династии Рюриковичей. Дочь Верхуслану и Константина Всеволод Юрьевич женил на представителях династии смоленских Ростиславичей. В начале, особое значение имел альянс с киевским князем Рюриком Ростиславичем, но с годами Всеволод перестал поддерживать свата и не оказал ему помощи. В некоторой степени он способствовал его падению. Затем старшего Всеволодовича Константина ребенком женили на дочери смоленского князя Мстислава Романовича, племянника Рюрика, ставшего в 1214 г. киевским князем. Эту же политику укрепления родства с Ростиславичами продолжил и его сын переяславский князь Ярослав Всеволодович, правда, он и его тесть Мстислав Удатный оказались позднее во враждебных лагерях. В какой-то мере в родстве с Ростиславичами состоял и переяслав-южный князь Владимир Всеволодович (через внучку Рюрика Ростиславича по матери). Дочь и сын Всеволода Юрьевича состояли в браке соответственно с дядей и племянницей (рис. 1).

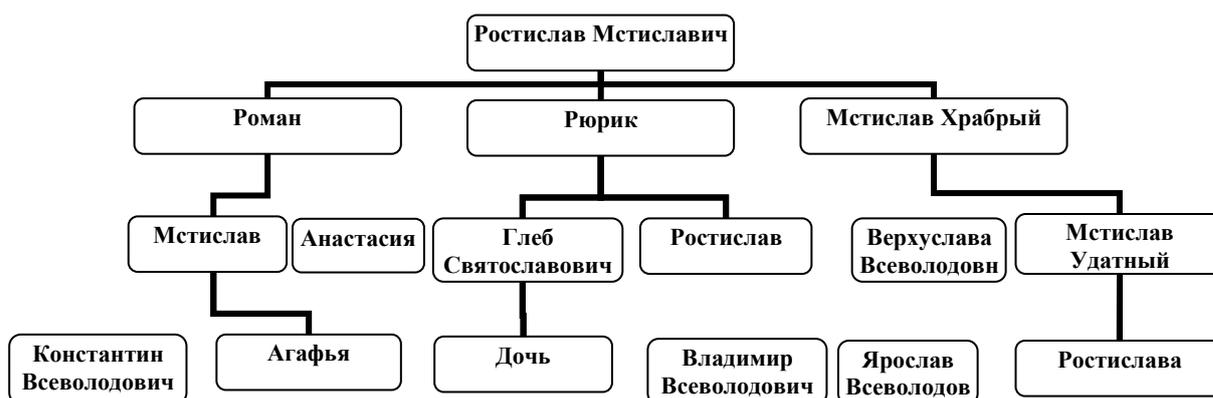

Рис. 1. Ростиславичи и браки Всеволодовичей

К тому же три сына Всеволода Большое Гнездо были женаты на троюродных сестрах из трех линий сыновей Ростислава Мстиславича. Одновременно, внутри династии Мономашичей трое Всеволодовичей были женаты на внучках своих троюродных братьев (рис. 2). Беспрецедентные родственные связи с Ростиславичами говорят об особых политических интересах владимирских князей.

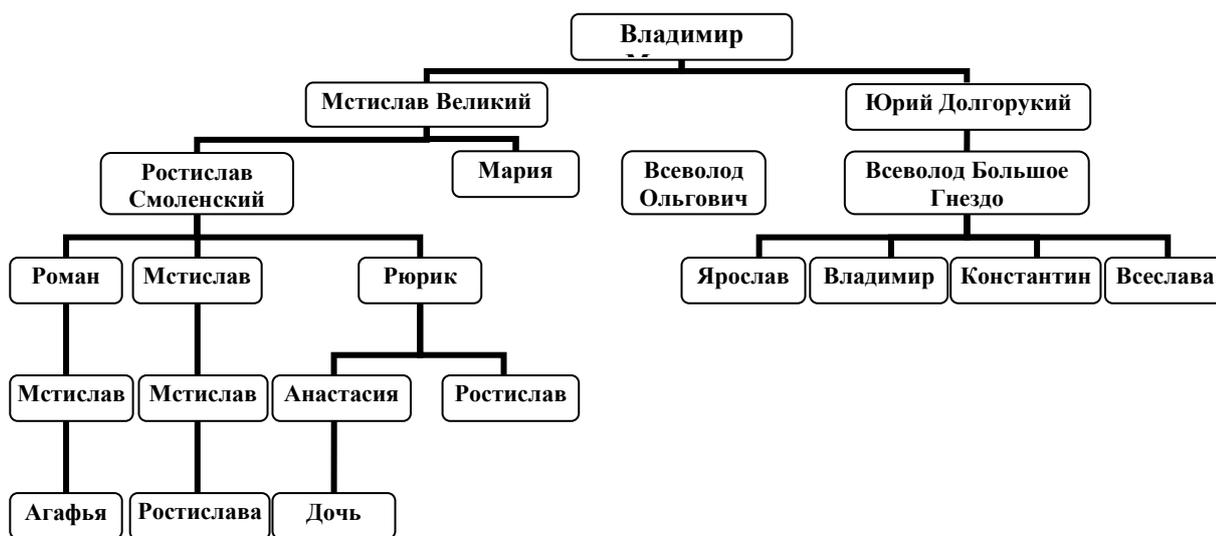

Рис. 2. Родство Ростиславичей и Всеволодовичей

Трижды (дважды при жизни Всеволода) его дети породнились со старшими Ольговичами, потомками киевского князя Всеволода Ольговича (1139-1146). Сыновья Всеволода Юрьевича Юрий и Владимир (после смерти отца) женились на двоюродных сестрах: дочерях черниговских князей Всеволода и Глеба Святославичей, но первой в родство с сыном черниговского князя Ярослава Всеволодовича Ростислава вступила дочь владимирского князя (ее муж приходился двоюродным дядей женам ее братьев). Если добавить брак племянницы Михалковны, родственные связи с Ольговичами становятся еще более выпуклыми (рис. 3).

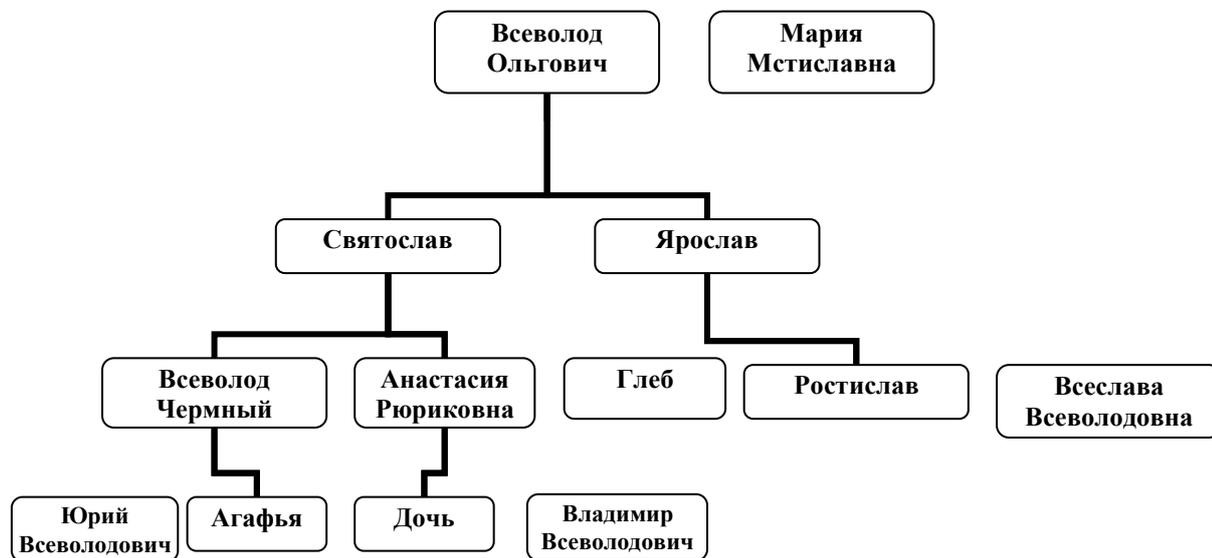

Рис. 3. Ольговичи (старшая линия) и браки Всеволодовичей

И в данном случае, по родству с Марией Мстиславной, двоюродной сестрой Всеволода Юрьевича, братья Всеволодовичи состояли в браках с внучками своих троюродных братьев (рис. 4).

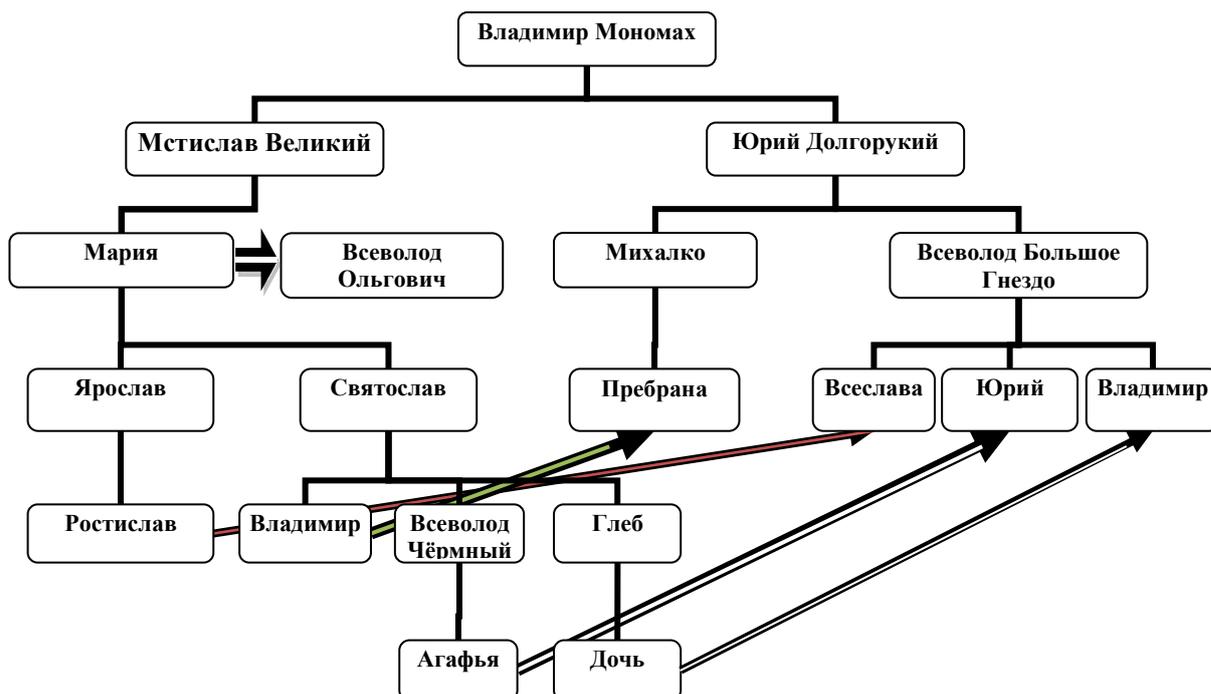

Рис. 4. Родство Мономашичей и Ольговичей

Опять-таки очевидно стремление к родству с Ольговичами, занимавшими старший черниговский стол и игравшими видную роль в Южной Руси. В итоге, 6 из 7 внутридинастических браков детей Всеволода приходились на потомков Ростислава Мстиславича и Всеволода Ольговича, которых владими́ро-суздальские князья только и признавали достойными такой чести. Ради выгодных альянсов Всеволод Юрьевич шел на снижение допустимого церковью брачного возраста, но в то же время не позволял матримониальных союзов ближе 7-й степени родства, в то время как сват Рюрик Ростиславич охотно шел на брачные альянсы и в 6-й степени [21, с. 100].

При этом трудно не заметить отсутствие браков Всеволодовичей за пределами Руси (исключение – брак сына с половчанкой), а также с представителями младших Ольговичей, рязанских, турово-пинских, городенских и волынских князей, при том, что последние также принадлежали к Мономашичам. Вероятно, это можно объяснить отсутствием политического интереса к отдаленным и не влиятельным княжествам Руси в одном случае, жесткой политикой в отношении Рязани и давним неприятием владими́ро-суздальскими князьями волынских Изяславичей, установивших в лице Романа Мстиславича свою власть над Галичем. Отсутствие родственных связей иногда не менее красноречиво, чем их наличие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. – Т.1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. – 474 с.
2. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1927. – Т. 35. – 96 p.
3. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. – М.: Московский государственный университет, 1977. – 264 с.
4. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. – Біла церква, 2006. – 782 с.
5. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 762 с.

6. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. // Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. – М.: Индрик, 2006. (Труды по филологии и истории.). – Экскурс 5. – С. 368–381.
7. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. – Т. 2. – М.: ЯРК, 2001. – 648 с.
8. "Літопис Руський" за Іпатським списком / пер. з давньорус. Л.Є. Махновця; відп. ред. О.В. Мишанич. – К.: Дніпро, 1989. – 591 с.
9. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10: к 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А.А. Горский. – М., 2012. – С. 135-169.
10. Абуков С.Н. К вопросу о причинах и обстоятельствах насильственного пострижения Рюрика Ростиславича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 63–69.
11. ПСРЛ. Летопись Симеоновская. – Т.18. Под ред. А. Е. Преснякова. – СПб: Типография М. А. Александрова, 1913. – 316 с.
12. ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. – Т.7. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. – 345 с.
13. Абуков С.Н. К вопросу о "черниговском княжении" князя Рюрика Ростиславича // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. – Т. 45. – 2018. – № 4. – С. 674-681.
14. ПСРЛ. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). – Т. 41. – М.: Археографический центр, 1995. – 184 с.
15. Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 71-80.
16. Долгов В.В. Александр Невский в зеркале «исторического нарратива» // Древняя Русь во времени, личностях, в идеях. – Вып. 5. – 2016. – С. 190-212.
17. ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Т. 3. – М., ЯРК. 2000. – 720 с.
18. ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV века. – Т.25. / Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 464 с.
19. Домбровский Д. Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского? (возвращение к проблеме) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 2 (24). – С. 21-30.
20. Карпов А.Ю. Великий князь Александр Невский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 329 [7] с.
21. Абуков С.Н. Седьмая степень родства во внутридинастических браках Рюриковичей в XII веке // Самарский научный вестник. – 2016. – №4 (17). – С. 98-101.

Поступила в редакцию 10.09.2020 г.

MARRIAGES OF CHILDREN OF VSEVOLOD THE BIG NEST: POLICY AND GENEALOGY

This article is devoted to marriages within the Rurik dynasty of children of Vsevolod Yuryevich the Big Nest in the late XII – early XIII centuries. The author made an analysis of all the marriages of the five sons and two daughters of Vsevolod, contracted, both during his life and in the first years after his death. He came to the conclusion that they are closely connected with political relations, which determined the vector of marriage policy of Vsevolod and were continued by his sons. The Smolensk Rostislavichs and the Chernigov Olgovichs were the main marriage partners of the Vsevolodovichs, as one of the most influential princely lines of the Old Russian princes. At the same time, the neglect of other descendants of Rurik, who for various reasons were not included in the marriage plans of Vsevolod and his sons, was noted. The article also discusses the intricate degree of kinship between the couple.

Key words: prince, Rurikids, politics, children, marriage, kinship, degree of kinship, Vsevolod the Big Nest.

Абуков Сергей Навильевич

кандидат исторических наук;
доцент кафедры историографии источниковедения,
археологии и методики преподавания истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: legusha@list.ru

Abukov Sergei Navil'evich

Ph.D. in History, Associate Professor of the
Chair of Historiography, Source Studies, Archeology
and Methods Teaching History,
SCE HPE «Donetsk National University».
E-mail: legusha@list.ru

УДК [94(82:410):327.5]:327-043.86 «1982»

ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА НА ФОЛКЛЕНДСКИХ ОСТРОВАХ 1982 г. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2020. А.О. Бабик

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

В статье проанализированы последствия аргентино-британской войны на Фолклендских островах 1982 г. Формат данного конфликта вышел за рамки региональных границ и имел резонанс мирового масштаба. Попытка силового решения «мальвинского вопроса» аргентинским правительством в апреле 1982 г. стала причиной неоднозначной реакции мировой общественности, значительная часть которой, – в первую очередь, страны Латинской Америки, – несмотря на факт агрессии (т.е. несанкционированного применения силы) выступила с позиций моральной поддержки Аргентины. Кризис 1982 г. сформировал новые геополитические реалии, в которых Великобритания подтвердила свой статус одной из ведущих мировой держав.

Ключевые слова: Великобритания, Аргентина, Фолклендские (Мальвинские) острова, конфликт, последствия.

В свете постоянно обостряющейся конкурентной борьбы корпораций и правительств за иссякающие ресурсы планеты, особо примечательными являются опыт и уроки одного из локальных конфликтов недавнего прошлого, – Фолклендской войны 1982 года. Несмотря на краткосрочность и военное поражение противника – Аргентинской Республики, – Великобритания раскрыла ряд уязвимых мест своих вооружённых сил и политической системы в целом. Факт серьёзных потерь, нанесённых региональным латиноамериканским государством ядерной сверхдержаве, имеющей многовековые военно-морские традиции, выводит Фолклендский конфликт далеко за рамки района Южной Атлантики и периода 1980-х годов.

Академические исследования событий Фолклендской войны 1982 г. представлены работами таких отечественных авторов, как Д.С. Крысенко, Д.Б. Татарков и С.Ю. Закожурников. Однако с учётом снятия грифа секретности с ряда документов, касающихся данного конфликта, существует необходимость анализа его последствий в макро- и микромасштабе, а также в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Выявляя последствия Фолклендской войны в глобальном масштабе, подчеркнём, что поражение Аргентины – не только военно-политическое, но и экономическое, а в первую очередь, всё же, моральное, существенным образом изменило геополитический баланс, сложившийся в Южной Атлантике после распада Испанской колониальной империи. В 1982 г. Буэнос-Айрес был отодвинут на задний план политической и экономической жизни Латинской Америки.

Данный конфликт не вписывался в схемы, типичные для региона Латинской Америки, не отвечал логике Холодной войны или противоречиям между Севером и Югом. Охарактеризовать его суть можно словами марокканского социолога М. Эльманджры: «La première guerre civilisationnelle» [8], которые он использовал для другого локального конфликта – в Персидском заливе (1990–1991). По нашему же мнению, конфликт между Ираком и США был вторым, а первым – Фолклендский. Обе войны начались с вторжения одной страны на территорию другой, но

трансформировались в войны цивилизаций и именно в таком качестве их следует определять в первую очередь. Согласимся с мнением американского социолога и политолога С. Хантингтона о том, что они представляли собой войны переходного периода – от эпохи борьбы идеологий к эпохе преобладания этнических конфликтов и войн по линиям разлома между группами из различных цивилизаций [7, с. 33–48].

Фолклендская война превратилась в войну цивилизаций по той причине, что во главе с США страны Запада в подавляющем большинстве поддержали Великобританию, а правительства Латинской Америки восприняли её действия как интервенцию против братской республики, и как войну против их «общего дома» в целом, выступив (в той или иной мере) против западного империализма.

О единой позиции стран Латинской Америки есть основания вести речь по той причине, что в ключевой интеграционной организации региона – Организации американских государств имел место беспрецедентный случай требования большинством от США выполнения положений уставных документов системы. В итоге, факт игнорирования Белым домом резолюций, носивших не рекомендательный, а обязывающий характер, а также неспособность ООН выступить действенным арбитром оказал сильнейшее дезинтегрирующее влияние на отношения «двух Америк». Разочарование в США как в «покровителе и опекуне» значительно укрепило латиноамериканских интеллектуалов во мнении об «инаковости» от Запада собственной цивилизации.

Весьма меткая, на наш взгляд, характеристика итогов войны 1982 г. была дана историком А. Рамосом в его работе «История латиноамериканских народов»: «Теперь аргентинские военные знают, что ценности Запада котируются на Лондонской фондовой бирже. Возвращение Аргентины в “третий мир” наилучшим образом показало местным военным режимам, что если европейцы и американцы наслаждаются западным образом жизни, то латиноамериканцы могут довольствоваться случайным. Такие уроки были собраны в кровавых водах Южной Атлантики, и забыть их не может никто. Стало ясно, что страны Андского пакта могут и должны воспользоваться потерей рынка Европейского экономического сообщества» [11, р. 449].

Тем не менее, несмотря на столь «горькие уроки», в начале 1980-х гг., на фоне резкого обострения конфликта «Восток–Запад», о принципиальной смене внешнеполитических координат и поиске новых точек опоры в лице противоположного лагеря речь ещё не шла. Однако в крайне неблагоприятных условиях обрушившегося на большинство стран региона кризиса внешней задолженности, среди правящих элит ведущих из них (причём как военных, так и гражданских), начался процесс переоценки ценностей, ещё более обострившийся после распада СССР.

Десятилетия гражданских и межгосударственных конфликтов сформировали в Латинской Америке особую политическую культуру, в которой ценность жизни была нивелирована. Одним из гуманитарных измерений этой политики была эмиграция более 1 миллиона человек. Выехав преимущественно в США, они, в значительной мере, способствовали размыванию традиционной этнической структуры данного государства. По этому поводу Габриэль Гарсия Маркес заметил: «США инвестируют в Латинскую Америку огромные деньги, но у них не получилось то, что мы сделали без единого цента. Мы меняем их язык, их музыку, их еду, их любовь, их образ мыслей. Мы влияем на Соединённые Штаты так, как они хотели бы влиять на нас» [3].

Отторжение латиноамериканской политики США, резко обострившееся после Фолклендской войны, привело к тенденции, в начале XXI в. получившей название «левого поворота». Не вдаваясь в подробности, которые далеко бы увели нас от

предмета исследования, отметим, что суть данного феномена связана с победой (причём, демократическим путём) в большинстве стран региона левых и леворадикальных движений, нацеленных на решение проблемы бедности, делающих упор на социальную политику и смягчение диспропорций в распределении доходов.

Иная ситуация была отмечена во внешней политике победившей Великобритании. Отметим, что несмотря на постоянное ведение колониальных войн разной степени интенсивности, общественность в целом не приветствовала применение силы за рубежом. Отметим, что пацифистские настроения стали доминирующими ранее – после Суэцкого кризиса (1956–1957). Уязвленная национальная гордость заставила одного из депутатов парламента назвать его «Ватерлоо Британии», а другого охарактеризовать Великобританию как «сателлита Америки». Поражение Лондона в попытке оказать давление на Египет вызвало самый крупный после 1945 г. финансовый кризис, толкнувший его за помощью к МВФ. События 1957 г. вызвали состояние фрустрации и тенденцию к изоляционизму в международной жизни, что Н. А. Ерофеевым было названо «суэцким синдромом». К этому следует добавить «нефтяные шоки», которые ускорили темпы инфляции фунта стерлингов и снизили темпы производства [5, с. 241].

Несмотря на то, что возникшее на месте Британской империи Содружество стало мощным инструментом влияния, британцы превратились, по сути, в «хранителей музея собственной истории». К 1982 г. в их владении оставались 17 колоний и зависимых территорий, однако все они были крайне малы по площади, представляя собой островные владения и аванпосты, и лишь несколько – Гонконг, Гибралтар и Фолкленды – были в политическом плане значимыми. С учётом этого, благодаря победе над Аргентиной (крупной, хотя и неевропейской страной) тенденция падения международного влияния Лондона была обращена вспять. Великобритания ощутила уверенность от унижения Аргентины, взяв реванш за события 1957 года. Для британцев Фолкленды стали своеобразным «новым Ватерлоо», благодаря которому они преодолели «суэцкий синдром». Указанные внутренние и внешние обстоятельства обусловили в среднесрочной перспективе почти беспрепятственную реализацию национальных интересов и ценностей Великобритании на международной арене.

Успешная военная операция 1982 г. позволила убедить общественность (как собственную, так и международную) в том, что Великобритания вновь возвращается на позиции мировой державы. В этой связи следует процитировать одну из наиболее пафосных речей М. Тэтчер за всю её карьеру, посвящённую победе над Аргентиной: «Британия – всё та же. У нации всё то же качество стерлинга, которое светит через столетия. В том, что касается решимости и храбрости, наше поколение не хуже наших отцов и дедов» [12]. Однако, несмотря на победу, вооружённые силы Великобритании раскрыли ряд своих слабых мест: несоответствующая современным условиям система логистики, а также устаревшая стратегия тактического развёртывания. Не вдаваясь в технические подробности, отметим лишь, что отсрочка Аргентиной военной операции лишь на год серьёзным образом увеличила бы её шансы на успех, поскольку Великобританией планировалась продажа авианосцев, а начавшиеся в ноябре 1981 г. и достигшие бы пика весной 1982 г. кадровые сокращения снизили бы боеготовность Королевских вооружённых сил.

В таких условиях, было очевидно, что решающим фактором победы выступила помощь США; столь же очевидным для мирового сообщества стал и факт возможности реализации Лондоном своих интересов исключительно в рамках «англосаксонской солидарности». Такой вывод был подтверждён уже на следующий год после

Фолклендской войны, когда администрация Р. Рейгана не поставила в известность Лондон, организовав интервенцию против Гренады, являвшейся членом Британского содружества. Впрочем, укрепление особых отношений между Соединёнными Штатами и Соединённым Королевством (получившее название «крайний атлантизм») имело «побочный эффект» в виде глубоких разногласий в процессе построения Европейского Союза. Тем не менее, в ноябре 1982 г. США проголосовали за резолюцию ООН, призывавшую стороны пересмотреть итоги конфликта [2].

Одновременно, факт невозможности консолидации усилий регионов «Третьего мира» (Латинской Америки во время Фолклендской войны 1982 г. и Арабского Востока во время войны против Ирака в 1990–1991 гг.) против Запада сделал для Вашингтона очевидным вывод о возможности формирования однополярного мирового порядка, который и был установлен после распада Ялтинско-Потсдамской системы.

Анализируя итоги Фолклендской войны на микроуровне, отметим, что победа вывела Соединённое Королевство из депрессии, в которой оно находилась с 1970-х годов. Накануне военных действий, и одновременно накануне выборов в парламент (которые предстояли в 1983 г.), экономическая политика М. Тэтчер не имела поддержки даже внутри её партии: 9 из 22 министров её кабинета выступали против её курса. К декабрю 1980 г. уровень политического доверия к М. Тэтчер упал до 23 %, что составило наименьший результат среди британских премьер-министров за всю историю страны.

В результате военной победы, правительство М. Тэтчер смогло достичь и электоральной победы на выборах 1983 г., причём с наибольшим перевесом, когда-либо достигнутым, начиная с 1935 года. Это позволило ей противостоять широким слоям населения, конфликты с которыми были вызваны жёсткой нелиберальной социальной политикой, и оставаться у власти до 1990 года. Следует отметить и то, что т. наз. «консервативная инволюция», совершённая М. Тэтчер наряду с Р. Рейганом, предусматривавшая приоритет внешнеполитических целей (в первую очередь, борьбы против СССР) над внутривнутриполитическими (что проявилось в дерегулировании рынка и снижении затрат на социальную сферу) во многом позволила им победить в Холодной войне.

Весьма противоречивыми последствия Фолклендской войны были для США. В первую очередь, был серьёзным образом поколеблен их авторитет в рамках круга стран, подписавших в 1947 г. в Рио-де-Жанейро Межамериканский договор о взаимной помощи. «Похоронена с почестями» была доктрина Монро, как и миф о «западных ценностях». Согласно отчёту ЦРУ Совету Безопасности Белого дома, опубликованному в Вашингтоне, кризис на Фолклендских островах побудил Соединённые Штаты внести глубокие изменения в свою стратегию в Латинской Америке. После выхода из «контрреволюционного интернационала» одного из ключевых участников – Аргентины – Соединённым Штатам пришлось самостоятельно вести свою агрессивную политику в отношении Никарагуа, Гватемалы и Сальвадора.

В свете указанного, следует отметить, что выдвинутая нами гипотеза о косвенном военном и более открытом – информационном – участии СССР в Фолклендской войне на стороне Аргентины находит подтверждение ещё и в том факте, что делегацию этой страны на похоронах Л. И. Брежнева, умершего в ноябре 1982 г. возглавил Министр обороны. Знаком уважения было и пребывание этой делегации в Москве в течение трёх дней, что американским руководством было воспринято с недоумением. Что касается военной группы США в Аргентине, то работавшие в её составе офицеры разорвали с хунтой почти все личные и формальные связи, были

переведены в комплекс посольства в Буэнос-Айресе, а рядовые сотрудники были эвакуированы в Монтевидео. Интерес аргентинцев к развитию отношений с США угас, что объясняется тем всплеском патриотического энтузиазма и антиимпериалистического рвения, который они пережили в апреле–мае 1982 года [4, с. 29–30]. События, вызванные войной с Великобританией, толкнули хунту к трансцендентальным изменениям во внешней политике. В результате поддержки Соединёнными Штатами Великобритании, обязательства генерала Л. Галтьери по командировке военных инструкторов в Никарагуа и Сальвадор были аннулированы. Благодаря этому, сандинистская республика, косвенным образом получила значительное преимущество. В целом же, зафиксированные камерами объятия Н. Коста Мендеса с Ф. Кастро в Гаване символизировали политическую, но не идеологическую переориентацию, которую Аргентина периода военной диктатуры была вынуждена совершить по причине войны [1, с. 71–74]. Во время посещения Манагуа, Нью-Дели и Белграда в 1982 г. военные представители должны были признать участие Аргентины в «революционном поле» современной истории.

Однако в свете долгосрочных последствий Фолклендской войны, интерес США вызвал вопрос о роли, которую в ходе неё сыграло ядерное оружие, состоявшее на вооружении Великобритании. Недоумение Пентагона вызвал вопрос о логике, двигавшей Аргентиной при выборе борьбы со страной, обладавшей третьим (после СССР и США) ядерным потенциалом в мире. Начиная операцию на Мальвинских островах, Буэнос-Айрес испытывал твёрдую уверенность в том, Лондон не станет применять оружие массового поражения, а потому решился атаковать, располагая лишь традиционными вооружениями. Это говорит о том, что к 1982 г. «ядерное табу» настолько утвердилось в практике международных отношений, что ядерные государства более не могли полагаться на свои арсеналы для защиты от врагов даже из стран «третьего мира». Впервые невозможность повторения Карибского кризиса стала очевидной в 1973 г., после нападения группы арабских государств на Израиль, являвшийся де-факто ядерным государством, а в 1982 г. этот факт был вновь подтверждён. С учётом указанного, обвинения, выдвинутые в следующем десятилетии со стороны США и Великобритании в адрес Ирака, Ирана и КНДР в наращивании неконвенционных вооружений являлись не более чем поводом для обструкции и ширмой для реализации собственных интересов.

События 1982 г. вновь подтвердили тот факт, что как и ранее, сила (во всех её проявлениях) является фундаментом сохранения национальной безопасности и формирования политической и правовой реальности по собственному «рецепту». В мировой историографии установление контроля Буэнос-Айреса над Фолклендским архипелагом оценивается исключительно как «авантюра» и «рецидив правоавторитарной хунты», нуждавшейся в «маленькой победоносной войне» [6, с. 135]. Более пристальный же взгляд на фон и ретроспективу боевых действий демонстрирует, что данный конфликт был логичным и неизбежным звеном в череде событий аргентинской истории. По меткому выражению Д. С. Крысенко, для аргентинцев Мальвины – это «наше всё». Однако сводить значение анализируемых нами событий только к моральному фактору было бы ошибочно. Согласно позициям современной геополитики, территория является одновременно как целью, так и средством реализации государственных интересов, «жизненным пространством». С этой точки зрения, значение имеет любой участок земной суши, вне зависимости от его географической локализации и насыщенности ресурсами.

Поверхностный взгляд на Фолклендские острова представляет их как небольшой малонаселённый скалистый архипелаг, не представляющий экономической ценности. Однако данные острова – это в первую очередь, опорная база для разработки ресурсов Антарктиды. Согласно международному законодательству, пространство под 60-й параллелью южной широты является неполитической «зоной мира». Отметим в этой связи, что с большой долей вероятности, безгосударственный статус полярного континента будет пересмотрен уже в недалёком будущем. В этой связи подчеркнём, что картографическими школами ряда государств (Франция, Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Аргентина и Великобритания) Антарктиду принято изображать «распаёванной» на ряд национальных секторов. Именно в этой связи, между двумя последними из указанных государств разгорелся спор за расположенные лишь немногим севернее 60-й параллели южной широты Фолкленды, Южную Георгию и Южные Сандвичевы острова, владение которыми в перспективе существенным образом позволит расширить и соответствующий национальный сектор Антарктиды.

В свете долгосрочных последствий Фолклендской войны 1982 г. неудивительно, что через тридцать лет после её окончания официальный Лондон объявил, что «Британская антарктическая территория является важной и уникальной частью 14 территорий, которыми Великобритания владеет за рубежом». Это заявление было сделано в связи с передачей 271 тыс. км² территории Антарктики (области, которую Чили и Аргентина также считают своей собственной) названия «Земля Королевы Елизаветы» в честь 60-летнего юбилея правления действовавшего монарха. Указанное название было внесено во все картографические справочники Великобритании и стран Европы. «Для нас большая честь связать Антарктику с Её Величеством и, таким образом, признать принадлежность этой территории Соединённому Королевству», – заявил Форин Офис [10].

Итак, ошибки, допущенные военным руководством Аргентины в период «Национальной Реорганизации», его неспособность преодолеть экономический кризис, масштабные нарушения прав человека и, наконец, поражение в войне – всё это послужило причиной падения авторитета армии в аргентинском обществе. Галлопирующий инфляционный кризис, достигший 600%, а также народные движения против репрессий привели к падению аргентинской диктатуры. Уже через три дня после капитуляции аргентинских сил на Мальвинах Л. Гальтери был смещён с должности, однако военное правление сохранялось ещё более года. Таким образом, идеология и практика «Национальной Реорганизации» обернулась полной дезорганизацией экономики второго по территории государства Южной Америки, выступавшего ранее образцом процветания и благополучия.

В первый год по окончании войны всё указывало на то, что аргентинские военные покинут правительство, не понеся наказания. Именно поэтому выдвигались прогнозы о повторных попытках в краткосрочной перспективе восстановления контроля Аргентины над Фолклендскими островами. Однако новая победа М. Тэтчер на выборах Премьер-министра Великобритании перечеркнула и без того призрачную надежду аргентинцев на реванш. В этом свете примечательно, что британское правительство запретило въезд на острова для всех лиц с аргентинским паспортом. Свой отказ от какого-либо диалога о статусе островов М. Тэтчер обосновала следующим образом: «Я не буду вести переговоры с Аргентиной. Обе стороны уверены в пределах своего суверенитета» [9].

Однако напряжение в отношениях со столь крупной страной, как Аргентина, вынудило британское правительство в мае 1983 г. предложить ей восстановить

коммерческие рейсы, приостановленные с июня 1982 г., и договориться о передаче останков погибших на материк. Аргентинское же правительство отклонило эти предложения, настаивая на позиции, согласно которой все аспекты спора должны обсуждаться одновременно с вопросом суверенитета.

В столь напряжённой международной и внутривосточной обстановке в 1983 г. в Аргентине прошли выборы, позиционированные как демократические, поскольку на пост президента баллотировались гражданские лица. Демократизация Аргентины была, пожалуй, единственным положительным политическим последствием войны на Фолклендах.

Резюмируя, отметим, что вопреки военному поражению Аргентины в конфликте 1982 г., её руководство не отказалось от претензий на Мальвинский архипелаг, переведя тактику из силового в дипломатическое русло. Вопрос о судьбе островов для Буэнос-Айреса не мог быть ограничен лишь соображениями военно-стратегических и экономических интересов, поскольку представляет собой весьма острый вопрос чести и национального достоинства государства и народа. Официальным же Лондоном постановка со стороны аргентинского правительства в близкой к ультимативной форме вопроса о «возвращении» Фолклендских островов воспринималась как проявление реваншизма, направленного на отторжение законно принадлежащих Великобритании земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бредіхін А. В. Зовнішня політика Аргентини у 80–90-х рр. ХХ ст. // Наукові праці: Науково-метод журнал. – Т. 37. – Вип. 24. – Історичні науки. – Миколаїв: МДГУ ім. П. Могили, 2005. – С.71–74.
2. Вопрос о Фолклендских (Мальвинских) островах A/RES/37/9. 4 ноября 1982 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/37/9>.
3. Габриэль Гарсия Маркес. Цитаты [Электронный ресурс]. – URL: <http://citaty.socratify.net/gabriel-garsia-markes>.
4. Гуцол А.В. Позиция США в Фолклендском конфликте 1982 г. // Матеріали міжнар. наук. конф. «Актуальні проблеми новітньої історії». – Луганськ, 2006. – С. 29–30.
5. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.
6. Казаков В.П. Политическая история Аргентины. – М.: Высшая школа, 2007. – 168 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
8. Elmandjra M. Première guerre civilisationnelle [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etudier.com/dissertations/Resum%C3%A9-De-1Ere-Guerre-Civilisationnelle-Par/498849.html>.
9. MT letter to Jim Slater (sinking of the Belgrano). 9 June, 1983. [Электронный ресурс] // British Government Archives Foundation. – URL: <https://www.margaretthatcher.org/document...BELGRANO%20THCR%203-2-118%20f13.pdf>.
10. Noble P. Part Of Antarctica Is Going To Be Named After The Queen // The Telegraph. December 18, 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.businessinsider.com/part-of-antarctica-named-after-queen-2012-12>.
11. Ramos J.A. Historia de la Nación Latinoamericana. – Buenos Aires: Continente, 2012. – 448 p.
12. Thatcher M. Speech on Argentinian surrender. 14 June, 1982 [Электронный ресурс] // British Government Archives Foundation. – URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/110952>.

Поступила в редакцию 25.11.2020 г.

**THE CONSEQUENCES OF THE ARMED CONFLICT ON THE FOLKLAND ISLANDS OF 1982
AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS**

A.O. Babik

The article analyzes the consequences of the Argentine-British war on the Falkland Islands in 1982. The format of this conflict went beyond regional borders and had a global resonance. An attempt to forcefully resolve the «Malvinas issue» by the Argentine government in April 1982 caused a mixed reaction from the world community, a significant part of which, first of all, the countries of Latin America, despite the fact of aggression (i.e. unauthorized use of force) came out with positions of moral support for Argentina. The 1982 crisis created new geopolitical realities in which Britain reaffirmed its status as one of the leading world powers.

Key words: Great Britain, Argentina, Falkland (Malvinas) Islands, conflict, consequences.

Бабик Алёна Олеговна

Аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений,
Луганский государственный педагогический университет.
E-mail: alyona.babik@yandex.ua

Babik Alyona Olegovna

Postgraduate student of the Department of World History and International Relations,
Lugansk State Pedagogical University
E-mail: alyona.babik@yandex.ua

УДК 353.8:94(4)“1945/...”

РЕТРОСПЕКТИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2020. А.В. Бредихин¹, О.Р. Чугрина²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

²ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе
Донецкой Народной Республики»

Статья посвящена изучению ретроспективы административных реформ и проблемам регионального развития европейского пространства, изучению основных типов современных европейских субнациональных систем и процессам их трансформации. Проанализированы изменения, которые произошли на протяжении второй половины XX века в плане децентрализации, связанной с региональным развитием, а также показана взаимосвязь между наднациональным объединением и субнациональным разделом.

Ключевые слова: региональные и местные органы власти, децентрализация, регион, европейский регионализм, этнорегионализация.

Во второй половине XX столетия в странах Западной Европы все более активное участие в процессах регионального развития стали играть органы местного и регионального самоуправления, а также наднациональные органы управления, представляющие структурные фонды ЕС. На протяжении большей части XX столетия государственная и политика на местах сочетались между собой благодаря расширению и усложнению функций и росту взаимозависимости, местная политика приобрела общегосударственное значение. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью тщательного изучения опыта стран Западной Европы в этом направлении и применением его в дальнейшем развитии нашего региона в условиях современных вызовов.

Освещая проблемы местного самоуправления западные и отечественные исследователи, обращают внимание на вопросы законодательного и финансового обеспечения института самоуправления, его структуру, функции и механизмов формирования в странах Западной Европы, взаимоотношений «центр-регион» (Р. Агранофф, Ж. Зиллер, И. Бусыгина, Н. Медведев, Н. Ткачук и др.) [1–6].

Целью данной работы является изучение основных типов современных европейских субнациональных систем (органов местного и регионального самоуправления) и процессов их трансформации во второй половине XX столетия в странах Западной Европы.

Системы местного самоуправления в Европе сформировались на основе бывших феодальных или имперских порядков. Однако нельзя утверждать, что современные региональные образования являются систематическим восстановлением провинций или земель, которые существовали до XIX в.; вместе с тем, нельзя считать их все искусственными образованиями. В Германии все границы были образованы после Второй мировой войны (за исключением основной части границ Баварии), и в её структурах ничего не остаётся от Пруссии, формально ликвидированной Контрольным советом союзников 25 февраля 1947 г. В Бельгии лингвистические реалии не совпадают с историческим разделением территории. В Испании автономная область Мадрид является образованием конца XX в., и если все другие автономные области имеют

исторические корни, от этого их положение не является менее шатким. Во Франции большинство региональных образований имеют под собой мало исторической почвы, тогда как заморские округа, Эльзас, Корсика и Лотарингия, соответствуют своими границами бывшим одноименным провинциям или колониям.

В Западной Европе регионализация возникла как поиск территориальных и институциональных границ более подходящих, чем государство для стимуляции экономического развития. Она возникла так же, как ответ на требование автономии, исходящее от определённых групп населения, чья специфическая культура связана с частью территории, которая имеет свою собственную историю. Органы субнационального (регионального и местного) самоуправления стали опираться на федеративные или унитарные основы.

Федеральные системы подразумевают самоуправление и совместное управление и территориальные единицы имеют право определять свою собственную судьбу. В унитарных системах территориальные единицы образовывались централизованно и одобрялись тогда, когда это было выгодно и полезно. В обоих случаях административные единицы распределялись в пределах более или менее определённых территориальных границ. На практике обе системы развились в местное самоуправление как право.

Профессор департамента общественных и экологических исследований университета г. Блумингтона Р. Агранофф выделяет три типа историко-политических событий в Европе, привели к возникновению ее основной территориально-административной организации: во-первых, это переход от абсолютистского правления к правовой системе сдержек и противовесов, то есть системы взаимного ограничения властей (появление "конституционализма"), во-вторых, это движение за общественный контроль, который был следствием введения всеобщего избирательного права и представительного правления; в-третьих, это попытка создать "общенародное государство" [1, с. 6-7].

Находясь в пределах двух первых господствующих тенденций, то есть конституционализма и общественного контроля, традиционные системы местного самоуправления на Западе, как правило, согласовывались с принципами либеральной идеологии, делая упор на минимальное вмешательство правительства в жизнь общества, а затем и на ограниченное функционирование местного самоуправления. Кроме того, деятельность местных органов власти должна была чётко отделена от других сфер управления.

Начиная с 1950-х годов, органы местного самоуправления в Европе претерпели целый ряд изменений, которые сделали их более пригодными для функционирования в государствах всеобщего благоденствия. Позже возникла потребность в дополнительном изменении органов местного самоуправления с тем, чтобы справиться с проблемами интернационализации, особенно в связи с участием в Европейском Союзе.

В 70–80-х годах XX века во многих развитых странах были проведены реформы административно-территориального деления.

Так, например, в 1972 г. в Великобритании был принят новый Акт о местном управлении, реализация которого была начата в 1974 г. Его целью был переход к двух-трёхуровневой системе управления за счёт укрупнения местных территориальных единиц (в 1995 г. была пересмотрена система административно-территориального деления Англии). Административная структура регионов во Франции законодательно была определена в 1982 г., согласно которой было введено пятиуровневое территориально-административное деление на коммуны, кантоны, округа,

департаменты и регионы, однако первые попытки регионализации относятся ещё к 50–60-х годам XX века. В это же время в Италии был осуществлён переход на трёхуровневое административно-территориальное деление на коммуну, провинции и области [7, с. 85-86, 263-268, 337-339.].

Эти реформы характеризовались сокращением количества имеющихся территориальных единиц путём увеличения их размеров или созданием нового, укрупнённого звена административно-территориального деления – региона. В условиях унитарной формы государственного устройства создание и изменение этих единиц осуществлялось централизованно, в федерации соответствующие вопросы, как правило, решались на уровне субъектов. Кроме того, если речь идёт о федеративном государстве (ФРГ, Австрия, Швейцария, Бельгия), регион представляет собой барометр развития федеративных отношений.

В начале 80-х гг. XX века практически во всех странах ЕС значительные полномочия получили региональные и местные органы власти, а в Маастрихтских соглашениях был официально провозглашён принцип взаимосвязи между наднациональным объединением и субнациональным разделением (регионализация) и предусмотрены гарантии политических прав регионов со стороны европейских институтов.

Так, в 1985 г. Совет Европы принял Европейскую хартию местного самоуправления, которая предлагала общие европейские стандарты для определения и защиты прав местных органов власти, «обязывая стороны применять основные нормы, гарантирующие политическую, административную и финансовую самостоятельность местных органов власти» [8]. Хартия стала первым многосторонним юридическим документом, который определял и защищал принципы местной автономии.

В документе выражено убеждение, что степень самоуправления, которым пользуются местные органы власти, является краеугольным камнем настоящей демократии. Восемнадцать статей Хартии содержат требования, чтобы местное самоуправление было заложено как норма в Конституции или Основные законы. Она определяет автономию как право и способность местных органов власти управлять и распоряжаться своими собственными делами и управляться выборными органами на основе прямого, равного и всеобщего избирательного права. Местные органы власти должны иметь чётко определённые обязанности по самоуправлению наряду с обязанностями, делегированными из центра. Административный контроль за местными органами власти должен опираться на закон с акцентуацией на его соблюдение.

Основы местного самоуправления, заложенные в Хартии, распространяются на все уровни и категории местных органов власти в каждом государстве-участнике Европейского Союза. Хартия стала первым многосторонним юридическим документом, который определяет и защищает принципы местной автономии.

После подписания Маастрихтского договора, был создан специальный управленческий отдел, который призван регулировать специфические проблемы территорий. В 1994 г. был создан Конгресс местных и региональных властей Европы, состоящий из Палаты местных властей и Палаты регионов. Он был создан в качестве консультативного органа Совета Европы с тем, чтобы помочь новым государствам-членам Совета Европы выполнять практические задания, осуществление которых необходимо для установления истинной местной и региональной автономии [9].

Стоит обратить внимание на документ Ассамблеи регионов Европы "О регионализме в Европе" (1996 г.), который подчёркивает, что "регионы представляют собой важнейший и незаменимый элемент построения Европы и процесса европейской интеграции" [10]. В этом качестве они органично взаимодействуют с центральной

властью, а тенденции вертикального разделения власти (между центром и регионами) проявляются в той или иной степени во всех европейских странах. Поэтому регионализация носит повсеместный, универсальный характер, и, тем самым, её основы можно укреплять и развивать, как эффективный способ децентрализации управления.

В течение последних десятилетий XX в. многие европейские страны предприняли решительные шаги в плане децентрализации полномочий, связанные с региональным развитием, наблюдался рост значения промежуточного яруса управления, расположенного между центральной и местной властями. Промежуточные структуры приобрели совершенно новые формы региональных выборных органов власти, осуществляющих исполнительные, а иногда и законодательные полномочия (Бельгия, Франция, Испания, Португалия, Италия), или же возникли в форме обновлённых органов управления окружного уровня (Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания и некоторые земли Германии). Это объясняется рядом факторов. Среди них важнейшим была необходимость развить такой тип автономии, который нужен для "успокоения" этнического национализма, который с 1960-х гг. шёл рядом с требованиями самоуправления. В некоторых странах усиление регионов связывалось с движением за децентрализацию и демократию, как в Испании, Италии, а после Второй мировой войны – Норвегии, Дании, Германии и в некоторой степени Франции. Наконец, промежуточный уровень управления был также средством удовлетворения групповых политических и экономических интересов [1, с. 13-14].

В начале 90-х гг. XX века на всей своей территории общие структуры регионального уровня имели Бельгия, Германия, Испания, Франция и Испания. Эти структуры разного возраста и типов, имеют разный размер. Вследствие этих тенденций органы власти, стоящих между центральным и местным уровнями, стали новыми защитниками или спикерами интересов, а также единицами определения и проведения политики.

Нынешняя Европа имеет общегосударственную форму правления, то есть государственную власть, в виде комплекса учреждений, предоставляющих услуги по всей стране. При такой общегосударственной форме правления политические решения формально могут разрабатываться в центре, а толковаться и реализовываться на субнациональных уровнях. Такая форма управления сложилась в результате модернизации и интеграции органов местного самоуправления.

В целом, европейские субнациональные системы относятся к одному из трёх основных типов [1, с. 10-11]:

1. *Интегрированные системы* в наибольшей степени контролируются центральной властью. Региональные и местные органы контролируются представителем центра вроде префекта, который отвечает за предоставление местных услуг. Противовесом ему являются выборные чиновники органов местного самоуправления (например, интегрированная система существовала во Франции до реформ 1980-х годов, однако некоторые её элементы продолжают существовать в Нидерландах, Италии, Португалии).

2. *Дуальная система* является типичной для местного самоуправления в Англии. В этой системе местное самоуправление осуществляется комитетами: ответственность за управление несёт выборный совет в целом. Однако министерства центрального правительства накладывают общие контрольные, правовые и финансовые ограничения.

3. *Система расщепленной иерархии* делает упор на то, что местные и региональные органы имеют значительную автономию, а выборные советы и мэры несут коллективную ответственность; одновременно центральная власть может иметь значительное юридический и финансовый влияние на местные органы. На некоторых

участках центральная власть может иметь больше полномочий, в то время как на других значительной автономией обладает местные власти. Расщепленная иерархия представляет собой смесь интегрированной и дуальной систем. Она применяется в северных странах – Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции, а также в некоторых странах Центральной Европы, в Чехии и Венгрии.

В качестве примера можно привести государственное устройство и структуру местного самоуправления западноевропейских стран [2, с. 13-31; 11, с. 107-189; 12, с. 209-297].

Так, среди унитарных государств: Великобритания – включает 45 унитарных округов и 36 графств, которые делятся на районы, Северная Ирландия разделена на 26 районов; Дания – 277 коммун, 14 амтов (графств) (плюс Копенгаген и Фредериксбург), 2 автономных округа (Гренландия и Фарерские о-ва); Ирландия – 4 провинции, 88 городков или округов, 26 графств или городов; Люксембург – 118 коммун (3 округа, которые подразделяются на 13 кантонов); Нидерланды – 700 коммун, 12 провинций; Норвегия – 19 фюльке (губерний), которые делятся на муниципалитеты; Португалия – 305 коммун, 18 округов, сохраняется деление на исторические провинции; Франция – 36700 коммун, 100 департаментов (из которых – 4 за пределами Европы), 22 провинции; Финляндия – 12 лянов (губерний); Швеция – 21 лен (областей, губерний), которые делятся на 290 муниципалитетов.

Государства с федеративным устройством: Австрия – 80 политических округов и 15 уставных городов с расширенными статусами, земли делятся на 98 округов и 3 183 общины; Бельгия – 590 коммун, 10 провинций; Германия – 8590 коммун, 323 районы или свободные города, 3 федеральных земли являются городами (Берлин, Бремен, Гамбург); Швейцария – 20 кантонов, 6 полукантонов, которые делятся на коммуны (3 тыс.).

Следует отдельно отметить так называемые «областнические государства», к которым относят Испанию и Италию. Являясь формально унитарными эти государства полностью автономизированы. Так, Испания (17 автономных областей) включает 8 150 коммун, 50 провинций; Италия (20 областей, регионов) – 8 000 коммун, 110 провинций.

В руки промежуточных и местных органов передается значительная власть. Как следствие, не завися от центральной власти, эти промежуточные местные органы функционируют во взаимодействии с ними. Между государством и региональными структурами крайне необходимо сотрудничество вследствие взаимозависимости их политики и особой природы их компетенций. Анализ институций и механизмов, призванных обеспечить связь между региональными и общегосударственными институтами показывает, что в европейских странах сложилось три модели отношений между национальным государством и региональными образованиями:

- 1) когда земли представлены в федерации, а не наоборот (как в Германии);
- 2) когда государство представлено на региональном уровне (как в Испании, Италии, Франции);
- 3) когда существует взаимное игнорирование между институтами государства и институтами региона или общины (как в Бельгии).

Таким образом, можно сделать вывод, что для стран Европейского Союза важно было выработать эффективный механизм регионального развития, создание соответствующего правового поля, согласование региональной политики с общей стратегией развития государства; соблюдение принципа субсидиарности; децентрализация власти; использование внутреннего потенциала территорий; кооперация и сотрудничество между регионами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранофф Р. Огляд європейських традицій місцевого самоврядування / Р. Агранофф // Місцеве самоврядування в Україні: проблеми і прогнози. – К.: Ін-т соціології, 1997. – С. 3-24.
2. Зіллер Ж. Політико-адміністративні системи країн ЄС: Порівняльний аналіз: Пер. з фр. / Ж. Зіллер. – К.: Основи, 1996. – 420 с.
3. Бусыгина И.М. Региональная политика Европейского Союза на рубеже веков: новые тенденции и вызовы / И.М. Бусыгина // Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок? – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 110-118.
4. Будзінський Т.В. Регіональні тенденції в країнах Європейської Спільноти (1945-1992) / Т.В. Будзінський // Нова політика. – 1999. – № 3. – С. 8-14.
5. Медведев Н.П. Политическая регионалистика / Н.П. Медведев. – М.: Гардарики, 2004. – 176 с.
6. Ткачук М. Європейський регіоналізм в умовах глобальної інтеграції / М. Ткачук // Вісник Львів. ун-ту. Сер. «Міжнародні відносини». – 2001. – Вип. 3. – С. 58-67.
7. Пронкин С.В. Государственное управление зарубежных стран / С.В. Пронкин, О.Е. Петрунина. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 416 с.
8. Европейская Хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007a105> (дата обращения 16.12.2019).
9. Конгресс местных и региональных властей Европы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.echr.ru/coe/CIrae.htm> (дата обращения 16.12.2019).
10. Декларация Ассамблеи регионов Европы "О регионализме в Европе" 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://aer.eu/aer-declaration-regionalism/> (дата обращения 23.11.2019).
11. Безуглий В.В. Регіональна економічна та соціальна географія світу / В.В. Безуглий, С.В. Козинець. – К.: Академія, 2003. – 688 с.
12. Дербишайр Д. Политические системы мира: В 2 т. / Д. Дербишайр, Я. Дербишайр. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – Т.2. – 496 с.

Поступила в редакцию 29.11.2020 г.

A RETROSPECTIVE OF ADMINISTRATIVE REFORMS IN WESTERN EUROPE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

A. V. Bredikhin, O. V. Chugrina

The article is devoted to the study of the retrospective of administrative reforms and the problems of regional development of the European space, learning the basic types of modern European subnational systems and processes of their transformation. The changes have been analyzed which took place during the second part of the XXth century in the view of authorities decentralization connected with the regional development and the relationship between overnational unity and subnational division has been revealed.

Key words: regional and local authorities, decentralization, region, European regionalism, ethno-regionalization

Бредихин Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of History, Professor,
the Head of the Chair of the World History,
SEE HPE "Donetsk National University".
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Чугрина Оксана Романовна

Кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
доцент кафедры философии и психологии
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики».
E-mail: Oksana_Chugrina7@mail.ru

Chugrina Oksana

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate professor at the department of philosophy
and psychology, SEE HPE «Donetsk academy of
management and public administration under the Head
of Donetsk People's Republic».
E-mail: Oksana_Chugrina7@mail.ru

УДК 32:504.03:620.9(430)"2013/2020"

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ (2013–2020 гг.)

© 2020. *Е.С. Искра*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется экологическая политика Германии в области возобновляемых источников энергии (2013–2020 гг.), рассматриваются меры, принимаемые с целью улучшения экологической ситуации в целом и повышения ресурсо- и энергоэффективности в стране.

Ключевые слова: Германия, экологическая политика, возобновляемые источники энергии, чистые технологии, экологические программы.

Вопросы экологии и формирования международной экологической политики приобретают в последние десятилетия особую остроту, научную значимость и актуальность. Главным образом, все это происходит благодаря возрастанию значения самих экологических вызовов. Появление и формирование проблем в области охраны окружающей среды происходит первоначально на региональном уровне, на следующем этапе осуществляется их осмысление на уровне национальных государств, и заключительный этап – решение экологических проблем на международном уровне.

В этом контексте современная политика Германии в области возобновляемых источников энергии представляет для исследователя значимый интерес, учитывая тот факт, что зависимость энергетики от поставок углеводородов из-за рубежа – один из главных факторов, формирующих внешнюю политику Германии. Борьба за обеспечение энергетической безопасности проходит через всю экономическую историю ФРГ.

Проблемы изучения экологической политики Федеративной Республики нашли свое отражение в отечественной историографии. Так, в работе В.К. Белозёрова и Е.Ю. Кириловой исследованы официальные подходы Германии к экологической политике, дана характеристика основным способам улучшения состояния окружающей среды, в том числе деятельности по экологизации сознания немецких граждан – тип мировоззренческих трансформаций в условиях глобального экологического кризиса [1]. Экологическая политика Германии в условиях «зеленой экономики» рассматривается в статье М.А. Гурьева, в которой проведен анализ основных экологических проблем Германии, рассмотрены действующие экологические принципы и направления экологической политики, приведены статистические данные [2]. В исследовании С.И. Мельниковой и Д.Д. Яковлевой «Энергетика Германии: череда парадоксов» дан подробный анализ цены и методах проводимых реформ, их прямых и побочных результатах и следствиях, что весьма существенно дополняет общую картину исследуемой проблемы [3].

Целью данной статьи является анализ экологической политики Германии в области возобновляемых источников энергии, пути ее реализации в современных условиях, принимаемые меры по улучшению экологической ситуации в стране с учетом последних тенденций в области природоохранной политики и опыта Германии в построении новой модели энергонезависимой экономики.

Германию часто называют одним из мировых лидеров в области экологически чистых технологий, и, согласно Рамочной программе Организации Объединенных

Наций по изменению климата, количество немецких патентов на экологически чистые технологии с 2007 по 2013 гг. более чем утроилось [4]. Здесь сыграл важную роль закон страны о возобновляемых источниках энергии, к которым относят солнце, ветер, вода (кроме крупных ГЭС), геотермальные источники, биотопливо, т.е. все источники, энергия которых считается неисчерпаемой. В 2019 г. около 27 % электроэнергии было получено из возобновляемых источников, что в три раза больше, чем десять лет назад, и более чем в два раза больше, чем в США сегодня [4].

После аварии на японской атомной электростанции Фукусима в 2011 г., канцлер Ангела Меркель заявила, что Германия закроет все 17 своих собственных реакторов к 2022 г. Это определило более высокие темпы развития возобновляемой энергетики, и как следствие, в настоящее время страна придерживается своей политики *Energiewende* или «энергетического поворота», действующей уже почти десять лет. Данная политика представляет собой крупный план преобразования энергосистемы страны, как эффективную и снабжаемую в основном возобновляемыми источниками энергии. Это существенно заметно в производстве электроэнергии, где увеличилась доля возобновляемых источников энергии, в результате чего Германия стала позиционировать себя в качестве будущего поставщика технологий возобновляемой энергии, которые на данном этапе развития активно применяются при добыче солнечной и ветряной энергии.

Весьма перспективным объектом в области возобновляемых источников для современной энергосистемы Германии является солнечная энергия. Так, только в 2013 г. было выдано более 900 патентов на разработку агрегации для получения этого вида энергии [5]. Немецкие новаторы используют два типа солнечной энергии: обычную фотоэлектрическую энергию и концентрированную солнечную энергию (CSP). Как следует из названия, CSP включает использование зеркал на вершине башни для объединения солнечных лучей на одном центральном приемнике. Технология генерирует тепло, которое можно хранить или использовать для производства электроэнергии с помощью стандартной турбины.

Еще одним перспективным видом возобновляемых источников энергии для экономики Германии является ветроэнергетика. Береговая ветроэнергетика является центральной опорой перехода Германии к производству электроэнергии с низким уровнем выбросов углерода и в 2019 г. стала источником энергии номер один в стране. На протяжении последних лет ФРГ является лидером в области установки наземных ветроэнергетических преобразователей в Европе, на сегодняшний день это лидер рынка в регионе и мировой лидер в области ветряных технологий.

Около 800 патентов касаются морских ветряных электростанций и накопителей электроэнергии [6]. Ветроэнергетика является вторым по величине источником электроэнергии в Федеративной Республике. В первой половине 2020 г. строительство новых турбин ускорилося, страна в перспективе может обеспечить 100 % ежедневных потребностей только за счет чистой энергии, 19 % из которых будет составлять ветроэнергетика [7].

Федеративная Республика Германии демонстрирует значительные успехи в электроэнергетике: в 2017 г. страна смогла вырабатывать 36% своей электроэнергии только за счет производства чистой энергии, а это значительный рост по сравнению с 4 % в 2016 г. [8]. В 2018 г. имела место судебная тяжба между основным поставщиком энергии в Германии, энергетической компанией RWE и Союзом охраны природы Германии (BUND), который является некоммерческой организацией. Для удовлетворения потребностей постоянно растущего населения в энергии, необходимо

было принести в жертву еще одну часть значительно сокращающегося леса для расширения добычи бурого угля горнодобывающими компаниями. BUND выступал за защиту леса Хамбах, который представляет собой дом для 142 видов животных, а также является огромным источником биоразнообразия. Несмотря на постоянные протесты и демонстрации судебная тяжба длится до сих пор, однако, в 2020 г. на встрече на высшем уровне правительства Германии и четырех федеративных земель, затронутых поэтапным отказом от угля, было согласовано сохранение леса Хамбах [9].

В связи с поэтапным отказом от угля, правительство Германии поставило цель использовать меньше природного сырья при сохранении того же уровня благосостояния и удовлетворения потребностей своих граждан в электроэнергетике. Здесь стоит отметить когенерацию – это метод комбинируемого производства тепла и электроэнергии, который значительно увеличивает общую эффективность добычи энергии, что приводит к экономии источников топлива и ограничению выбросов CO₂, и как следствие, это снижает нагрузку на окружающую среду.

В поддержку отказа от использования угля для защиты окружающей среды была принята Немецкая программа ресурсо-эффективности, направленная на рациональное использование природного сырья, включающая консультации по эффективности малых и средних предприятий, поддержку систем экологического менеджмента, привлечение большего внимания к ресурсо-эффективным продуктам и услугам в государственных закупках – все это повышает устойчивость и конкурентоспособность экономики Германии на международном уровне.

Среди амбициозных экологических программ Германии стоит отметить Энергетическую концепцию Федеративной Республики, в которой сформулированы руководящие принципы экологически безопасного, надежного и доступного энергосбережения. Ключевыми элементами этого являются расширение использования возобновляемых источников энергии и повышение энерго-эффективности. В производстве электроэнергии Германия стремится увеличить долю возобновляемых источников энергии с 17 % сегодня до более 80 % в 2050 году, при этом полностью отказаться от производства электроэнергии на атомных электростанциях к 2022 г. [9]. Выбросы парниковых газов уже снизились на 40 % в 2020 г. и прогнозируются не менее 80 % к 2050 г. [9]. В области энерго-эффективности Германия намерена сократить потребление первичной энергии на 20 % в 2020 г. и на 50 % к 2050 г. [9]. В целом Энергетическая концепция содержит более 100 конкретных мер в области электричества, тепла и транспорта, которые помогут стране значительно повысить энергетическую, ресурсную и углеродную эффективность своей экономики [10].

Германия достигла одного из самых высоких уровней продуктивности ресурсов среди стран Организации экономического сотрудничества и развития, является одной из немногих стран, добившихся полного сокращения выбросов парниковых газов, что благотворно отражается на экологической ситуации в стране. Экологизация экономики Германии является результатом нескольких десятилетий целенаправленной разработки и реализации продуманной политики в сфере экологической безопасности. Данная политика, связанная с защитой окружающей среды и сохранением ресурсов стала основным направлением экономической деятельности государства, «зеленая политика – это просто хорошая промышленная политика» [11].

Опыт ФРГ красноречиво подтверждает тезис о том, что проблема возобновляемых источников энергии, реализация данного потенциала, является важнейшей задачей в области сохранения биоразнообразия, энерго- и ресурсо-эффективности для любого государства. Германия произвела более половины своей

электроэнергии с помощью возобновляемых источников за первые три месяца 2020 г., и это не может не впечатлять. В сочетании с высоким уровнем производства возобновляемой энергии в 2019 г. это позволит Германии достичь своих целей по зеленой энергии и на 2020 г., несмотря на общее замедление роста возобновляемой энергетики, связанного с коронавирусом.

Амбициозные экологические программы помогли Германии значительно повысить энергетическую, ресурсную и углеродную эффективность в экономике. Политика «зеленого роста» – стимулирование экономического развития, в условиях обеспечения сохранности природных активов стала важным стержнем экологических инноваций и появления конкурентоспособного на международном уровне сектора экологических товаров и услуг (EGS), оборот которого растет в первую очередь из-за развития возобновляемых источников энергии.

Большое значение имеет движимая система льготных тарифов, существующая именно в Германии, вследствие чего возобновляемым источникам энергии гарантируется отпускная и льготная цена. Учитывая ожидаемый рост мировых рынков солнечной тепловой энергии, фотоэлектрической и ветровой энергии, в следующем десятилетии EGS, несомненно, будет служить важным источником экономического роста Германии.

Мировая экономика нуждается в развитии альтернативной энергетики именно как альтернативы исчерпаемым энергетическим сырьевым ресурсам и экологически чистой энергии. Однако без управляющего воздействия государства, которое отчетливо показывает опыт Германии, развитие альтернативной энергетики невозможно, поскольку на первых стадиях развития эта энергетика не является прибыльной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров В.К., Кирилина Е.Ю. Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA.RU – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-ekologicheskoy-politiki-federativnoy-respubliki-germaniya-v-sovremennyh-usloviyah> (Дата обращения 27.09.2020 г.)
2. Гурьев М.А. Экологическая политика Германии в концепте зеленой экономики [Электронный ресурс] // Naukarus.com – URL: <http://naukarus.com/ekologicheskaya-politika-germanii-v-kontsepte-zelenoy-ekonomiki> (Дата обращения 04.11.2020 г.)
3. Мельникова С.И., Яковлева Д.Д. Энергетика Германии: череда парадоксов // Экологический вестник России. – 2018. – № 010. – С. 19-27.
4. EU-Umweltpolitik in Deutschland: Es bleibt viel zu tun / Europäische Kommission. – URL: https://ec.europa.eu/germany/news/20190405-eu-umweltpolitik-deutschland-es-bleibt-viel-zu-tun_de (Дата обращения 28.09.2020 г.)
5. Green growth in action: Germany [Электронный ресурс] / OECD.org. – URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/greengrowthinactiongermany.htm> (Дата обращения 28.09.2020 г.)
6. Green growth in action: Germany [Электронный ресурс] / OECD.org. – URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/greengrowthinactiongermany.htm> (Дата обращения 28.09.2020 г.)
7. EU-Umweltpolitik in Deutschland: Es bleibt viel zu tun / Europäische Kommission. – URL: https://ec.europa.eu/germany/news/20190405-eu-umweltpolitik-deutschland-es-bleibt-viel-zu-tun_de (Дата обращения 28.09.2020 г.)
8. Green growth in action: Germany [Электронный ресурс] / OECD.org. – URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/greengrowthinactiongermany.htm> (Дата обращения 28.09.2020 г.)
9. EU-Umweltpolitik in Deutschland: Es bleibt viel zu tun / Europäische Kommission. – URL: https://ec.europa.eu/germany/news/20190405-eu-umweltpolitik-deutschland-es-bleibt-viel-zu-tun_de (Дата обращения 28.09.2020 г.)
10. EU-Umweltpolitik in Deutschland: Es bleibt viel zu tun / Europäische Kommission. – URL: https://ec.europa.eu/germany/news/20190405-eu-umweltpolitik-deutschland-es-bleibt-viel-zu-tun_de (Дата обращения 28.09.2020 г.)

11. Prof. Dr. Jürgen Schmid Energy Concept 2050 for Germany with a European and Global Perspective / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fvee.de/fileadmin/publikationen/Politische_Papiere_FVEE/10.06.Energy_Concept_2050/EK2010_EN.pdf (Дата обращения 30.09.2020 г.)

Поступила в редакцию 12.12.2020 г.

**GERMANY'S ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND RENEWABLE ENERGY POLICIES
(2013–2020)**

E.S. Iskra

The article analyses Germany's environmental policy in the field of renewable energy (2013-2020), regards measures taken to improve the environmental situation in general, as well as measures to increase resource and energy efficiency in the country.

Key words: Germany, environmental policy, renewable energy sources, clean technologies, environmental programs.

Искра Екатерина Сергеевна

Аспирант кафедры международных
отношений и внешней политики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: misfitek@gmail.com

Iskra Ekaterina Sergeevna

Postgraduate student of the Chair of International
relations and foreign policy,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: misfitek@gmail.com

УДК [94(477.61) : 355.426] «2014/2020»

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛНР В 2014–2020 гг.

© 2020. Д.С. Крысенко

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье проанализировано развитие проблемы дипломатического признания Луганской Народной Республики с момента её провозглашения по настоящий момент. Внимание акцентировано на усилиях по реализации мирных договорённостей в рамках Минского процесса. Констатируется факт того, что с точки зрения международного права, провозглашение независимости ЛНР имело законный характер, поскольку опиралось на принцип права наций на самоопределение.

Ключевые слова: ЛНР, государственность, дипломатическое признание, мирный процесс.

«Историкам будущего придётся не просто изучать 2020-й год, а ещё и выбирать, на каком месяце специализироваться», – данные слова, ставшие афоризмом, обозначают вступление современного мира в период турбулентности. Необходимость выхода из кризисной ситуации, сложившейся в сфере политики и экономики, актуализирует исследования, касающиеся наиболее проблемных вопросов новейшей истории. В данный круг входит и проблема выбора пути развития восточноевропейских государств. Наиболее ярким примером данной проблемы является вопрос о международном признании Луганской и Донецкой Народных Республик. Несмотря на хронологическую близость и открытый характер большинства источниковых материалов, как фактографическая сторона данных событий, так и их интерпретация являются актуальной научной задачей.

Начало «Русской весны», провозглашение ЛНР и ДНР, а также развязывание карательной операции против них Киевом привели к росту напряжения не только на Украине, но и в мире в целом. Первая попытка разрешения конфликта состоялась 17 апреля 2014 г. в Женеве, где прошли четырёхсторонние переговоры с участием высших дипломатических представителей РФ, США, ЕС и Украины. Итоговое заявление предусматривало:

- Осуществление Украиной конституционной реформы и широкого общественного диалога с учётом интересов всех регионов и политических сил;
- Деятельность Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ с участием наблюдателей от США, ЕС и России.

Следующий раунд переговоров состоялся 6 июня 2014 г. в Шато-де-Бенувиль в Нормандии (Франция) во время празднования 70-й годовщины высадки союзников (1944 г.). Вопрос урегулирования ситуации на Юго-Востоке Украины обсуждали В. Путин (РФ), А. Меркель (ФРГ), Ф. Олланд (Франция) и П. Порошенко (Украина). Однако невыполнение достигнутых договорённостей по вине руководства Украины предопределило дальнейшую эскалацию насилия весной-летом 2014 г. По этой причине, переговоры проходили в условиях активной фазы боевых действий. 23 июня 2014 г. в Донецке встретились представители Украины – Л. Кучма, В. Медведчук и Н. Шуфрич, России – посол на Украине М. Зурабов, сопредседатель Народного фронта Новороссии О. Царёв и премьер-министр ДНР А. Бородай, а также ОБСЕ – швейцарский дипломат Х. Тальявини [4]. Но с учётом обструкции Киева, требовавшего

распустить вооружённые силы Народных Республик и восстановить на их территории работу украинских органов власти, достичь договорённостей не удалось.

Летом 2014 г. Россия безуспешно обращалась к руководству Украины с призывами прекратить карательную операцию. Западноевропейские же дипломаты предложили провести многостороннюю встречу лишь после крушения самолёта Боинг 777 на территории ДНР 17 июля 2014 г. Достижение договорённостей удалось только в конце августа 2014 г., когда военная инициатива перешла от ВСУ к народному ополчению ЛНР и ДНР.

Важный этап международного диалога о статусе и перспективах развития ЛНР и ДНР начался в сентябре 2014 г. В решении проблемы урегулирования вооружённого конфликта в Донбассе приняли участие Франция, Германия, Россия, Украина, ЛНР и ДНР. США в переговорном процессе напрямую не участвовали, играя роль закулисного куратора Украины.

Среди причин продолжения мирных переговоров о разрешении конфликта на Юго-Востоке Украины можно указать следующие:

1. Со стороны руководства ЛНР и ДНР – стремление к их признанию мировым сообществом и развитию торговых, социальных и культурных связей с зарубежными странами; актуальным оставался вопрос освобождения из-под оккупации Украиной северных территорий ЛНР и западной части ДНР.

2. Со стороны правительства Украины – стремление вернуть Донбасс под свою юрисдикцию по причине военного поражения ВСУ осенью 2014 г.; важность проблемы самоопределения ЛНР и ДНР была обусловлена тем, что их примеру могло последовать население других регионов Украины; кроме того, возвращение экономически развитого региона Донбасса должно было пополнять стремительно пустеющий бюджет страны.

3. Со стороны Российской Федерации, игравшей посредническую роль, – стремление оказать дипломатическую помощь ЛНР и ДНР, так как на их территории проживали этнически и ментально русские люди; кроме того, Россия приняла из района военного конфликта более 1 млн. беженцев, что требовало больших финансовых затрат; государственная безопасность России во многом зависела от прекращения войны на юго-западной границе.

4. Со стороны Франции и Германии, формально выступавших в качестве посредников, – стремление дипломатическими средствами сохранить целостность Украины и добиться возвращения Донбасса в её состав.

С учётом указанного, 3 сентября 2014 г. П. Порошенко в телефонном режиме обратился к Президенту России В. Путину с просьбой о содействии в прекращении огня и начале переговорного процесса о перемирии [11]. Сам факт начала переговоров был значительной уступкой российского лидера, поскольку незаконность переворота в Киеве лишала дипломатической силы любые соглашения, подписанные этой властью. Последний на тот момент законно избранный Президент Украины В. Янукович и законное правительство – Комитет спасения Украины, возглавляемое Н. Азаровым, – находились в политической эмиграции на территории России. Возвращение полномочий украинским государственным деятелям могло стать основанием для международной гуманитарной военной операции, однако российское руководство предпочло урегулировать гражданский конфликт на Украине дипломатическим путём. Символическим фактом является то, что местом переговоров была выбрана столица Республики Беларусь – Минск, который являлся одним из центров евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Кроме того, в новейшей истории мирные договоры чаще всего заключали на территории победившей стороны.

На встрече контактной группы 5 сентября 2014 г. присутствовали представители России – М. Зурабов, Украины – Л. Кучма, ОБСЕ – Х. Тальявини, ЛНР – И. Плотницкий и ДНР – А. Захарченко. По итогам переговоров был подписан «Минский протокол», который имел рамочный характер, так как очертил общие условия договорённостей. Алгоритм возможного решения конфликта был определён в 12 пунктах, которые стороны конфликта должны были выполнять поэтапно в соответствии с их нумерацией [9].

Условия соглашения носили компромиссный характер для всех сторон. Для ЛНР и ДНР, которые остановили наступление народного ополчения, не освободив полностью свои оккупированные Украиной территории, позитивным моментом выступило получение международных юридических гарантий безопасности. В свою очередь, для руководства Украины, которое преследовало цель построения нациократического унитарного государства, договор имел формальный характер. Это доказывал тот факт, что представитель Киева на переговорах – бывший президент Л. Кучма – не занимал на тот момент никакого государственного поста. Тем самым, киевская власть заранее снимала с себя ответственность за вольную трактовку протокола и невыполнение его условий. Неудивительно, что сразу после подписания соглашения П. Порошенко заявил, что перемирие не будет иметь долгосрочного характера [13].

Деструктивность позиции, занятой Киевом, стала очевидной 8 сентября 2014 г., когда подконтрольные ему вооружённые силы вновь обстреляли территорию ЛНР и ДНР. Такая ситуация обусловила необходимость уточнения условий прекращения огня, и уже 19 сентября 2014 г. в Минске состоялась новая встреча контактной группы. Итогом её работы стало подписание «Меморандума об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трёхсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина». Меморандум предусматривал формирование зоны безопасности путём отвода тяжёлых вооружений калибром свыше 100 мм на 15 км от линии соприкосновения сторон. В этой зоне запрещалась установка минно-взрывных заграждений, полёты боевой авиации и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

По нашему мнению, договор определил невыгодное положение Народных Республик, поскольку в 15-километровой зоне оказались их столицы – Луганск и Донецк, от которых Народная милиция обязана была отвести военную технику. При этом, столица Украины – Киев – находился на недосягаемой для любых систем вооружений Республик Донбасса территории. Кроме того, ЛНР и ДНР были лишены стратегической глубины, то есть пространства для манёвра. Но небольшая по размеру территория Республик (около 8 тыс. км² у каждой) была одновременно преимуществом, поскольку заставляла их военное и гражданское руководство защищать каждую пядь земли.

События конца 2014 – начала 2015 гг. показали, что Минские соглашения киевские власти рассматривали как передышку для перегруппировки и обучения войск для дальнейшего развёртывания силового сценария. Вместо диалога в национальном масштабе Украина вела воинственную пропаганду в националистическом духе; вместо нормализации гуманитарной обстановки в Донбассе заморозила выплаты зарплат и социальных пособий; вместо амнистии политических заключённых развернула волну репрессий против оппозиции. В тупике оказалась и законотворческая составляющая Минского протокола: 16 сентября 2014 г. Верховная Рада приняла законы «О

недопущении преследования и наказания лиц – участников событий на территории Донецкой и Луганской областей» и «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей». Впрочем, 1-й закон отказались подписать А. Турчинов и П. Порошенко, а 2-й закон так и не вступил в силу.

Игнорирование Украиной взятых на себя обязательств доказали массовые нарушения режима прекращения огня на границах ЛНР и ДНР и попытка наступления ВСУ в районе Дебальцево (ДНР) в январе 2015 г., что фактически означало денонсацию Минского протокола. Однако в результате контрнаступления Народной милиции, тяжёлых потерь украинской армии и протестов мировой общественности, Украина вынуждена была возобновить диалог. Новые переговоры в Минске, на которые приехали главы «нормандской четвёрки» открылись 11 февраля 2015 г. На следующий день для подписания итогового документа к группе присоединись Главы ЛНР и ДНР И. Плотницкий и А. Захарченко. Необходимо отметить, что участие руководителей Народных Республик в переговорах столь высокого уровня выступило косвенной формой их признания в качестве субъектов международных отношений (*de-facto*). В ходе Минских соглашений ЛНР и ДНР дипломатическим путём доказали право на государственность, не считаясь с которым не могли даже руководители ведущих стран Запада.

В результате напряжённых переговоров, продлившихся рекордные 16 часов, был подписан документ «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений». Соглашения, известные как Минск-2, расширили и конкретизировали алгоритм выполнения решений Минска-1, обязывая Украину провести конституционную реформу, ввести в действие законы об амнистии и особом статусе Луганской и Донецкой областей, а также провести на их территории местные выборы. Новым требованием к обеим сторонам конфликта было создание нейтральной зоны безопасности и отведение под наблюдением ОБСЕ тяжёлых систем вооружения (в зависимости от калибра на глубину 50–70 км). Неоднозначностью отличался пункт о восстановлении контроля Киева над украино-российской границей, что фактически означало бы установление контроля над границей ЛНР и ДНР с РФ [5]. Но реализовать этот пункт Украина могла только после изменения Конституции, введения норм по децентрализации регионов страны и проведения местных выборов в Луганской и Донецкой областях. Дальнейший ход событий показал нежелание официального Киева следовать взятым на себя обязательствам. «Президент мира» П. Порошенко, который обещал закончить братоубийственную войну летом 2014 г., неизменно отказывался идти на какие-либо уступки.

Следует отметить двойственный характер Минских соглашений-2 для ЛНР и ДНР. С одной стороны, половинчатый характер договора шёл вразрез с волеизъявлением граждан на референдуме 11 мая 2014 г. о построении собственной государственности, так как ограничивал их суверенитет «особым статусом» в рамках Украины. Однако политика – это искусство возможного, а не желаемого, поэтому, с другой стороны, Минские договорённости выступили единственно возможным способом отстоять самостоятельность Республик. Ради восстановления мира и безопасности, экономических и социальных связей Луганск и Донецк должны были идти на компромисс. При этом, в случае нарушения соглашения о прекращении огня и отсутствия дальнейшего диалога, Главы ЛНР и ДНР оставили за собой право на дальнейшее освобождение своих территорий от украинской оккупации.

Таким образом, в результате подписания Минских соглашений статус ЛНР и ДНР приобрёл государственно-правовые рамки. Но вопреки обязательствам сторон

выполнить договорённости до конца 2015 г., они не реализованы до настоящего времени (декабрь 2020 г.). Анализировать ситуацию по невыполнению Минских соглашений необходимо на основании роли участников Минских переговоров. Сторонами вооружённого конфликта являются с одной стороны – Украина, с другой – ДНР и ЛНР, которые и должны выполнять договорённости. При этом РФ, Франция и ФРГ выступали гарантами, а ОБСЕ – модератором (наблюдателем) урегулирования ситуации. Данный процесс был согласован с наиболее авторитетной международной организацией – ООН.

Проводя сравнительный анализ выполнения Минских соглашений сторонами конфликта, напомним, что первым и базовым принципом договора является незамедлительное прекращение огня и отвод тяжёлых вооружений на равные расстояния. Действительно, острая фаза противостояния завершилась в феврале 2015 г. после разгрома ВСУ в «Дебальцевском кольце», и, следуя обязательствам, Народные милиции ЛНР и ДНР остановили процесс полного освобождения своих территорий. При этом, содержание мира противоборствующие стороны понимали различно, например, во время переговоров в Минске 12 февраля 2015 г. украинская армия подвергла обстрелу из РСЗО столицу ЛНР – город Луганск. Действия Украины можно оценить как «государственный терроризм», поскольку в «арсенал» средств её вооружённых сил входили методы запугивания и физического устранения гражданских и военных руководителей ЛНР и ДНР, диверсии на объектах инфраструктуры и взрывы на улицах городов. В свою очередь, руководство Народных Республик не отдало ни одного приказа о совершении зеркальных действий на территории Украины.

Асимметрия наблюдается и в процессе отведения боевой техники от линии разграничения. В соответствии с договором, стороны были обязаны обеспечить мониторинг ОБСЕ режима прекращения огня и отвода тяжёлых вооружений. Однако представители ОБСЕ придерживались политики «двойных стандартов»: «не замечая» нарушений украинской стороны, они пристально контролировали выполнение соглашений НМ ЛНР и ДНР. Например, ОБСЕ не зафиксировала возвращение запрещённых систем вооружения ВСУ в район Станицы Луганской [7].

Острыми проблемами являлись так называемые «серые зоны», поскольку Минские соглашения не нормировали проживание людей на нейтральной территории и обмен пленными между сторонами конфликта. Специально для обмена пленными была создана гуманитарная подгруппа Трёхсторонней контактной группы (Украина–Россия–ОБСЕ). Формула, на которой настаивали представители Народных Республик – «обмен пленными всех на всех»; Украина требовала «обмена каждого на каждого», что демонстрировало равнодушное отношение её руководства к судьбе людей. Применяя бесчеловечные способы дознания в отношении незаконно удерживаемых военных и гражданских лиц, украинские власти нарушали «Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», которую Украинская ССР подписала в 1986 г. Несмотря на действие моратория на применение смертной казни с 1995 г., украинские военнослужащие активно практиковали расстрел военнопленных [2, с. 314]. ЛНР и ДНР, напротив, демонстрировали гуманное отношение к пленным, вследствие чего часть из них после освобождения изъявила желание остаться на постоянное место жительства в Народных Республиках.

Согласно Минским соглашениям, Киев на основе украинского законодательства должен был провести 7 декабря 2014 г. внеочередные местные выборы в Донбассе. Однако Верховная Рада Украины не определила перечень населённых пунктов для

проведения выборов и сорвала выборный процесс. В свою очередь, ЛНР и ДНР, следуя обязательствам, не провели в одностороннем порядке выборы в местные органы власти. Вопреки Минским соглашениям, киевские власти возбудили уголовные дела в отношении лиц, работающих в государственных, правоохранительных и судебных органах ЛНР и ДНР, инкриминируя им участие в «террористических организациях». Эти действия имели антизаконный характер, так как ни парламент Украины, ни международные институты не признали ЛНР и ДНР террористическими организациями, а работу в их органах власти – преступлением.

Важной составляющей Минских договорённостей было обязательство Киева восстановить социально-экономические связи с Донбассом, включая выплату пенсий и пособий. Но закон от 17 марта 2015 г. отложил его реализацию до проведения внеочередных выборов. Образовался замкнутый круг, так как выборы на «временно оккупированной территории» были отложены на неопределённый срок. Продолжило действовать постановление Кабинета Министров Украины от 7 ноября 2014 г. о прекращении всех видов социальных выплат на территории ЛНР и ДНР [8]. Невыполненным остался и пункт о восстановлении полного контроля Киева над государственной границей в зоне конфликта, которое должно было начаться в первый день после проведения местных выборов и завершиться после всеобъемлющего политического урегулирования. Причиной является отказ Киева выполнять предыдущие пункты об амнистии, особом статусе и местных выборах. Руководство Украины не реализовало пункт Минских соглашений о внесении изменений в Конституцию, которые предусматривали проведение децентрализации государства после согласования с представителями Донецкой и Луганской областей. В соответствии с договорённостями не позднее 30 дней с момента подписания договора Минска-2, Верховная Рада была обязана принять постановление о придании ЛНР и ДНР особого политического и экономического статуса и введения на их территории особого порядка самоуправления. Вместо этого, сначала в постановлении от 17 марта 2015 г., а потом в законе от 18 января 2018 г. были определены «особенности государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины над временно оккупированными территориями в Донецкой и Луганской областях» [3]. Закон предоставил президенту право использовать вооружённые силы для «освобождения территорий востока страны» и ввести военное положение в государстве. «Закон о реинтеграции Донбасса» свидетельствовал о фактическом выходе Украины из Минского процесса.

Имитацию мирного урегулирования конфликта перед мировым сообществом официальный Киев оправдывал желанием сначала решить вопросы безопасности, и только потом перейти к разрешению остальных проблем. Подобная обструкция, т. е. нежелание следовать взятым на себя обязательствам, имела определённые причины, продиктованные рядом факторов. Внешним фактором являлась заинтересованность западных стран в обвинениях России в невыполнении Минских соглашений. К внутренним факторам относилось желание Украины затягивать рассмотрение неудобных для себя экономических, политических и гуманитарных вопросов. Кроме того, на выполнение договорённостей влияла конкуренция различных олигархических группировок на Украине. Существовали у П. Порошенко опасения и о том, что прекращение гражданской войны, предоставление Луганской и Донецкой областям особого статуса и амнистия ополченцев могли привести к возвращению с фронта радикальных националистов, что, в свою очередь, могло повлечь за собой новый государственный переворот.

Не изменилась ситуация и после избрания в 2019 г. на пост президента Украины Владимира Зеленского. Вопреки предвыборным обещаниям прекратить войну, им был продолжен курс на затягивание военных действий и ужесточение обстрелов территории ЛНР и ДНР. Сохранение Киевом прежнего политического курса отчётливо проявилось на встрече 9 декабря 2019 г. лидеров РФ, ФРГ, Франции и Украины в нормандском формате. Несмотря на подписание В. Зеленским документов о выполнении «формулы Штайнмайера», украинская сторона традиционно саботировала процесс мирного урегулирования. О нарушении Украиной Минских соглашений в 2019–2020 гг. свидетельствовала статистика СЦКК ОБСЕ: с мая 2019 по май 2020 гг. ВСУ более 550 раз обстреляли территорию ЛНР, т. е. в среднем 1,5 раза в день [10]. В результате каждого 10-го обстрела за год пострадали 30 мирных жителей. Потери понёс личный состав Народной милиции ЛНР: погибли 19 человек, 12 военнослужащих было ранено. Кроме того, каждый 2-й обстрел с украинской стороны был направлен на уничтожение инфраструктуры Республики: промышленных предприятий, шахт и иных социально важных объектов.

Подчеркнём, что вопреки крайне неблагоприятной международной обстановке, государственность Луганской и Донецкой Народных Республик состоялась. Основа их существования и развития – воля и труд граждан, но благополучие страны во многом зависит от позиции мирового сообщества. Современный мир представляет собой единый организм, в котором проблемы одного государства связаны с проблемами всего человечества и наоборот, ни одно государство не является изолированным от процессов, происходящих на планете. С учётом этого, дипломатическое признание входило в круг насущных задач руководства ЛНР и ДНР. Устав ООН (одним из соавторов которого в 1945 г. была Украинская ССР), закрепил право наций на самоопределение, т. е. право каждого народа самостоятельно решать вопрос о форме государственного устройства, устанавливать политический статус и осуществлять экономическое и культурное развитие. Данное положение зафиксировано и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе или Хельсинкских соглашениях 1975 г. Документ, который подписали 35 европейских государств, определил правила международных отношений и создание ОБСЕ.

С точки зрения международного права, провозглашение независимости Луганской и Донецкой Народных Республик целиком имело законный характер, поскольку опиралось на принцип права наций на самоопределение. Однако международный статус ЛНР и ДНР имеет свои особенности. В 2020 г. в политическое сообщество мира входило 195 признанных государств, среди которых независимость на всём протяжении своей истории сохраняли около 30 стран, преимущественно – европейских. Большинству же государств мира пришлось бороться за право на суверенитет. Процесс международного признания государства достаточно сложен (например, до сих пор частично признанными остаются такие страны, как Израиль и Тайвань, что не препятствует их успешному развитию). Ярким примером являются США, которые в 1776 г. провозгласили «Декларацию независимости» от законной власти британского монарха. Именно американские революционеры объявили борьбу народа против тирании как естественное и неотъемлемое право. Почти 30 лет единственным государством, которое признавало США, оставалась Франция. В этом контексте, общественно-политическое движение «Русская весна» и проведение референдумов о государственной самостоятельности в ЛНР и ДНР имели справедливый характер, поскольку они выступили выражением воли жителей на создание самостоятельного государства.

Таким образом, ЛНР и ДНР имеют статус частично признанных государств. Народные Республики признали независимость друг друга, а 24 мая 2014 г. стали соучредителями и членами Конфедеративного Межгосударственного Союза Народных Республик (СНР). 26 июня 2014 г. спикером парламента СНР был избран Олег Царёв; 15 июля 2014 г. в Конституции было закреплено новое название конфедеративного государства – Новороссия, что свидетельствовало о преемственности с одноимённым историческим регионом Российской империи. Развивая достигнутый успех, 11 июня 2014 г. ЛНР и ДНР обратились к Российской Федерации и ещё к 14 государствам мира с просьбой о признании их независимости [1, с. 179].

Первая страна, которая установила 18 июня 2014 г. дипломатические отношения с ЛНР, имеет аналогичный статус – Республика Южная Осетия (РЮО). 16 апреля 2015 г. в здании Народного Совета ЛНР состоялось открытие дипломатического представительства РЮО во главе с послом Сосланом Караевым, а в столице Южной Осетии – г. Цхинвале – открытие представительств ЛНР и ДНР. В дальнейшем, ДНР, ЛНР и РЮО заключили ряд межпарламентских и межправительственных соглашений. Необходимо учитывать, что на постсоветском пространстве существует ряд государств, которые также возникли в результате борьбы против национализма – Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика и Приднестровская Молдавская Республика (примечательно, что социальное обеспечение и достаток граждан Приднестровья на порядок выше, чем в Молдове, из состава которой оно вышло). В 2017 г. руководство ЛНР выдвинуло идею объединения данных республик в Союз Непризнанных Государств (СНГ) для совместного решения экономических и политических проблем.

Главным внешнеполитическим партнёром Народных Республик выступила Российская Федерация, именно с ней связан наибольший успех в прорыве их дипломатической блокады. В частности, 18 февраля 2017 г. вступил в силу особый указ Президента РФ В. Путина о признании документов, удостоверяющих личность, регистрационных знаков транспортных средств, документов о квалификации (образовании), регистрации актов гражданского состояния и транспортных средств, выданных организациями ЛНР и ДНР [12]. Указ стал важным шагом по интеграции Народных Республик в Российскую Федерацию. Именно Кремль выступает основным «каналом» коммуникации ЛНР и ДНР с мировым сообществом.

Определённые успехи в установлении отношений с рядом стран мира были достигнуты благодаря инициативе государственных и профсоюзных деятелей Республики. Об углублении интеграции Народных Республик Донбасса с Российской Федерацией свидетельствовал указ В. Путина от 1 мая 2019 г. об упрощении процедуры выдачи российских паспортов жителям ЛНР и ДНР. В 2016 г. Федерация профсоюзов ЛНР стала членом Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), что помогло наладить деловые связи с представителями общественных и антифашистских организаций, депутатами Европарламента и независимыми СМИ. Тесные отношения сложились с профсоюзами Италии, Левым блоком Федерации профсоюзов Австрии и профорганизациями железных дорог Франции. В декабре 2016 г. общественность Италии инициировала создание представительств ЛНР и ДНР в Неаполе. Ряд европейских активистов провели мероприятия в поддержку жителей Республик, одной из них стала акция 1 июня 2017 г. «День памяти погибших детей Донбасса», в ходе которой небезразличные жители Германии, Испании и Японии организовали сбор гуманитарной помощи [6].

Итак, вопреки давлению стран Запада и Украины, интерес к установлению и развитию отношений с ЛНР и ДНР проявлял всё больший круг государств. Крупнейшая

агломерация Европы, густонаселённые и экономические развитые государства – ЛНР и ДНР – не могут долго оставаться в статусе непризнанных стран.

Важным фактором на пути дипломатического признания ЛНР был прорыв её информационной блокады. Отметим, что современные средства массовой информации исследователи характеризуют как «четвёртую власть», поскольку журналисты обладают возможностью «конструировать» реальность, давая событиям ту или иную оценку. Любая война, в том числе и информационная, предусматривает силовое давление на противника с целью изменения его поведения. Соответственно, информация – это разновидность оружия, которое способно вдохновить на борьбу или заставить противника капитулировать. Политическая элита Украины с момента создания государства в 1991 г. активно использовала ресурс информационной войны для перекодировки массового сознания населения. В итоге, значительная часть граждан поверила в мифологическую версию истории Украины и образ России как извечного врага. С 2014 г. информационную войну против ЛНР и ДНР вела целая сеть украинских, европейских и американских масс-медиа, что способствовало формированию у западной аудитории негативного отношения к борьбе народа Донбасса за самоопределение.

Учитывая указанное, Республики должны были одержать победу не только на поле боя, но и в информационной войне. Огромную роль в прорыве информационной блокады и объективном освещении трагических событий летом 2014 г. сыграли российские журналисты, некоторые из которых погибли. В частности, 17 июня 2014 г. съёмочная группа ВГТРК во время подготовки репортажа о беженцах попала под прицельный миномётный обстрел около п. Металлист. Звукорежиссер группы А. Волошин погиб на месте, а корреспондент И. Корнелюк скончался в больнице. Благодаря российским журналистам мир узнал о преступлениях регулярной армии Украины, перекладываемых ею с помощью подвластных газет и телеканалов на силы ополчения.

Одной из важнейших задач, стоявших перед руководством Республики, являлось создание её позитивного образа путём освещения реальных достижений и распространения правды доступными средствами коммуникации. Для этого информацию необходимо было транслировать как на территорию собственного государства, так и ближнего и дальнего зарубежья. Не менее важной задачей было освещение военных преступлений украинской армии и донесение этих фактов до сведения мировой общественности. Среди существующих видов масс-медиа (печатных, аудиовизуальных и электронных) наибольший эффект ввиду доступности и мобильности продолжают играть Интернет-ресурсы. В частности, ряд «цветных революций» получил название «твиттерные революции», так как зарубежные спецслужбы использовали для их организация социальные сети. В то же время, оповещение небезразличных к судьбе Родины людей о мирных акциях протеста в городах Донбасса весной 2014 г. также проходило через социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook». Ведущая роль в них принадлежала группе «Антимайдан». После провозглашения независимости ЛНР социальные сети способствовали утверждению её имиджа, усиливая интеграцию народа Малой Руси (Украины) с Русью Великой (Россией), от которой она была насильственно отсоединена. Наряду с любительскими группами на официальной основе были созданы специализированные информационные агентства «Исток» и «Луганский Информационный Центр» (ЛИЦ), которые смогли переломить информационный вакуум, замалчивание или искажение информации о Республике. Для этого была

создана англоязычная версия сайта ЛИЦ ЛНР, на котором публикуется наиболее важная и интересная для иностранных читателей информация. Данная мера внесла огромный вклад в прорыв информационной блокады. Важным шагом в этом направлении стало создание в мае 2014 г. Министерства транспорта, связи, информации и массовых коммуникаций ЛНР (с февраля 2015 г. – Министерство связи и массовых коммуникаций ЛНР). Первыми сотрудниками министерства стали активные пользователи из патриотических групп.

В дальнейшем, решение задачи противодействия информационной войне вышло на профессиональный уровень: в сентябре 2014 г. начала работу Государственная телевизионная и радиовещательная компания ЛНР (ГТРК ЛНР), которая координирует работу телеканала «Луганск 24». Результаты работы медиахолдинга дают основание утверждать, что его сотрудникам удалось завоевать массовую аудиторию в Республике и за её пределами. Широкую популярность получили новостные программы «Утро на Луганск 24», «Вести недели», а также острые политические программы «Скажите правду», «Кредит доверия», «Здесь и сейчас», «Интервью», «Что значит быть русским», «Голос Республики», «Открытая студия» и др.

В составе ГТРК ЛНР продолжают вещание радиостанции «Республика», «Своё радио» и «Победа». Радиостанция «Победа», используя ностальгический формат, стала настоящим социальным проектом. Благодаря оперативности и динамичности, радиостанции и телеканал выполняют ряд важных функций – информационную, образовательную и, одновременно, развлекательную. В тоже время, их доступность в сети Интернет помогает осуществлять прорыв информационной блокады на оккупированных Киевском территориях, откуда дирекция неоднократно получала благодарности от людей за передаваемый в эфир контент. Информационную поддержку населению Народных Республик, несмотря на блокаду западных СМИ, оказывают отдельные журналисты и блогеры Европы. «Медийным героем», освещавшим события с полей гражданской войны, был британский журналист, сотрудник российских государственных телеканалов «Russia Today» и «Звезда» Грэм Филлипс [14].

Значительным достижением контрпропаганды выступило исчезновение из эфира таких одиозных ярлыков как «сепаратистские» и «террористические псевдогосударства». Постепенно росло количество людей, которые прислушались к свидетельствам очевидцев событий и перестали полностью доверять информации западных СМИ. В результате активной информационной политики ЛНР мировая общественность получила возможность знакомиться с реальными событиями в Республике, что имело огромное значение для её дальнейшего развития.

Подводя итог, отметим, что подписание осенью 2014 г. по инициативе Президента В. Путина Минских соглашений должно было стать основой установления мира в Донбассе. Но откровенно националистические тенденции в развитии политического режима на Украине, отказ Киева выполнять подписанные договорённости и угроза военно-силового решения проблемы помешали развитию диалога. Изначально имея статус частично признанных государств, ЛНР и ДНР пошли по пути строительства собственных институтов власти и установления отношений с другими странами, политическими и общественными организациями и движениями во всём мире. Однако всесторонний процесс инкорпорирования Республик Донбасса в евразийские структуры имеет в будущем цель кардинального изменения их статуса и, по примеру Крыма, возвращения в состав исторической Родины – Российской Федерации. По состоянию на конец 2020 г. этот процесс прошёл три этапа: введение в ЛНР и ДНР

российского рубля в качестве единственной официальной валюты, признание российской стороной документов, выданных их организациями, а также упрощение процедуры выдачи российских паспортов их жителям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичев Д. А. Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом / Д. А. Бабичев, Н. А. Бабичева // Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Луганск 18–19 мая 2017 г. / Под ред. В.А. Глазкова. – Луганск: ЛАВД им. Э. А. Дидоренко, 2017. – 352 с.
2. Григорьев М. С. Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016) / М. С. Григорьев. – М.: Кучково поле, 2016. – 432 с.
3. Закон України № 2268-VIII від 18 січня 2018 «Про особливості державної політики із забезпечення державного суверенітету України на тимчасово окупованих територіях у Донецькій та Луганській областях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/go/2268-19>.
4. Как шли переговоры по Донбассу. История вопроса // Коммерсант. – 17 января 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2895199>.
5. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf>.
6. Коцур В. В Европе вспомнят о погибших детях Донбассе / В. Коцур // Известия. 1 июня 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/721379>.
7. МИД РФ: ОБСЕ не замечает массовые нарушения прав человека Киевом // РИА Новости. – 19 сентября 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160919/1477323305.html>.
8. Постанова Кабінету Міністрів України № 595 «Деякі питання фінансування бюджетних установ, здійснення соціальних виплат населенню та надання фінансової підтримки окремим підприємствам і організаціям Донецької та Луганської областей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/go/595-2014-%D0%BF>.
9. Протокол по итогам консультаций Трёхсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf>.
10. Сравнительная статистика и аналитика тенденций в отчетах УВКЧП ООН и СММ ОБСЕ // Представительство ДНР в СЦКК и в переговорном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-sckk.ru/sravnitel'naya-statistika-i-analitika-tendencij-v-otchetah-uvkchp-oon-i-smm-obse>.
11. Телефонный разговор с Президентом Украины Петром Порошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46578>.
12. Указ Президента РФ В. В. Путина о признании документов, удостоверяющих личность, регистрационных знаков транспортных средств, документов о квалификации (образовании), регистрации актов гражданского состояния и транспортных средств, выданных организациями ЛНР и ДНР 18 февраля 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53895>.
13. «Чим закінчилися переговори в Мінську: документи і заяви сторін» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dt.ua/POLITICS/chim-zakinchilisya-peregovori-v-minsku-dokumenty-i-zayavistorin-164053_.html.
14. Walker Sh. British journalist Graham Phillips released by Ukraine forces // The Guardian. – 21 May 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/may/21/british-journalist-graham-phillips-detained-east-ukraine>.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL STATUS OF LPR IN 2014–2020

D.S. Krysenko

The article analyzes the evolution of the problem of diplomatic recognition of the Lugansk People's Republic since the moment of its proclamation to the present. Attention is focused on efforts to implement the peace agreements within the framework of the Minsk process. The fact is stated that from the point of view of international law, the proclamation of independence of the LPR had a legal character, since it was based on the principle of the right of nations to self-determination.

Key words: LPR, statehood, diplomatic recognition, peace process.

Крысенко Дмитрий Сергеевич
Доцент кафедры истории Отечества,
ГОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет».
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

Krysenko Dmitriy Sergeevich
Associate Professor of the Department of Russian
History. Lugansk State Pedagogical University.
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

УДК 94:266 (282.247.364) "VIII/XIII"

**ПОХОДЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ НА ПОЛОВЦЕВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ
СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В XI–XII вв. В КОНТЕКСТЕ МИССИОНЕРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, СОВЕТСКОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

© 2020. А.Е. Мамонтов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается роль религиозного фактора во внешней политике, проводимой киевскими князьями в конце XI – начале XII вв. по отношению к половецким племенам. Данные летописных источников, приведенные в статье, позволяют сделать вывод о значимости миссионерской деятельности Киевской митрополии в вышеуказанный период.

Ключевые слова: русские князья, половцы, летописные источники, миссионерская деятельность, походы.

Во второй половине XI в. в европейском обществе развивались экономические и политические процессы, вызвавшие к жизни крестовые походы как одну из форм религиозный войн [1].

Как известно, ключевым межэтническим объединениям в Европейской степи с 1055 г. стали половцы, которые длительное время оставались языческой средой. Уже в конце XI в. европейские половцы заявили о себе как о значительной геополитической силе. Дореволюционный историк-византист В.Г. Васильевский приводит следующие данные, которые сами по себе имеют значение источника: «В начале 1087 года в печенежских кочевьях за Балканами и далее – в половецких вежах около Днестра и Дона собиралась новая гроза для несчастных подданных византийского императора. ... Единоверные с Византией русские князья не могли прийти на помощь к грекам без согласия или мира с половецкими ханами Боняком и Тугорканом. А отправившись, как это часто делалось, вместе с полками половецкими, русские князья не могли привести с собою столько собственных сил, чтобы иметь решительное влияние на дикую волю половецких кочевников» [2]. В конце XI – начале XII вв. в связи с изменениями в геополитической ситуации на юге Восточной Европы, намечаются новые направления внешней политики Киевской Руси в отношении восточных соседей – половецких племен. Наиболее освещенный аспект этой политики – деятельность князей Святополка Изяславича и Владимира Мономаха, а также их наследников в отношении половецких земель.

Сохранившиеся документы говорят о неоднократно возникавшей прямой угрозе Киеву со стороны половцев. Например, в 1093 г. «половцы ... осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки ... к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества неприятелей. И стояли <половцы> около города девять недель, и разделались надвое: одни остались у города, сражаясь, а другие пошли к Киеву и совершили набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные,

перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же прибежал в Киев сам-третий, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день» [3].

Отношения между половцами и русскими прошли длительный путь от набегов до наёмничества и династических браков [4]. При этом эволюция миссионерской деятельности рассматривается в научной литературе как составная часть внешней политики киевского княжеского двора [5].

Целью данной статьи является анализ источников по вышеуказанной теме в контексте миссионерской деятельности киевских князей и христианской церкви Восточного обряда на территории Дешт-и-Кипчак, а также исследование возможностей существования христиан среди местного степного населения. В данной связи целесообразно выделить отношения между киевскими князьями и представителями половцев в качестве самостоятельного объекта анализа. Важно помнить, что для религиозного сознания средневековых народов, вне зависимости от верований и конфессий, характерен провиденциализм [6], согласно которому любые события, в том числе поиск веры, были определены внешними силами, Провидением.

Источниковой базой для анализа политико-миссионерских задач киевских князей и православной церкви являются «Повесть временных лет» [7], Лаврентьевская летопись [8], Ипатьевская летопись [9], «Сказание о пленном половчанине» [10] и «Хождение игумена Даниила» [11], где содержится важная информация по затронутой теме. В дореволюционной историографии система взглядов на миссионерскую деятельность элиты Киевской Руси на половецком направлении базировалась на трудах В.Н. Татищева [12], Н.И. Костомарова [13], С.М. Соловьева [14], В.О. Ключевского [15], В.Г. Васильевского [2], П.В. Голубовского [16]. В советской историографии – на исследованиях Б.Д. Грекова [17], Б.А. Рыбакова [18], Д.С. Лихачёва [19], С.А. Плетневой [20], П.П. Толочко [21] и др. Высказывания этих исследователей имели формирующее значение в отношении научных взглядов современников, поэтому нуждаются в точном изложении. Это направление в исследовании русско-половецких отношений активно развивается в последнее время современными исследователями, такими как А.А. Инков (Москва) [22], В.Н. Дедов (Славянск) [23] и др. Относительная малочисленность письменных источников по этой теме может быть частично компенсирована данными археологических исследований в регионе. Особого внимания заслуживают исследования современных донецких археологов: Э.Е. Кравченко [24], А.В. Шамрая [25], В.Н. Дедова [23] и др. Эти работы позволяют существенно скорректировать исторические реконструкции исследователей, а также сопоставить их с уже имеющимися историческими данными.

Рассматривая дореволюционную историографию вопроса, следует отметить исследования В.О. Ключевского. Особый интерес представляет его работа «Курс русской истории», в которой он следующим образом оценивает внешнюю политику Древнерусского государства: «Внешние отношения Киевской Руси прибавляли к указанным условиям ещё новое, наиболее губительно действовавшее на её общественный порядок и благосостояние. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы, за которым простиралось безбрежное море степей, служивших преддверием Азии» [26]. Автор отождествляет культурные границы Руси с религиозным фактором – наличием христианства, что дает ему основание приводить следующие данные: «... В XI в. Поросье (край по реке Роси, западному притоку Днепра ниже Киева) с Ярослава времени является хорошо заселённой страной. Здесь жило смешанное население: рядом

с пленниками ляхами, которых сажал здесь Ярослав, селились русские выходцы и мирные кочевники, торки, берендеи, даже печенеги, спасшиеся от половцев и примкнувшие к Руси для борьбы с ними. Эти мирные инородцы вели полукочевой образ жизни: летом они бродили по соседним степям со своими стадами и вежами (шатрами или кибитками), а зимой или на время опасности укрывались в свои укрепленные становища и города по Роси, составлявшие сторожевые военные поселения по степной границе. Русские в отличие от диких половцев звали их "своими погаными". В конце XI столетия Поросье стало особой епархией, кафедра которой находилась в Юрьеве на Роси, городе, построенном Ярославом и названном по его христианскому имени (Ярослав – Георгий или Юрий)» [27]. Также С.М. Соловьев рассматривает многочисленные летописные выдержки, в которых встречаются не только упоминания о локациях половецкого этноса, но и о его быте и нравах: «Рассмотревши религиозные, нравственные и политические понятия летописца, обратимся к его понятиям научным. Вот его рассуждение о происхождении половцев в образчик этнографических, исторических и географических понятий: "Исшли бо суть си от пустыне Нитривьские, межю востоком и севером; исшли же суть их колен 4 торкъмени и печенежи, торци, половци. Мефодий же свидетельствует о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их беже в пустыню, а 4 исече. Друзии же глаголють: сыны Амоновы. Се же несть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а сарацины от Измаила творятся сарини, и прозваша имена себе саракыне, рекше: сарини есмы. Тем же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову, иже зачастую от отца своего, тем же нечисто есть племя их; а Измаил роди 12 сына, от них же суть торкъмени, и печенежи, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходят от пустыне и по сих 8 колен в кончине век изыдутъ"» [28].

Оказавшись в орбите влияния Руси, половцы неизбежно попали в орбиту влияния православия. Доминанта православной веры и крещение как итог ментального развития язычников считалось нормальным для христианского населения Киевской Руси. При этом путь половцев-язычников к православию в массовом сознании не должен был быть простым. В целом, по отношению к половецкому обществу преобладал негативный политико-нравственный императив, вызванный военной опасностью со стороны степняков.

Для средневекового религиозного сознания характерна различная мотивация принятия христианской веры, в том числе через раскаяние, наступившее после несправедливо причиненных страданий христианским мученикам. Показательны в этом плане религиозные истории, переданные митрополитом Макарием (Булгаковым) на основании трактатов «Хождение игумена Данила» и «Сказание о пленном половецанине»: «На юго-востоке России встречаем только частные случаи обращения к святой вере между евреями, жившими в Крыму, и между половцами, занимавшими пространство от Днепра до Дона, а потом и до Волги. Так, когда в 1095 г. половцы, сделав нападение на Киево-Печерский монастырь и его окрестности, увели с собою множество пленных и в числе их преподобного Евстратия, которого и продали вместе с пятьюдесятью другими пленниками одному корсунскому еврею, ... вздумал принуждать их к отречению от Христа голодом. Пленники, подкрепляемые наставлениями преподобного Евстратия, решились скорее умереть, чем изменить вере, и действительно скончались все голодною смертию. ... В самый день христианской Пасхи распял преподобного Евстратия на кресте, издевался над ним с друзьями своими и, услышав из уст его пророчество о казни, какая постигнет их самих, пронзил страдальца копием и бросил тело его в море. Пророчество исполнилось немедленно: в

тот же день получено было от греческого царя повеление, чтобы всех евреев за их притеснения христианам изгнать из Херсона, имения их отнять, а старейшин предать смерти; при этом между другими погиб и мучитель преподобного Евстратия. Прочие евреи, бывшие свидетелями этих событий и пораженные чудесами, совершавшимися от мощей преподобного Евстратия, приняли святое крещение» [29]. Нечто подобное тогда же случилось и у половцев. «В числе пленных, взятых ими при нападении на Киево-Печерский монастырь, находился и преподобный Никон Сухой, который достался в рабы одному половчанину. Родственники Никона, узнав о его местопребывании, пришли к нему и хотели предложить за него богатый выкуп, но Никон на это не согласился, сказав, что, конечно, сам Господь предал его в руки беззаконных и что он охотно перенесет наказание от руки Господней. Половчанин крайне огорчился и начал ежедневно предавать Никона разным мукам, морил его голодом, подвергал побоям и т. п. Так прошло три года, страдалец только молился Богу и, наконец, удостоившись откровения, предсказал, что чрез три дня он будет в Киево-Печерском монастыре. Половчанин, полагая, что его пленник хочет бежать, подрезал у ног его жилы, заковал его в оковы и стал стеречь его со всей бдительностью. Но на третий день в шестом часу Никон действительно сделался невидим и внезапно явился, окованный цепями и с подрезанными жилами, в церкви Киево-Печерского монастыря к общему изумлению братии. Когда, по заключении мира с половцами, бывший господин преподобного Никона случайно пришел в Печерский монастырь и увидел здесь своего узника, так чудесно спасшегося из плена, это до того поразило язычника, что он тут же принял крещение со всем родом своим и даже поступил в число братии Киево-Печерского монастыря, где и скончался» [29]. Логическая связь событийного ряда (причиненные страдания христианам – раскаяние – крещение во имя спасения души) иносказательно отражает подвижничество миссионеров в нехристианской среде и крещение как конечную цель поиска Бога в духовной эволюции язычников.

Любопытная деталь – подготовка половцев к принятию христианской веры (читай: работа миссионера) занимала гораздо большее время, чем подготовка славянина. «Встречаем известие об обычае оглашать пред крещением болгарина, половчина, чудина в продолжение 40 дней, а славянина в продолжение 8 дней; таким образом, узнаем, что во время Кириково продолжалось крещение славян» [16]. Под оглашением следует понимать срок, отведенный язычнику перед крещением, для ознакомления с основами православия. Оглашение проводится при очном участии православного священника, в оборудованном месте культовых церемоний, что, как минимум, подразумевает наличие стационарного пункта, миссии как таковой. Крещение отдельных язычников-половцев в христианских центрах Крыма и Киева не вызывает сомнений, однако обращение в веру «всего рода», видимо, происходило в других условиях, на месте постоянного проживания значительного количества людей.

Анализ летописных текстов и археологический материал позволяют нам приблизиться к пониманию процесса распространения христианства в половецкой среде в среднем течении Северского Донца.

Базовыми событиями в плане миссионерской деятельности киевских князей следует признать походы в начале XII в. на половецкие городки Дона. Половецкое направление политики Владимира Мономаха резко активировалось в начале XII в. «... Мономаху удавалось организовывать общие походы в 1103, 1109, 1110, 1111 годах. Русские войска то доходили до Азовского моря, то отвоевывали половецкие города на Северском Донце, то нагоняли на половцев такой страх, что они откочевывали за Дон и за Волгу в степи Северного Кавказа и Южного Урала. В

некоторых битвах брали в плен по 20 половецких ханов». Иногда выступлениям против половцев придавались элементы крестового похода – впереди войска ехали попы с крестами и пели песнопения. «О таких походах писали специальные сказания, где говорилось, что «слава о них дойдет до Чехии и Польши, до Венгрии и Греции и даже дойдут до Рима»» [40]. После смерти Мономаха ситуация для половцев сложилась благоприятная, как отмечает Б.Д. Греков: «В XII веке, в связи с распадом Киевского государства и ослаблением военной мощи страны, половцам удается в Причерноморье и Приазовье положить начало своему собственному государству – Дешт-и-Кипчак, границы которого простирались на запад до Днепра, на юге включали в себя Крым, на северо-востоке – Булгар и на юго-востоке – устье Волги. Это почти границы уже не существовавшего в то время Хазарского каганата» [17].

В контексте нашего анализа, наиболее важны походы дружин Владимира Мономаха на Дон в 1111 и 1116 гг.

Основная информация о походе 1116 г. содержится в «Повести временных лет»: «И выступили в поход во второе воскресенье поста, а в пятницу были уже на Суле. В субботу они достигли Хорола, там же и сани оставили. А в воскресенье, когда крест целуют, пришли на Псел, а оттуда дошли до реки Голты. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда перешли много рек, и пришли к Дону во вторник шестой недели поста. И облеклись в доспехи, и построили полки, и двинулись к городу Шаруканю. И князь Владимир повелел попам, едучи перед войском, петь тропари и кондаки в честь креста честного и канон святой Богородицы. И вечером подъехали к городу, и в воскресенье вышли люди из города с поклонами к князьям русским и вынесли рыбу и вино» [31]. Именно этот поход наиболее подробно освещен летописцами; в частности, подробное описание христианских обычаев при встрече княжеской дружины с представителями власти и духовенства города Шаруканя подтверждает наличие христианских общин на территории, контролируемой половцами (в том числе и Подонцовья).

Походы русских дружин на Дон попали в поле зрения учёных на первых этапах зарождения российской исторической науки. Уже В.Н. Татищев обратил внимание на отрывки летописей, сообщавших о половецких городках Сугров, Балин и Шарукань на Дону [31].

Системную оценку событий мы находим у С.М. Соловьева. «...Из внешних событий по-прежнему записана в летописи борьба с половцами и другими соседними варварами. ... Мы видели, что русские князья во время счастливых походов своих в степи взяли у половцев часть подвластных им торков и печенегов; видели, что эти варвары после сами убежали от половцев в русские пределы и были поселены здесь. ... Мы вправе ожидать, что половцам и другим степным ордам стало не легче, когда Мономах сел на старшем столе русском. Узнавши о смерти Святополка, половцы явились было на восточных границах; но Мономах, соединившись с Олегом, сыновьями своими и племянниками, пошел на них и принудил к бегству. В 1116 году видим опять наступательное движение русских: Мономах послал сына своего Ярополка, а Давыд – сына своего Всеволода на Дон, и князья эти взяли у половцев три города... Ряд удачных походов русских князей, как видно, ослабил силы половцев и дал подчиненным торкам и печенегам надежду освободиться от их зависимости; они встали против половцев и страшная резня происходила на берегах Дона ...» [30].

Рассматривая исследования современного этапа, в первую очередь следует отметить оригинальную версию канонического прочтения фрагментов русского

летописного свода, посвященных событиям 1111 и 1116 гг., которую предлагает В.Н. Дедов [32]. Он акцентирует внимание на личности киевского князя Святополка, являвшегося непосредственным организатором и участником половецких походов 1103, 1009 и 1111 годов, а также сопоставляет текст «Сказания о Шаруканском походе» с текстом «учения об ангелах» Лаврентьевской летописи, из чего следует вывод о значимости религиозного фактора при организации военной экспедиции в половецкие степи. Образ архангела Михаила сопоставлен с личностью Святополка Изяславича, а образ ветхозаветного пророка Моисея – с Владимиром Мономахом. Особое внимание следует обратить на следующее замечание автора: «На своей территории половцы уже потерпели два чувствительных поражения в столкновениях с русичами в течение трех дней: 22 марта был потерян половецкий город Сугров вместе с населением (в плен брали мало). Оборона города не дала положительного результата – город был взят и сожжен за один день; 24 марта – сокрушительное поражение в открытом бою на речке Дегея с большими потерями в половецком войске. Запираться после этого в городе Шарукани и держать оборону – бессмысленно. Его постигнет та же участь, что и Сугров. Кроме того, половцы не были сильны в искусстве оборонительных боёв и никогда не использовали эту тактику. ... После первого неудачного боя на реке Дегея необходимо было сгруппировать силы, подтянуть резервы из других половецких родов, кочующих в степях, и нанести внезапный удар по русичам. Для этого нужно было 2-3 дня. Добровольная сдача Шаруканя давала не только эти дни, но и имела ещё одну цель. Половцы учли, что на 25 и 26 марта 1111 г. припадают два великих христианских праздника, которые русичи отмечают в обязательном порядке. Учитывая, что вместе с войском находились священнослужители, то будут организованы праздничные богослужения по установленным канонам. Вынесение даров (вина и рыбы), должно было обеспечить праздничное настроение всему войску русских князей и ослабить их бдительность и боевую готовность. И совершенно не случайно, что по выходу из Шаруканя, в понедельник 27 марта, русичи оказались перед половцами, которых было «многое множество», «тьмы тмами», как пишет летописец...» [32]. Приведенный выше эпизод очень хорошо доказывает наличие не только самих христиан или неофитов среди населения Шаруканя, но и их непосредственное участие в динамичных и драматичных событиях, связанных с появлением русских дружин. По Типикону (особый церковный устав) в Лазареву субботу и Вербное воскресенье разрешено употребление вина и рыбы за трапезой, в остальные дни соблюдается строгий пост. Это дает возможность В.Н. Дедову не только предположить наличие христианской культуры и общины в Шарукане, но и указывает на несколько иной хронологический порядок событий похода, отраженных в Лаврентьевской летописи.

Вопрос о локализации половецких городков неоднократно поднимался в научной литературе, начиная с Н.В. Татищева. По версии Д.И. Багалея, городок Шарукань должен находиться в прибрежной зоне реки Сальница. «Река Сольница лежит в 45 верстах ниже Изюма и называется так в старинных памятниках от многих соляных озёр, которые находятся от неё в полуверсте. Ещё раньше она называлась Тором... Но если под Сольницей мы будем понимать реку Тор, впадающей в Донец, на расстоянии 15 вёрстном от Святых Гор, то Дегея будет приток Тора, Торец Кривой или иначе речка Сольня» [33]. Тогда ставка половецкого хана Кончака на р. Тор, где томился в плену князь Игорь Новгород-Северский после поражения в походе 1185 г., находилась на месте г. Шарукань, которым владел хан Шарукан приходившийся дедом Кончаку. Вероятно, Шаруканиды не меняли месторасположение своей ставки в течение XI–XII вв. у Торских соляных озёр, имея в виду не только выгодность местоположения

Шаруканя на торговых путях, но и контроль над богатыми ресурсами соли. Хорошо известна позиция основателя и директора Изюмского музей Н.В. Сибилёва о локализации половецких городков Сугров, Балин и Шарукань в среднем течении Северского Донца. Исследователь отождествлял Теплинское городище возле с. Борогодичное на Северском Донце и летописным городком Шарукань [34]. В работах по каменному веку Изюмщины он назвал расположенные на городище и рядом с ним стоянки 1-й и 2-й Шаруканьскими [35]. Также уместно привести мнение В.Н. Дедова о гипотетическом расположении города Шарукань. «...Поскольку Шарукань отодвигается в своём месторасположении от Донца, ибо с четверга (23 марта) русичи «пошли с Донови», где сожгли Сугров, то соответственно, на берегу Донца, как это предполагали исследователи, начиная с В.Н. Татищева, искать следы половецкой столицы проблематично» [36].

Определенную ясность в вопросе о локализации христианского анклава в среднем течении Северского Донца вносят археологические данные. Уже В.Ф. Спесивцеву были известны православные культовые средневековые находки в этом районе. Благодаря публикациям В.Н. Дедова, Э.Е. Кравченко, А.В. Шамрая с коллегами мы знаем, что подавляющая часть христианских культовых предметов XI–XIV вв. происходит из Маяцкого городища [37]. Нет сомнений, что в пределах городища в условное половецкое и золотоордынское время обитала христианская община. Попытки А.В. Шамрая с коллегами связать этот христианский анклав с этнически древнерусским населением [38] пока ничем не подкреплены. Выделенная Э.Е. Кравченко в Среднем Подонцовье «керамика древнерусского типа» [39], в строгом смысле слова, не имеет этнического контекста. В то же время, существует достаточно обоснованное мнение Э.Е. Кравченко, что христианами среднего течения Северского Донца были в основном представители аско-аланского населения, появившегося здесь ещё в VIII в. [24].

Политическая конъюнктура, связанная с походами дружин Владимира Мономаха на половецкие городки Дона-Донца, требует отдельного анализа. Для христианского анклава Шарукани это была, безусловно, акция военно-политической поддержки. Хорошо известно, что руководивший отрядом дружинников князь Ярополк взял себе в жены в Шарукани «красавицу-ясыню» [27], т.е. между представителями местной аристократии и великокняжеским домом был заключен династический брак. В определенной степени это гарантировало политический иммунитет христианам среднего течения Северского Донца в окружении других этно-религиозных групп населения.

Следующая модель христианизации населения Дешт-и-Кипчак касалась социальной верхушки половецкого общества. Достаточно широкой практикой было обращение к христианству членов ханских половецких фамилий. «В 1094 г. приняла крещение дочь хана Тугоркана и сделалась супругою великого князя киевского Святополка. В 1108 г. крестились дочери двух других ханов, называющихся в наших летописях Аепами, и одна вышла за Юрия, сына Владимира Мономаха, а другая за Святослава, сына Олега черниговского. В 1132 г. крестился в Рязани половецкий князь Амурат» [26]. Естественно, что во внимание следует принимать именно последние свидетельства, доказывающие принятие новой веры половецкими аристократами. Христианизация представителей половецкого нобилитета через династические браки с русскими затрагивала ментальность значительной части элиты общества, делала эту религию приемлемой (и привлекательной) для правящей прослойки. Христианизация части половецкой элиты и родственные связи не исключали её участие в жестоких междоусобных распрях русских князей и политических коллизиях, исходя из

сложившейся политической конъюнктуры. Есть интересное свидетельство у С.М. Соловьёва: «Затем, в 1095 году, Владимир, разорвав недолгий мир с половцами, убил половецкого посла Итляря в Переяславле и принял участие в большом походе на половецкие "вежи", где взяли много пленных, коней и верблюдов. На следующий год у Зарубинского брода на Днепре дружины Владимира разбили половцев и убили хана Тугоркана. Обо всем этом народ сложил былины, где в Тугарине Змеевиче легко узнать Тугоркана, а в Идолище Поганом – Итляря» [30]. В целом, христианская вера стала частью элитарной культуры половецкой аристократии и способствовала появлению смешанного русско-половецкого нобилитета, в то время как основная часть кочевников оставалась языческой. «Биография веры» представителей династии Шаруканидов, чьи родовые домены располагались в среднем течении Северского Донца, была вполне типичной для половецкой аристократии Дешт-и-Кипчак. Нелишне вспомнить правнука хана Шарухана Юрия Кончаковича, христианское вероисповедание которого более чем вероятно.

Подводя итоги, следует отметить несомненную общность выводов всех исследователей вышеуказанной тематики – походы киевских князей на половцев несомненно носили не только политический, но и ярко выраженный религиозный характер, являвшийся неотъемлемой чертой данной эпохи. Также летописные источники косвенным образом подтверждают наличие христианства у кочевых племен, граничивших с Русью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эсбридж Т. Крестовые походы. Войны средневековья за Святую землю. – М.: Центрполиграф, 2013. – 734 с.
2. Васильевский В.Г. Византия и печенеги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4899>
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. – Л., 1926. – С. 218-220
4. Плетнёва С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
5. Барков Б.М. Отношения русских княжеств и Половецкого поля во второй половине XII века: На прим. отношений Черниговского княжества и Донецкого племенного образования половцев. – М., 1998. – 201 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/otnosheniya-russkikh-knyazhestv-i-polovetskogo-polya-vo-vtoroi-polovine-xii-veka-na-prim-otn#ixzz5Z7lviWVD>
6. Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI–XIII вв.). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 18 с.
7. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Т. I. – 406 с.;
8. Лаврентьевская летопись. – ПСРЛ. – Т.1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – Т. II. – 938 с.
10. Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н.И. Костомарова – СПб: Издательство графа Григория Куселева-Безбородько – 1860. – С. 71-75 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003831732?page=81&rotate=0&theme=white
11. Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследование, тексты, комментарии / отв. ред. А. Н. Сахаров; Институт российской истории РАН. М.: Наука, – 2005. – 440 с.
12. Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. – М.: Наука, 1964. – 754 с.
13. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 2011. – 1024 с.
14. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 2, гл. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookmate.com/mariafrank/dgAq8bFS>.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluhev/kllec14.html>.

16. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. – Киев: Ун-т. тип., 1884. – 254 с.
17. Греков Б.Д. Киевская Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/314187-kievskaya-rus.html>.
18. Рыбаков Б.А. Рождение Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/HISTORY/RUBAKOW_B_A/russ.txt.
19. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Работы последних лет / Ред. Т. Шмакова. – СПб.: Logos, 1998. – 528 с.
20. Плетнева С.А. Кочевые народы VIII–XIII вв. Половцы // История СССР: С древнейших времен до наших дней. В 12-и т. – М.: Наука, 1966. – Т. II. – С.453-464.
21. Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 5-57.
22. Инков А.А. К вопросу о половецком вторжении на Русь в 1093 г. // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: СВМО, 2000. – С. 419-421;
23. Дедов В.Н. Летописный источник о походе 1111 года древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов) // Святогірський альманах 2012. – Донецьк, 2012. – С. 62-97.
24. Кравченко Э.Е., Кушнир В.В. Археологические свидетельства о распространении христианства в Донецких степях в эпоху средневековья // Заповідна Хортиця. Матеріали VI міжнародної наукової конференції. – Запоріжжя, 2010. – С. 322-325.
25. Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2009. – Донецьк: «Донбас», 2009. – С.56-61
26. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluhev/kllec14.html>.
27. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
28. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. – Киев: Ун-т. тип., 1884. – 254 с.
29. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/history/makary/makary.html>, – С. 135-137
30. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 2, гл. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookmate.com/mariafrank/dgAq8bFS>
31. Повесть временных лет. Электронные публикации института русской литературы РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru>
32. Дедов В.Н. Летописный источник о походе 1111 года древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов) // Святогірський альманах 2012. – Донецьк, 2012. – С.78-79
33. Багалей Д.И. Общий очерк древностей Харьковской губернии // Харьковский сборник. – Харьков, 1890. – С.76-93.
34. Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // Археологія. – Т. IV. – 1950. – С. 99-114.
35. Сібільов М.В. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця // Наукові Записки Інституту історії і археології України, кн. 2. – К., 1946. – С.29-37.
36. Дедов В.Н. Летописный источник о походе 1111 года древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов) // Святогірський альманах 2012. – Донецьк, 2012. – С. 80-83
37. Дедов В.Н., Шамрай А.В. Редкий образец древнерусской медной пластики XIV века из фондов Святогорского историко-культурного заповедника // Святогірський альманах 2011. – Донецьк: «Донбас», 2011. – С. 93-102
38. Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Материальная культура Киевской Руси в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2014. – Донецьк, 2014. – С. 206-208.
39. Кравченко Э.Е. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009.
40. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Т. II. – 556 с.

Поступила в редакцию 07.11.2020 г.

CRUSADES OF RUSSIAN PRINCES IN THE CONTEXT OF MISSIONARY OUTREACH AGAINST CUMANS OF THE MIDDLE COURSE OF SEVERSKY DONETS RIVER IN XI–XII CENTURIES IN PRE-REVOLUTIONARY, SOVIET AND CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY.

A.E. Mamontov

The article is aimed at religious factor of Kievan princes foreign affairs with Cuman tribes during XI–XII cent. Chronicle narrates data from the article leads to conclusion of a great relevance the Metropolitan of Kiev missionary outreach for the aforementioned period.

Key words: Kievan Rus princes, Cuman tribes, Chronicle narrates, missionary outreach, crusades.

Мамонтов Андрей Евгеньевич

Аспирант, ассистент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: comrademamontov@mail.ru

Mamontov Andrey Evgenievich

Graduate student, Assistant of Historiography, Source Studies, Archaeology and History Teaching methods Department.
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: comrademamontov@mail.ru

УДК 377.8.004.68(477.6)“195”(045)

ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ В ДОНБАССЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

© 2020. *М.А. Полякова*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматривается процесс преобразования учительских институтов Донбасса в педагогические в начале 1950-х гг. Установлены предпосылки и нормативно-правовое обеспечение развертывания данного процесса. Показаны цели совершенствования сети и структуры, методы реформирования учебно-методической работы в педагогических институтах. Определены формы и средства повышения профессиональной подготовки педагогов.

Ключевые слова: педагогический институт, учительский институт, учебно-методическая работа, научно-технический прогресс, учебная программа, высшее педагогическое образование.

Процесс модернизации экономики СССР в 1950-х, переход к инновационному техническому производству и замена ручного труда работой машин и механизмов вызвали необходимость повышения квалификации и уровня знаний рабочих и инженеров. Подготовка педагогических кадров и качественный состав педагогов стали основой, которая обеспечила бы необходимый уровень образованности специалистов. Внедрение МОН ДНР в учебный процесс позитивных результатов опыта советской системы образования обуславливает первостепенное значение изучения концепции образования, реализуемой и оформившейся в СССР и УССР в 1950-х гг.

В работах предшественников процесс преобразования учительских институтов Донбасса в педагогические в начале 1950-х гг. не стал предметом специального изучения. В то же время в фундаментальных трудах Э.И. Моносзона [1], и Н.П. Кузина [2] мы находим методологическое обоснование процессов реформирования педагогической отрасли в СССР в изучаемый период.

Целью работы является изучение совершенствования сети и структуры, учебно-методической работы в процессе преобразования учительских институтов Донбасса в педагогические в первой половине 1950-х гг.

Интенсивное развитие науки и техники, а также их проникновение во все сферы жизни определили несостоятельность среднего специального образования [3]. Действующая в СССР в начале 1950-х гг. структура среднего образования не соответствовала требованиям, выдвинутым государством, нуждавшимся в высококвалифицированных рабочих кадрах. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» в государстве существовало три типа общеобразовательной школы: начальная (1–4 классы), неполная средняя (1–7 классы), средняя (1–10 классы) [4]. Превалирующей оставалась неполная средняя школа.

Общетехническая основа каждой отдельной профессии была ориентирована на специалистов с высшим образованием, в то время как аттестат об окончании семилетней школы открывал дорогу в техникумы, а выпускники средней (десятилетней) школы получали право преимущественного поступления в высшие учебные заведения.

Переход к всеобщему среднему образованию был необходим для дальнейшего развития экономики и промышленности государства. Расширение сети школ влекло за собой не только материально-технические вложения, но и обеспечение необходимой

численностью педагогических кадров, что отразилось в директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг., утвержденных XIX Съездом ВКП(б), согласно которым предполагалось увеличить прием студентов в педагогические институты в 1951–1955 гг. на 45 % в сравнении с приемом за 1946–1950 гг. [4]

В сложившихся условиях расширения среднего образования и повышения требований к квалификации педагогов учительские институты утратили свое значение, задача обеспечения школы-семилетки учительскими кадрами была выполнена. Процесс преобразования и упразднения учительских институтов в педагогические начался в 1952 г. В соответствии с постановлением Совета Министров УССР и ЦК КП(б) Украины от 15 августа 1952 г. № 2641 «О мероприятиях по исполнению распоряжения Совета Министров СССР от 7 августа 1952 г. №20113-р» в Донецком регионе с 1 сентября 1952 г. были объединены Артемовский учительский институт со Славянским учительским институтом [5].

При Сталинском педагогическом институте с 1 сентября 1954 г. был закрыт учительский институт, а его студенты переведены на соответствующие факультеты и специальности педагогического института. Также, согласно постановлению Совета Министров УССР от 31 августа 1954 г. №1304 «Об изменениях в сети педагогических учебных заведений Министерства Образования УССР», Белоцерковский учительский институт, реорганизованный в сентябре 1953 г. в педагогический, был переведен в город Горловка и переименован в Горловский педагогический институт иностранных языков [6]. Необходимо указать, что студенты, не успевшие окончить учительские институты и прикрепленные к педагогическим институтам, продолжали обучаться по прежним учебным планам и программам, а уже после их выпуска учительские институты прекращали свое существование.

Масштабная работа была проведена не только в области совершенствования сети педагогических учебных заведений, но и в упорядочивании их факультетской структуры. В августе 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР утвердили постановление, согласно которому Министерству высшего образования СССР рекомендовалось пересмотреть состав специальностей и факультетов высших учебных заведений, а также сопоставить содержание педагогического образования с потребностями регионов, расширить педагогические высшие учебные заведения и ликвидировать параллелизм в подготовке кадров [7].

Учитывая потребности школ в преподавателях иностранного языка, физкультуры, пения, в педагогических институтах создавались новые, соответствующие факультеты и кафедры. Так, согласно приказу Министерства высшего образования СССР № 958 «Об усовершенствовании преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях» на всех факультетах педагогических институтов вводилось преподавание иностранного языка на первых двух курсах обучения [8]. Соответствующее внимание уделялось развитию кружковой работы, например, в Славянском педагогическом институте действовали студенческий хор и театральная группа [9].

Преобразование в педагогические институты позволило выпускать специалистов с высшим педагогическим образованием, а также вынуждало приступить к разработке новых учебных планов и программ. В отчете о работе Славянского педагогического института за 1954 – 1955 учебный год указано: «Реорганизация нашего института в педагогический поставила перед преподавателем целый ряд сложных заданий по усвоению новых курсов, разработке лекций по новым программам и т.д.» [10]. Подобная методическая работа прослеживается также и в деятельности заочного отделения Славянского педагогического института: «В постановлении Совета

Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. предложено пересмотреть действующие учебные планы, программы, издать недостающие учебники и пересмотреть изданные. Учебно-методическая работа наших кафедр заключалась в утверждении рабочих планов дисциплин и контроле над их выполнением» [11].

Министерствами Просвещения СССР и УССР направлялись рекомендации и планы ведущих дисциплин, среди которых: украинский язык и литература, русский язык и литература, математика, физика, природоведение, история, география, иностранный язык. Следовательно, перед преподавательским коллективом высших учебных заведений, в том числе и педагогических, стояла задача переработать и адаптировать предоставленные учебные планы и программы [12]. Анализ имеющихся архивных данных показывает, что на «переходном» этапе в преобразованных учебных заведениях были востребованы подобные директивы. Так, в отчете проректора заочного отдела Славянского педагогического института за 1954–1955 учебный год указывалось: «При большом разрыве количества часов по стационару и заочному отделу для улучшения той или иной дисциплины настоятельно требуется установка Министерства Просвещения УССР, какие разделы программного материала должны читаться на сессиях, а какие отнесены на самостоятельное изучение заочникам в межсессионный период» [13].

Принятие в 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» привело к повторным изменениям сетевой и программной организации педагогических учебных заведений. Данный закон оказал существенное влияние на переустройство советской системы образования, учебные программы были сориентированы на подготовку широкопрофильных педагогических кадров, объяснением данному факту служат потребности, продиктованные сельскими малокомплектными школами. Введение дополнительных программных курсов, обусловленных выдвинутыми образовательными целями, привело к переводу институтов на пятилетний срок обучения.

Преобразование институтов предполагало установление прочной связи со школой, что было неоднократно отражено в отчетах институтов. Образовательные программы, преподавательский состав и контингент студентов высших педагогических учебных заведений были ориентированы на проблемы и потребности средней школы. В отчете Славянского педагогического института за 1955–1956 учебный год отражены данные ориентиры. Подбирая кандидатуру на должность заведующего кафедрой математики, администрация института отталкивалась не только от звания и научной степени соискателя, но и от наличия у того опыта работы в школе [14]. Планируя учебно-воспитательную работу с целью улучшения качества подготовки педагогов, педагогические институты пытались ориентироваться на установление связи с базовой школой: посещение школьных мероприятий, приглашение учителей на институтские методические конференции, утверждение планов работы института в деле помощи школам.

При установлении связи между педагогическими институтами и школой возникали определенные трудности. Например, несоответствие уровня базовой подготовки в школе той, которая была необходима для обучения в ВУЗе. У преподавателей возникали вопросы относительно уровня знаний абитуриентов: «Из 26 человек (медалистов) на «отлично» сдали экзамен только 2 студента, снизили успеваемость до уровня «хорошо» – 10, имеют удовлетворительные оценки – 6, а 8 студентов показали неудовлетворительные знания. Относительно медалистов мы пишем в каждое РайОНО, в пределах которых пребывают школы, которые предоставили таких медалистов» [15].

Сотрудничество с ОблОНО и РайОНО было обусловлено работой заочных отделений, на которых в основном обучались практикующие учителя, находящиеся под контролем данных структур. В отчете заочного отдела Славянского педагогического института за 1954–1955 учебный год зафиксировано: «Работа райпедкабинетов с заочниками носит организационный характер, кабинеты организуют явку заочников на консультации, контролируют результаты учебы заочников. Связь районных и городских отделов народного образования с заочниками слабая» [16]. Кроме того в архивных документах имеются ссылки на жалобы со стороны работающих студентов-заочников на начальство, которое не предоставляло предусмотренного для обучения выходного.

Реформирование сети педагогических учебных заведений, разработка новых учебных планов и программ, подготовка студентов к работе в реальных условиях при помощи ориентировки институтов на опыт и проблемы базовой школы обусловили кадровое движение в школе. Начиная с 1956 г. комплектование 5–10 классов школ проводилось учителями, обучившимися по новым планам и программам, прошедшими практику в школе и получившими окончательное высшее образование, что в совокупности с переходом к всеобщему обучению в десятилетних школах обусловило нерентабельность неполного высшего специального педагогического образования [17]. Выпускники учительских институтов стали массово подавать документы в педагогические институты, планируя воспользоваться имеющейся базой и поступить на старшие курсы. Однако в приказе по Министерству Образования УССР от 4 ноября 1955 г. гласилось, что «особы, окончившие учительские институты, могут быть приняты лишь на первый курс на общих условиях, если они после окончания учительского института отработали три года» [18].

Эффективность реформирования народного образования, развернутого в СССР, подтверждают статистические данные: в 1950 г. советские педагогические учебные учреждения выпустили 94 100 тыс. педагогов, на долю учебных заведений Донецкого региона пришлось 753 выпускника. Показатели 1960 г. значительно возросли, в Донбассе обучение окончили 1253 педагога, а по всему СССР 139100 тыс. По региону и всему государству показатели выпуска, соответственно и набора в педагогические учебные заведения, возросли, т.е. планы по обеспечению средних школ педагогическими кадрами были частично выполнены [19].

Таким образом, в начале 1950-х в СССР и Донецком регионе как его части, развернулся процесс преобразования учительских институтов в педагогические. Обусловленность подобного реформирования заключалась в потребностях развивающегося государства, в котором набирал обороты научно-технический прогресс. Анализ архивных данных и нормативно-правовой базы (Постановления об объединениях и преобразовании институтов и пересмотре учебных программ), демонстрирует потребность в подобном переустройстве: повышение общего уровня образованности студентов, обеспечение средних школ педагогическими кадрами, совершенствование высшего педагогического образования. Подвергнутые рассмотрению видоизменения высшего педагогического образования в целом имели позитивные последствия, завершилось становление системы подготовки педагогических кадров, упразднились учительские институты – остаток старой сети обучения педагогов, были реорганизованы существовавшие педагогические институты, а также модернизированы учебные программы с учетом потребностей общества и государства.

Существующие проблемы переходного периода (недостаточная взаимосвязь школы и института, недоработка учебных планов и т.д.), не оказали существенного влияния на процессы реформирования и были вскоре решены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моносзон Э.И. Становление и развитие советской педагогики / Э.И. Моносзон. – М.: «Просвещение», 1987. – 224 с.
2. Кузин Н.П. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980) / Кузин Н.П., Колмакова М.Н. – М.: «Педагогика», 1986. – 288 с.
3. Липинський В.В. Передумови та історія створення Красноармійського (Покровського) індустріального інституту/ Липинський В. В., Яцюк М. М. // Краєзнавство. – Київ, 2018. – № 2. – С. 53.
4. Абакумов А.А. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с. – С. 45, 167.
5. Постанова Ради Міністрів УРСР і ЦК КПБУ «Про заходи по виконанню розпорядження Ради Міністрів СРСР від 7 серпня 1952 року №20113-р [Електронний джерело]. – Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP522641.html (дата останнього звернення: 25.11.2018 г.).
6. Постановление Совета Министров УССР от 31 августа 1954 г. №1304 «Об изменениях в сети педагогических учебных заведений Министерства Образования УССР» [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/19487> (дата последнего обращения: 13.09.2018 г.).
7. Паначин Ф.Г. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941 – 1961) / Ф.Г. Паначин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкина. – М.: Педагогика, 1988. – 272 с. С. 106.
8. Приказы Министерства просвещения УССР за 1955 год.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 283. Л. 68.
9. Отчет о работе института за 1959–1960 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 76. Л. 29.
10. Отчет о работе института за 1954–1955 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
11. Отчет о работе отдела за 1954–1955 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
12. Директивы Министерства просвещения. // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 263. Л. 161.
13. Отчет о работе отдела за 1954–1955 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
14. Отчет о работе института за 1955–1956 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.
15. Отчеты и информация о работе института за 1954–1955 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 3. Л. 590.
16. Отчет о работе отдела за 1954–1955 учебный год. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
17. Приказы Министерства просвещения УССР за 1955 год. // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 283. Л.42.
18. Приказы Министерства просвещения УССР за 1955 год. // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 283. Л.82.
19. Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1989. – С. 227–231.

Поступила в редакцию 12.12.2020 г.

THE PROCESS OF CONVERSION OF TEACHING INSTITUTIONS INTO PEDAGOGICAL INSTITUTIONS IN DONBASS IN THE FIRST HALF OF THE 1950s

M.A. Polyakova

The article discusses the process of transforming teachers' institutes of the Donbass into pedagogical ones in the early 1950s. The background and regulatory support of the process' deployment was established. The text gives a valuable information on the aims of improving the network and structure, methods of reforming educational and methodical work in pedagogical institutes. The forms and means of professional training of teachers are defined.

Key words: pedagogical Institute, teachers' Institute, educational and methodical work, scientific and technical progress, curriculum, higher pedagogical education.

Полякова Мария Андреевна

преподаватель кафедры философии и истории
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных
языков», г. Горловка, ДНР.
E-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

Polyakova Mariya Andreevna

lecturer of the Department of philosophy and history
SEI HPE "Gorlovsky Institute of foreign languages",
Gorlovka, DPR.
E-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

УДК 94(44+6.03)"19-20"

**ВЛИЯНИЕ ФАШОДСКОГО КРИЗИСА НА РАЗВИТИЕ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЛОНДОНА И ПАРИЖА
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

© 2020. *Р.Г. Харьковский*

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

В статье анализируется процесс обострения колониальных противоречий между Великобританией и Францией за контроль над судано-египетским субрегионом. Также рассматривается эволюция египетского и суданского вопросов в колониальной политике Англии и Франции в 1880-1890-е годы: от махдистского восстания до столкновения в Фашоде.

Ключевые слова: англо-французские отношения, Лондон, Париж, Кэ д'Орсэ, Африка, Фашода.

История колониального захвата Северо-Восточной Африки и международного соперничества ведущих государств в рассматриваемом регионе насчитывает множество региональных конфликтов. Тем не менее, до Фашодского кризиса вопрос о возможной войне Франции и Великобритании никогда не поднимался.

В конце XIX в. колониальные державы Европы были всерьез обеспокоены активной внешней экспансией Англии, направленной на приобретение новых территорий. Особой остротой выделялся суданский вопрос, тесно связанный с международным соперничеством государств за влияние в Египте.

Проблемы истории внешней и колониальной политики европейских держав на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке освещены в работах таких представителей ближнего и дальнего зарубежья как: Л. Ш. Ахмедова [1], К.М. Базили [2], Г. Л. Бондаревский [3], И. И. Васин [4], Т. Н. Гелла [5], П. Дармштеттер [6], Н. А. Ерофеев [7], А. С. Ерусалимский [8], Ю. Н. Зотова [9], А. З. Зусманович [10], А. З. Манфред [11], А. Д. Новичев [12], Г. А. Нерсесов [13], М. Т. Панченкова [14], И. Д. Парфенов [15], Ф. А. Ротштейн [16], И. С. Рыбаченок [17], С. Р. Смирнов [18], В. А. Субботин [19], Е. В. Тарле [20], П. П. Черкасов [21], Ж. Шарль-Ру [22], Г. Аното [23], Дж. Марриот [24], А. Рим [25], М. Сабри [26], А. Вандаль [27].

Значительный вклад в изучение ближневосточной и африканской политики стран Западной Европы и США внесли отечественные исследователи: М. С. Бурьян [28], Б. М. Гончар [29], О. Б. Демин [30], О. Захарчук [31], Е. А. Коппель [32], С. И. Муртузалиев [33], К. А. Русаков [34], В. В. Савенков [35], В. Самчук [36].

Непосредственно к Фашодским событиям и их значению обращался ряд отечественных и зарубежных исследователей, а именно С. Р. Смирнов [18], В. А. Субботин [37], Д. Бат [38], Т. Пакенам [39], А. А. Айвазян [40], П.В. Густерин [41].

Тем не менее, история зарождения и эволюции колониальной политики европейских держав в этом регионе, методы ее осуществления, на наш взгляд, являются недостаточно изученными в отечественной историографии.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть причины и последствия одной из самых тяжелых ситуаций, когда-либо возникавших за всю историю колониального раздела Африки – англо-французского столкновения в Фашоде.

Целью статьи является комплексный анализ инцидента в Фашоде как одного из ключевых факторов развития дипломатических отношений между Францией и Англией в конце XIX в.

Изначально, а именно с начала XIX в. Судан находился под властью Египта, который управлял им как одной из своих составных частей. Оккупация же Египта Великобританией в 1882 г. ознаменовала переход всех обязанностей по поддержанию порядка в Судане к Великобритании. Однако британское правительство было уверено, что не стоит вмешиваться во внутренние дела Судана до того времени, как ситуация не станет критической. Вероятно, именно этим объясняется тот факт, что Махдистское восстание в 1881–1885 гг. не было подавлено с привычной для Англии жестокостью.

Помимо этого, ряд неудачных операций, проведенных Англией, по эвакуации египетских отрядов и смерть одного из наиболее выдающихся генералов Великобритании – Ч. Дж. Гордона (1833–1885) дали повод к отступлению в борьбе с повстанцами.

Таким образом, в 1885 г. в Судане образовалось государство махдистов, просуществовавшее до 1898 г. Столь долгий срок существования государства повстанцев был связан в большей части с нерешительностью Англии, в правящих кругах которой считали дорогостоящие экспедиции или военные действия против махдистов губительными для британской экономики и не оправданными. В то же время захват данного региона был просто необходим в связи с тем, что контроль над Суданом обеспечивал стратегическое преимущество в борьбе за Верхний Нил.

Распространение махдистского движения, смерть генерала Гордона, а также стратегическая значимость данного региона побудили английское правительство в начале 1890-х годов пересмотреть свою политику в отношении суданского вопроса. Завоевание Судана стало вопросом престижа для Великобритании.

В то же время Судан оказался в центре не только английского, но и французского внимания. Изначально Франция не имела каких-либо особых интересов для захвата рассматриваемого региона, однако Судан был напрямую связан с египетским вопросом. В определенных кругах бытовало мнение, что пытаться удержать Египет, без покорения и закрепления своего влияния в регионе Верхнего Нила невозможно. Одной из причин усиления интереса Франции в данном регионе явилось исследование инженера Виктора Прома, утверждавшего, что в Судане возможно построить дамбу для контроля за водоснабжением Египта. Согласно доводам В. Прома, Судан следовало считать ключевой точкой в усилении французского влияния на Северо-Востоке Африки, в связи с тем, что строительство дамбы в Судане позволило бы контролировать основную водную артерию Египта. Таким образом, Франция могла рассчитывать на возвращение себе уже частично утерянных позиций [40, с. 148].

Осознав всю важность рассматриваемого региона, английское правительство в 1893–1898 гг. организовало ряд экспедиций в долину Верхнего Нила, одновременно с этим начав переговоры с Францией по вопросу объединения колониальных владений в единое территориальное образование, а также, переговоры с Брюсселем, где были недовольны усилением интереса Франции в отношении Судана. Таким образом, пойдя на сближение с Леопольдом II Англия попыталась изолировать Францию в районе Верхнего Нила, который Бельгия, в дальнейшем, признала сферой влияния Великобритании [48], тем самым вызвав негодование французских правящих кругов. Франция протестовала против англо-бельгийского договора, в чем была поддержана Германией. Тем не менее, британское правительство было настойчиво в отстаивании

своих позиций. По мнению англичан, влияние в Африке имело гораздо больший вес, чем дружеские отношения с Францией. Германия, как уже было отмечено, осудила договор, однако не собиралась прибегать к решительным действиям против Британской Короны. Подобную позицию заняла и Россия. Отсутствие непосредственной поддержки со стороны союзников, в свою очередь, побудило Францию добиваться отмены некоторых статей англо-бельгийского договора дипломатическим путем. На Кэ д'Орсэ понимали, что каких-либо уступок от Англии добиться невозможно, поэтому Париж заключил отдельный договор с Бельгией, в соответствии с которым регулировались некоторые спорные территориальные вопросы в Конго. Кроме того, Франция получила возможность продвижения к Верхнему Нилу, чем практически свела на нет все усилия англичан.

Начиная с 1895 г., и без того напряженные англо-французские отношения обострились еще больше в связи с соперничеством в Нигере, а также готовящейся французской экспедицией в район Верхнего Нила. Британское правительство прямо заявило о своих претензиях на данный регион, что вызвало негативную реакцию Франции, правительство которой не спешило отказываться от своих планов [48, р. 7-11]. В это же время, обострилась ситуация на Ближнем Востоке, грозившая распадом Османской империи с последующим её разделом между ведущими державами мира. В этой связи, Франция начала искать союзников, одним из которых стала Россия, стремившаяся не допустить «монопольного хозяйничества Англии» на Востоке [44, с. 150].

Франция и Россия пошли на сближение ещё до начала кризиса на Ближнем Востоке. Высшие круги обоих государств понимали, что нельзя допустить ещё большего усиления Великобритании, которая на тот период являлась наиболее мощной в экономическом, политическом и военном планах страной. В этой связи, необходимы были более решительные меры, чем просто осуждение действий англичан. В российском МИДе осознавали возможность распада Османской империи, более того, понимали, что к этому процессу в той или иной степени причастны британцы. Англичанам был выгоден распад Османской империи, так как Великобритания, как одна из мировых держав претендовала не только на часть её территории, но и на господство в морской акватории и в проливах. Франция и Россия, разумеется, не могли допустить усиления влияния Британской Короны ещё и на Ближнем Востоке. Эти обстоятельства подтолкнули Париж и Санкт-Петербург к сближению. Тем не менее, российский министр иностранных дел М.Н. Муравьев, который занял свой пост в 1897 г., говоря о сотрудничестве с Францией и возможных боевых действиях против Англии на Ближнем Востоке, не мог предпринять на тот момент никаких решительных действий для разрешения англо-французских противоречий в Египте. Интерес России в Северо-Восточной Африке, как отмечал сам М.Н. Муравьев, ограничивался по большей части Суэцким каналом [44], в то время, как Египетский вопрос выступал своеобразным гарантом французской дружбы. Франции была необходима поддержка России для урегулирования англо-французских противоречий в долине Нила. И, чем дольше данные противоречия существовали, тем дольше правительство России могло быть уверено в том, что Париж окажет помощь в случае вооруженного противостояния на Ближнем Востоке. В то же время, М.Н. Муравьев намеревался внести свою лепту в разрешение Египетского вопроса, как только представится возможность и открыто поддерживал Францию.

Таким образом, полагаясь на поддержку Петербурга, Франция приняла окончательное решение послать экспедицию во главе с майором Ж.-Б. Маршаном

(1863–1934) в район Верхнего Нила для занятия Фашоды. Стоит отметить, что французская экспедиция состояла из 100 человек, в то время как Англия имела в Судане около 20 тысяч. Когда экспедиция под руководством Маршана прибыла на место и подняла французский флаг над Фашодой, англо-египетские войска под командованием генерала Г. Китченера (1850–1916) находились на завершающем этапе покорения Судана. При этом британцы имели надежные пути отхода, а именно – Египет. Тогда как французские войска, изолированные от внешнего мира, в случае военных действий, не смогли бы даже отступить. Франция рассчитывала, что покорение Судана займет у британцев гораздо больше времени. Тем не менее, по не выясненным причинам, Китченер поспешил дать генеральное сражение. Вооруженный конфликт шел уже два года, однако взятие махдистской столицы – Омдурмана произошло именно в тот момент, когда французы прибыли в Фашоду.

Неизвестно, почему Китченер решил дать генеральное сражение именно в это время. Нет никаких оснований полагать, что он знал о прибытии французов. Многие печатные издания на тот момент видели причину в действиях халифа Абдаллаха (1843 или 1846–1899), правителя независимого махдистского государства (1885–1898). Так или иначе, захват Омдурмана стал своего рода отправной точкой для дальнейшего англо-французского противостояния. В то же время, триумф Китченера был признан практически всеми ведущими государствами, в том числе и Францией, высшие круги которой придерживались мнения, что англо-французские противоречия в данном регионе никак не влияют на совершенный британцами подвиг.

В связи с тем, что столкновение англичан и французов становилось неизбежным после захвата махдистской столицы, Китченер и его отряд отправились в Фашоду, где продолжал оставаться Маршан со своим немногочисленным подразделением. Встреча Маршана и Китченера не привела к примирению сторон, а лишь повлекла за собой дальнейшее развитие кризиса [45, с. 191], который заключался в нежелании уступать Фашоду ни одной из сторон. По обе стороны Ла-Манша ждали, какие же позиции займут ведущие государства. Англия надеялась на нейтралитет Германии, которая, соответствуя ожиданиям британцев не предприняла никаких активных действий. Французское правительство интересовало то, как поведет себя в данной ситуации их союзник, а именно Россия. В этой связи Санкт-Петербург обязался поддержать французов, а министр иностранных дел М.Н. Муравьев, прибывший с визитом в Великобританию, прямо заявил, что Россия намерена поддерживать Францию.

Стоит отметить, что камнем преткновения двух колониальных держав являлась не сама Фашода, а сильное обострение англо-французских колониальных противоречий в Африке. С одной стороны, в Лондоне, не желали уступать какие-либо свои позиции в Судане (который был тесно связан с Египтом); с другой, в Париже стремились всячески показать, что египетский [46, с. 562] и суданский вопросы затрагивают интересы всех колониальных государств, и данный регион не входит исключительно в сферу влияния Британской Короны.

За развитием Фашодского кризиса наблюдали все великие державы, в том числе союзница Франции – Россия, правительство которой было настроено на дальнейшее сотрудничество с Парижем [42, с. 68]. Тем не менее, руководство Франции прекрасно понимало, что война с Англией окажется губительной для государства, так как потенциальный противник намного превосходил в экономическом и военном потенциале. В то же время, отзыв экспедиционного корпуса Маршана также представлялся невозможным. Уход из Фашоды, ничего не добившись, означал бы дипломатическое фиаско.

Великобритания, также как и Франция, не рассчитывала на долгое противостояние. Еще до начала Фашодского кризиса английское правительство было озадачено решением внутренних проблем. Великобритания, территориальные владения которой сильно возросли после колонизации некоторых регионов Африки имела ряд существенных трудностей в организации эффективного управления на захваченных землях. Помимо этого, Британская империя, являясь на тот период наиболее развитым в экономическом и военном планах государством, не сильно заботилась о приобретении союзников. Пока Франция и Россия шли на сближение, Англия оставалась в изоляции. Правящие круги Великобритании предвидели, что англо-французское противостояние в Судане в конечном счете выльется в подобную ситуацию и с начала 1898 г. пытались заручиться поддержкой. Лорд Солсбери даже пытался наладить отношения с Россией, которая уже являлась союзницей Франции. Его попытка провалилась, так как в Санкт-Петербурге решили продолжать поддерживать дружеские отношения с Парижем и не пытаться налаживать какие-либо контакты с Великобританией [40, с. 188].

В этой связи, английское правительство пошло на сближение с Германией, отношения с которой на тот момент были противоречивыми, но её поддержка была в данный период крайне необходима Великобритании. Попытка наладить отношения с немцами оказалась более успешной. Следствием англо-немецких переговоров явилось тайное соглашение о разделе колониальных владений Португалии, что закрепило в своем роде партнерские отношения между Великобританией и Германией. Кроме того, данное соглашение позволяло Англии рассчитывать на нейтралитет немецкого правительства в случае вооруженного конфликта между Великобританией и Францией.

Однако, даже несмотря на успешные переговоры с Германией, на тот период, военные действия были не выгодны для всех государств. Одним из доказательств является тот факт, что Китченер, чей вооруженный корпус имел значительный численный перевес, не вступил в вооруженный конфликт с французскими солдатами, находившимися в меньшинстве. Тем не менее, несмотря на нежелание развязывания вооруженного конфликта, Великобритания была готова к войне в случае крайней необходимости. Англия начала показательную мобилизацию всех своих войск, для того, чтобы вынудить французское правительство почувствовать опасность и приказать Маршану вывести свой отряд из Судана, но французы не собирались сдавать Фашоду так просто, и пытались извлечь любую минимально возможную выгоду из данного противостояния [50, с. 420-422].

В конечном счете, все усилия Франции, направленные на то, чтобы заставить Англию пойти на любые уступки оказались тщетны. Великобритания была крайне упорна и до конца отстаивала свои интересы. Спустя несколько месяцев дипломатического противостояния, Франция вынуждена была приказать Маршану покинуть Фашоду [49, с. 516-531; 50, с. 421-440; 51, с. 228].

В то же время, отступление из Фашоды не должно было выглядеть как бегство, вызванное страхом начала войны с Великобританией. Это понимали не только французы, но и англичане. Французские войска были торжественно выведены из крепости, в то время как флаги всех присутствующих государств (в том числе Англии) были приспущены. Несмотря на внешне достойное завершение противостояния, Фашода была сдана, и, как следствие Англия в скором времени закрепила свою власть над Суданом совместно с Египтом, образовав кондоминиум. Тем не менее, английское правительство понимало, что англо-французский вопрос остался неразрешенным, что побудило Великобританию к переговорам и уступке Франции части Судана за отказ

последней от выхода к Белому Нилу. Западная часть Судана смогла соединить воедино французские колониальные владения, а англо-французская граница была установлена между бассейнами озера Чад и реки Конго [52, р. 55-57].

Фашодский кризис сыграл огромную роль не только в англо-французских отношениях, но и внес свою лепту в изменение политического курса по колониальным вопросам всех европейских ведущих государств. Франция, отправившая в Фашодскую крепость 128 человек с самого начала, не рассчитывала на то, что сможет силой закрепиться в Судане. Французское правительство также осознавало, что вывод войск из данного региона является лишь вопросом времени. И даже, несмотря на то, что англичане не отступили и закрепили за собой Судан, для Франции Фашода стала значительным дипломатическим успехом. На наш взгляд, французское правительство добилось намного большего чем просто закрепления в Судане. Париж сумел достойно выстоять в противостоянии с Лондоном и показать, что вопрос колонизации Северо-Восточной Африки не является исключительно привилегией Великобритании. египетский и суданский вопросы в рассматриваемое время являлись международными, так как затрагивали интересы практически всех ведущих держав. Хотя Франция и не смогла добиться значительных территориальных уступок, её успех заключался в том, что она вывела суданский вопрос за рамки исключительно англо-французских отношений. В этом, на наш взгляд, огромная заслуга именно французского правительства, которое, невзирая на преимущество Великобритании, смогло достичь подобного результата.

Мирное разрешение Фашодского кризиса, конечно, не искоренило все противоречия между Англией и Францией по колониальным разногласиям в Африке, однако после данного инцидента Париж и Лондон пошли на некоторое сближение, так как основной – принципиальный для обоих государств вопрос был решен. Помимо этого, возрастающее влияние Тройственного союза и нового соперника – Германии, побудили Великобританию и Францию в 1904 г. пойти на заключение военно-политического союза, который известен как Антанта.

Этим же соглашением были урегулированы некоторые другие колониальные противоречия между союзниками.

Подводя итог, необходимо отметить, что Фашодский кризис является одним из самых напряженных среди англо-французских колониальных конфликтов. Возможность начала военных действий конечно остается спорной, однако, данный конфликт все же вызвал в международном сообществе сильный резонанс. При этом, одной из основных причин Фашодского кризиса было упорство Великобритании в вопросе её лидерства в регионе Верхнего Нила. В то же время, разрешение Фашодского кризиса посредством отступления Франции, на наш взгляд, не означает её поражения, так как французская дипломатия добилась одной из своих главных задач – вынести египетский вопрос на международный уровень, показать, что судано-египетский субрегион не входит исключительно в сферу интересов Лондона.

В результате, мирное разрешение Фашодского кризиса не решило всех англо-французских противоречий, однако в значительной степени поспособствовало дальнейшему дипломатическому сближению Лондона и Парижа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова Л.Ш. Политика Англии в зоне Персидского залива в последней трети XIX – начале XX в. (1870-1914). – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – 158 с.
2. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 326 с.

3. Бондаревский Г.Л. Германский империализм в борьбе за Красноморский бассейн (конец XIX – начало XX века) // История и экономика стран Арабского Востока. – М.: Наука, 1973. – С. 3-42.
4. Васин И.И. Колониальная политика Англии, Франции и Италии в Эфиопии в последней четверти XIX в. – М.: Просвещение, 1967. – 104 с.
5. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – сер. 1870-х гг.). – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. – 217 с.
6. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870-1919 гг.). – М.: Гос. изд-во, 1925. – 179 с.
7. Ерофеев Н.А. Англо-французская борьба за Суэцкий канал, 1854-1875 // Из истории общественных движений и международных отношений. – М.: Изд-во восточной литературы, 1957. – С. 590-614.
8. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 608 с.
9. Зотова Ю.Н. Английская экспансия в дельте Нигера во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 234 с.
10. Зусманович А.З. Империалистический раздел Африки. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – 148 с.
11. Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871-1891 годов. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 592 с.
12. Новичев А.Д. Вторжение французов в Египет и франко-турецкая война 1798-1802 гг. // Вопросы истории стран Азии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. – С. 95-122.
13. Нересов Г.А. Национально-освободительное движение народов Африки в советской науке (периодизация и основные итоги) // Африка. Проблемы истории. – М.: Наука, 1986. – С. 229-242.
14. Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860-1861 гг. – М.: Наука, 1966. – 270 с.
15. Парфенов И.Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX века. Проблемы историографии. – Саратов: Изд-во СГУ, 1978. – 183 с.
16. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 367 с.
17. Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. – М.: РОССПЭН, 2004. – 278 с.
18. Смирнов С.Р. История Судана. – М.: Наука, 1968. – 294 с.
19. Субботин В.А. Колонии Франции в 1870-1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. – М.: Наука, 1973. – 403 с.
20. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). – М.: Л.: Наука, 1965. – 427 с.
21. Черкасов П.П. Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции XVI-XX вв. – М.: Наука, 1983. – 184 с.
22. François Charles-Roux. La production du coton en Egypte. – A. Colin, 1908. – 410 p.
23. Nanotaux G. Histoire de la France contemporaine. – Paris, s.d. – Vol.1-4.
24. Marriott J.A.R. The Eastern question: an historical study in European diplomacy. – Oxford: Clarendon Press, 1917. – 456 p.
25. Ryme A. Sans La domination francaise // Egypte depuis la conquete des arabes jusq'a la domination francaise. – Paris, 1877. – P.1-2.
26. Sabry M. L'Empire Egyptien sous Ismail et L'Ingerence Anglo-Francaise, 1863-1879. – Paris, 1933. – 576 p.
27. Vandal A. Louis XIV et l'Egypte. – Paris, 1889. – 382 p.
28. Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании. – Луганск, БОЯН РИ МП, 1994. – 168 с.
29. Гончар Б.М., Самчук В.Л. «Залізний канцлер» і великі держави в балканських кризах 80-х років XIX ст. // Питання нової та новітньої історії. – К.: ІЗМН, 1998. – Вип. 44. – С. 32-41.
30. Демин О.Б. Английская внешняя политика в период ранних буржуазных революций в Нидерландах и во Франции // Великая французская буржуазная революция: история и современность. – Одесса: Политтехпериодика, 1989. – С. 10-13.
31. Захарчук О.М. Франція і Росія: до питання про «силову дипломатію» Наполеона Бонапарта // Питання нової та новітньої історії. – К.: КНУ, 1996. – Вип. 42. – С.42-49.
32. Коппель О.А. Перська затока: проблеми безпеки (80-90-ті роки). – К.: Школяр, 1998. – 200 с.
33. Мургузалиев С.И. Административно-судебная и военная системы Османской империи XIII-XVII вв.: Учеб. пособие. – Махачкала: Наука плюс, 2005. – 174 с.
34. Русаков К.А. Проблема черноморських проток у зовнішній політиці Великобританії, 1892-1920: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.02 «Всесвітня історія» / К. А. Русаков. – Луганськ, 2003. – 20 с.

35. Савенков В.В. Великобритания та проблема будівництва Суецького каналу: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.02 / В.В. Савенков. – Луганськ, 2005. – 20 с.
36. Самчук В.Л. Політика європейських держав періоду «Великої Східної кризи» – як одна з причин Болгарської проблеми 80-х років XIX ст. // Питання нової та новітньої історії. – К.: КНУ, 1998. – Вип.44. – С.22-31.
37. Субботин В.А. Колонии Франции в 1870-1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. – М.: Наука, 1973. – 403 с.; Субботин В. А., Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г. // «Африканский сборник. История». т. 1. – М., 1963. С. 143–169.
38. Bates, Darrell, Sir. The Fashoda incident of 1898: encounter on the Nile Oxford [Oxfordshire]. – New York: Oxford University Press, 1984. – 194 p.
39. Pakenham, Thomas, Hon. The scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. – L.: Random House, 1991. – 680 p.
40. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: [Текст]: дис... канд. ист. наук: 07.00.03 / А.А. Айвазян. – М., 2014. – 306 с.
41. Густерин П.В. Франко-британские противоречия перед созданием Антанты (история). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://centrasia.org/news.php?st=1501498680>
42. Айвазян А.А. Египетский аспект англо-французской Антанты 1904 г. в оценке Германии и России / А.А. Айвазян // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2011. – № 2. – С. 65-77.
43. Архив Внешней Политики Российской Империи. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 30.
44. Кузнецова О.Н. Внутреннее положение российской империи в начале XX века глазами французских представителей / О.Н. Кузнецова // Исследовано в России. – 2002. – № 5. – С. 147-164.
45. Морозов Е.В. Египетский вопрос в англо-французских отношениях конца XIX начала XX века / Е.В. Морозов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 190-193.
46. Annales de la Chambre. Т. 1 (partie 1). Paris, 1898. P.562.
47. Documents diplomatiques français (1871-1914). Paris, 1929-1959. Série 1. Т. 11. Doc. 109.
48. Foundations of British foreign policy. – Camb., 1938. – Doc. 196.
49. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. – М.-Л., 1960. – 705 с.
50. История дипломатии. Т. II. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – 823 с.
51. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. – М.: Наука, 1965. – 372 с.
52. Соглашение между Великобританией и Францией от 21.03.1899, урегулировавшее взаимные претензии, фактически признало границей сфер англо-франц. влияния в Африке водораздел Нила и Конго. // British and Foreign State Papers. Vol. 91.

Поступила в редакцию 07.12.2020 г.

THE INFLUENCE OF FASHODA CRISIS ON THE DEVELOPMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS IN LONDON AND PARIS AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

R. G. Kharkovskiy

The article analyzes the process of exacerbation of colonial contradictions between Great Britain and France for control over the Sudanese-Egyptian subregion. It also examines the evolution of Egyptian and Sudanese issues in the colonial policy of England and France in the 1880-1890s: from the Mahdist uprising to the clash in Fashoda.

Key words: Anglo-French relations, London, Paris, Quet d'Orsay, Africa, Fashoda.

Харьковский Руслан Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент
ГОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: wwwrmyslan@mail.ru

Kharkovskii Ruslan Grigorievich

candidate of historical sciences, associate professor,
Vladimir Dahl's Luhansk state University,
E-mail: wwwrmyslan@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 7.01: 351.853.1

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ГОРОДСКОГО ПАМЯТНИКА В ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2020. А.А. Агаркова

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

В статье рассматриваются особенности бытия (визуального восприятия) памятников в российской городской народно-смеховой практике в контексте взаимодействия сакрального и низового регистров культуры. Материалом исследования, в частности, выступают официозные памятники советского периода, а также современные артефакты, иллюстрирующие общие тенденции культурно-исторического процесса. Обращается внимание на природу и последствия ситуации эстетического переключения знаков: «опрокидывания смыслов» из сферы возвышенного в сферу комического. Так, делается вывод о лишении смеховым модусом своей имманентной гармонизирующей функции в современных постмодернистских реалиях, о, нередко, симулятивном характере сегодняшней городской монументалистики.

Ключевые слова: городской памятник, народная смеховая практика, десакрализация, городская мифопоэтика.

Не секрет, что «памятник» как смысловое производное межпоколенческой культурной памяти, занимает ведущее место в пространственном телосложении любого топоса (городского и сельского, столичного и провинциального, центрального и периферийного), образуя специфически местную архитектуру ансамбля разновременных знаково-символических форм. Последний – оказывается необходимым способом территориального обустройства жителей (т.е., естественной потребности в ясности, обозримости, иерархичности своего малого жизненного круга) как внешнего, чисто визуального порядка (пространственной ориентации в принципиально *своей* ойкумене) так и внутреннего, духовно-ценностного.

Специфика бытия городского памятника в общем ландшафте данного Места в российской научной гуманитаристике представлена самыми разными исследовательскими мотивами: социологическими, психологическими, художественно-эстетическими, семиотическими. Учеными анализируются особенности восприятия городских памятников в различных социокультурных контекстах, в рамках рассмотрения образной целостности данного городского целого и его информационной насыщенности, в плане узнаваемости городскими жителями местных артефактов и т.п. [1, с. 5].

Целью данной работы является рассмотрение особенностей образных метаморфоз официального городского памятника в фокусе народной смеховой стихии, в контексте эстетического переключения высокого регистра культуры – в низовой, а сакрального – в смеховой. Указанная тема видится еще недостаточно разработанной, хотя и представляющий, на наш взгляд, несомненный интерес.

Понятно, что в поэтике городского памятника преломлены стереотипы массового сознания общества, его устремления и идеология («закодированный документ своей эпохи» – как отмечал еще Д.С. Лихачев). «Памятник» манифестирует утвердившийся социальный конструкт. В свою очередь, скульптурная монументалистика всегда оставалась ключевым элементом всех идеологических систем, демонстрируя незыблемость провозглашаемых социально-значимых ценностей и представляя знаково-символическими ориентирами эпохи. Осуществляя ценностный отбор наиболее общественно значимых идей, она остается главным социокультурным индикатором изменений общественного сознания. Вбирая со временем разновременные информационные, мифоидеологические напластования и охудожествленные образные мотивы, городские памятники и монументы сохраняют возможность своего дальнейшего смыслового переинтонирования («перепрочтения»). Конечно, сохраняя свое место в дальнейшей истории, памятник не достается потомкам с некогда запрограммированным набором значений, дополняясь их новыми, «приобретенными качествами» и характеристиками, очень часто «сниженного» (подчас – до комического) порядка.

Как отмечают российские исследователи: «В современном плюралистичном обществе одновременно сосуществуют разные «памяти» как различные толкования одного и того же события или явления, продолжая умножать культурное многоязычие» [2, с. 198]. В свою очередь, в лабиринтах исторической памяти неизбежна и постоянная «смена перспективы: аутентичные образы памяти медиализируются через романы, фильмы, выставки, а затем, политизируются через пересмотр смыслов, девальвацию прежних политических ценностей, перенос геополитических акцентов, смену поколений с новыми задачами политической социализации» [5, с. 201].

Чтобы стать памятником, арт-объект должен стать эмоционально (эстетически) привлекательным и ценностно значимым для воспринимающего его городского субъекта, по своему «включенным» в его жизненную среду. Памятник привычно ассоциируется со стабильностью и преемственностью, чему в немалой степени способствует символика, формирующая у горожан устойчивые гештальты восприятия и способствующая укоренению чувства собственной локальной принадлежности. Тем самым, формируется и зримая «биография» своего топоса. Будучи неразрывно связанным с окружающей средой, внешним фоном, памятник или выступает с ними в унисон, или вступает в образное противоречие (конфликт).

Как показывает культурно-исторический опыт, городская мифопоэтика издавна обыгрывает самые разные образные концепты Места: город-храм, город-сад, город-крепость, город-мастерская (индустриальный вариант) и т.п., подключая весь созидательный инструментарий культуры: идеологический, художественный, публицистический, фольклорный. И вся «партитура» скульптурных памятников и монументов здесь играет свою важнейшую роль. Включенный в мифопоэтическую стихию памятник призван зримо артикулировать очередной космогонический «перезапуск» истории («мы наш, мы новый мир...»). Отсюда – неперенный монументальный пантеон основателей (вождей, революционеров, «культурных героев»), венчающий центр данной городской ойкумены и наиболее значимые сегменты ее целого.

Конечно, скульптурный памятник, монументальной или монументально-декоративной направленности (как своеобразный «земной гвоздь» в пространственной жизненной горизонтали) остается самым привычным и удобным ориентиром в

будничной круговерти телесного перемещения. Подобно тому, как мы мыслим городами («снова между нами города...»), а расстояния между ними воспринимаем как особую *систему «точек» и «тире»* (не-город, своего рода пустоты), – во внутригородском культурном пространстве образуется своя «дорожная карта»: в перемещении по уличным пространственным руслам от одного памятника к другому.

Поливременная (и полистилистическая) конфигурация мемориальных форм одновременно и собирает (центрирует) и расслаивает (размежевывает) городской локус с постоянными переходами горожан от малых пространств к большим (двор-площадь, поселок-центр и т.п.) со сменой фокуса видения. Образуется и своя макро- и микро topика «памятниковых» культурных форм: от общегородских до самых малых (семейно-соседских) пределов. В череде пространственных переключений городского сознания происходит активное смещение эстетических знаков-«ладов»: возвышенного и смешного, эпохального и исторически ситуативного, событийно-героического и популярно-«киношного» (или «мультишного» – подобно веселому образу «воронежского кота с улицы Лизюкова»).

Тем самым, осуществляется взаимодействие разных социокультурных (мировоззренческих, идейно-идеологических) контекстов, образуются свои исторические переключки, неожиданные смысловые параллели, а то и вызывающе несовместимые образные контрасты-антитезы. В «адище города» (В. Маяковский) легко сосуществуют надвременные произведения высокого искусства и лишенные какого-либо художественного статуса статуи – «болванки», лишь обозначающие «здесь и сейчас» присутствие воцарившейся власти. С самими же памятниками зло или шутливо «общаются» (жалуясь или попрекая), возле них назначают встречи, проводят свои политические акции профессиональные «борцы с режимами»...

Современная памятникная конфигурация городского пространства нередко перенасыщена количественно и качественно (в плане образно-эмоциональной амплитуды), а арт-объекты в условиях всеобщего эстетического доминирования «хай-тэковской» архитектурной стилистики оказываются едва ли не выравнены в ценностно-иерархической пирамиде.

Памятник, так или иначе, всегда вовлечен в вечную борьбу времен: «тогда-теперь», «было-будет», исторических типов культур, оставаясь удобным объектом «самоутверждения» нового на поверженных «обломках» прошлого от античных до современных времен. «Свято место», как мы знаем, пустым никогда не остается и даже снесенный или выдворенный на «задворки» истории и городского локуса памятник продолжает незримо присутствовать в топике Места, участвовать в дальнейших перипетиях событий и общественных противостояний.

В постсоветский период соцреалистические каноны спортивных «девушек с веслом» (той самой «радующейся толстомордой юности», по поводу которой так недоумевал Остап Бендер) сменяются масскультными образами, призванными символизировать новую, «независимую» от назойливых идеологических скреп, реальность. При этом, в любой городской среде память (и памятник), так или иначе, сочетаются с контрпамятью (и контрсимволикой) – альтернативными символическими маркерами данного времени, противостоящими ветшающим официальным канонам. Не случайно и появление «контр-монументов» (Дж. Янг) как проявление современного «паблик-арта», нацеленных на дискуссионное выражение воплощаемого смысла, на то, чтобы «расшевелить общественное мнение», привлечь внимание к неоднозначным историческим аспектам. В целом, нынешние постсоветские города (особенно с «соцгородским» культурным прошлым, лишенным дореволюционного духовного

«гумуса») визуально по-прежнему встроены в прежний идеологический сценарий, где старые («старорежимные»), территориально давно обжившиеся, персонажи-памятники пытаются отстоять свое место в новой социокультурной реальности.

Каждый городской мемориальный ряд имеет как свою сакральную, так и сакрализованную составляющую, играя интегративную роль: психологическое сплочение коллективного целого вокруг социально приемлемого и духовно «подъемного» в восприятии будущего («светлого»). Сакральное в системе культуры всегда строго иерархизировано, уподобляется запредельному, являя себя через собственную знаково-символическую палитру. Основу его неизменно составляет – благоговение, как одна из трех нравственных скреп культурного поля (наряду со стыдом и жалостью), о чем в своем «Оправдании добра» писал В.С. Соловьев. В амплитуде сакрального исследователи выделяют: «сакральное далёко» (сверхбытийное, трансцендентное) и «сакральное рядом» (Г. Луговский), то есть сакрализованное, вплетенное своими установившимися, санкционированными мифоидеологемами в официальный (презентационный) план данной этнонациональной культурной традиции. При этом, сакрализованное, – по словам Г. Луговского, остается «самой подвижной и изменчивой частью культуры» [4, с. 167].

В каждом историческом типе культуры складывается своя диалектика сакральных и профанных аспектов, своя «логика» и формы профанизации сакрального. Проявляются свои лики и личины сакрального («мнимое сакральное»). В целом же, десакрализация как механизм ниспровержения базовых культурных норм господствующей культуры в той или иной мере сопровождает весь ход исторического развития, лишь повышая или понижая свой градус. Равно как и обратный, реверсивный механизм ресакрализации – в виде возвращения данному культурному объекту ранее утраченного им статуса (в глазах нового поколения и в силу новых произошедших событий), хотя уже и в исторически новой: превращенной (преображенной) форме (как возможное проявление универсальной матрицы развития: «тезис-антитезис-синтез»).

Процесс десакрализации культуры (как и рост энтропии – хаотизации) проявляется в уже ничем не регламентируемом прорыве мирского, смешного в заповедное лоно сакрального (подтверждая неизбывный постулат о всего лишь шаге «от великого до смешного»). Обилие безобразных («без-образных») культурных объектов обозначает усиливающуюся гравитацию «Низа Бытия», новую ступень в неизбывной для культуры борьбы природного и социального. Мера и порядок, устойчивость и определенность – всегда оставались константами господствующего (официального) типа культуры и всего массива сакральных и сакрализованных объектов. Но с каждым новым поколением в восприятии привычного образа культуры неизбежно образуются и все более усиливаются свои «бреши», впуская инородные, профанные житейские мотивы.

Так, современный этап (прежде всего – в западной культуре) – время тотальной десакрализации, проявляемой в обилии «странных» (уже далеко не канонических) храмов, священных образов и действий. В эстетическом плане количественное нагромождение нелепостей, несуразностей лишает их прежнего сугубо «низового», земного, развлекательного ценностного качества. Разрушение всей эпохой Модерна прежних канонов (особенно в его нынешней, итоговой – постмодернистской стадии), освященных прежде многовековой традицией, нивелирует сакральность культурных объектов. Смеховой модус уже не выравнивает, не восстанавливает, не гармонизирует как прежде архитеконику культурного пространства (одно из проявлений защитных функций культуры).

Постсовременная пан-ирония над всем корпусом культурных универсалий – с ее неизменными «приколами» и ее мотивами: «ничего святого» (т.е., никаких обязывающих индивида авторитетов и смыслов) – все более вытесняет из культурного поля степенность, какие-либо претензии на серьезность, значительность – все то, что излишне связывает отныне свободного от любых обязательств городского «дивидуума». Как результат урбанистическое пространство изобилует странными химерическими, гротескными образами, претендующими на нашпигованные (скрытыми смыслами-шифрами) головоломки. Доминирует акцентированное (индивидуалистического толка) авторство вне прежней, узнаваемой зрительским взором, привязки к определенным общемировоззренческим художественно-стилистическим течениям. Напрашивается мысль о некоей боязни образной простоты и ясности, в том числе, и вследствие утрачивания их самим человеком.

Как известно, сакральное начало вовсе не отгорожено наглухо от комического непреодолимой стеной, и смеховые обертоны могут проявиться в любой ситуации. Смех богов раздавался едва ли не во всех мифорелигиозных культурах (хохот Шивы, смеющийся Будда Майтрейя, улыбающаяся Богоматерь). Смешное и величественное, смешное и страшное (смерть) хорошо иллюстрирует хотя бы русское слово «умора» с его амбивалентностью заложенного в нем смысла.

Так называемых «серьезные», сакрализованные памятники в городском пространстве все равно живут *в своем времени*, преломляясь через вполне житейское профанное восприятие. В реальной, мирской среде (знакомая площадь, сквер, бульвар) они теряют свою историко-идеологическую самодостаточность, растворяясь в сумятице конкретных жизненных событий, рутинной будничной повседневности. Они оказываются под постоянным перекрестным огнем разнозначных представлений и восприятий (в многоголосице возрастных, этнических, социально-профессиональных, идеологических и пр. оценок, мнений, особенно в виртуальной коммуникативной среде). Официальный памятник, как, уже отмечалось, артикулирует (визуализирует), легитимирует присутствие власти: незыблемость завоеванного социального миропорядка, но, он же и оказывается в фокусе неизбывной народно-смеховой рефлексии, устраняя всякие односторонности в восприятии мира и восстанавливая его целостность (в полном согласии с классической бахтинской концепцией).

Табуированный и сакрализованный всем инструментарием культуры, скульптурный монумент издревле имманентно амбивалентен, внушая благоговение и страх, пиетет и тайное желание подразнить, низвергнуть с пьедестала беспомощный каменный истукан (популярные мотивы в мировой художественной поэтике). Особенно – в молодежной среде с ее эксцентрическими, провокационными выходками в отношении «застоявшегося» общепринятого социального миропорядка. Активизировавшаяся в настоящее время пафосная «борьба с памятниками» всегда остается наглядным показателем слабости и собственной неуверенности (несостоятельности), инфантилизма и архетипических страхов, скрывающихся под медийной завесой зрелищных, протестных «народных» действ. Крушение неизбежно инициирует и обратное действие: «защиту» уже низвергнутых массовым сознанием и новой идеологической доктриной, десакрализованных памятников.

Как блестяще показал еще М. Бахтин, один из алгоритмов культуры (в плане ее самовосстановления и самоупорядочения): в периодической потребности «сбивать» пафос водворившейся искусственной торжественности, официозной экзальтации, нивелировать эстетику обнаружившихся признаков ложно-возвышенного, препровождая его в сугубо комический план восприятия. Желание опростить,

«оживить» памятник ведет к его обрастанию народными, телесными приметами: «приобнять», «потереть нос», «поддержаться за руку» и пр. Сказывается и магическая (мифоархаическая) родословная памятника как значимого культурного инструментария. Памятники, в первую очередь, парадно-официального «покроя» давно стали материалом для смеховой «огранки» в стихии городской низовой культуры, вплетаясь в текущую фольклорную традицию и обываясь в реальной пространственной среде (площади, бульвара, сквера, двора).

Лишь немногим из них, нашедшим искомую чеканную, знаково-символическую формулу запечатления эпохальных мифоидеологем, с высоким градусом оправданной художественной условности, суждено стать, подобно «Рабочему и колхознице» В.Мухиной (при всех его, не единожды отмечаемых, внешних аллюзиях с античными «Тираноборцами» скульпторов Крития и Несиота) вневременными шедеврами в монументальной летописи страны, претерпев в качестве образца монументальной пропаганды многочисленные метаморфозы восприятия от статуса государственного брэнда (и «советской мечты») к последующему едва ли не окарикатуриванию (в перестроечные годы) и возвращению уже в новой социокультурной реальности.

Конечно, необходимым элементом городского скульптурного ряда являются и просто изначально смешные, веселые памятники как необходимый элемент досугово-развлекательного, низового модуса культуры. И все же главной мишенью народной смеховой культуры (как ведущего инструмента распознавания всякого рода неправильностей, несоответствий, подмен и фальши) неизбежно становится пафосно-претенциозный ряд монументальной скульптуры. Так, существует целая подборка «смешных» памятников В. Ленину, невольно выпавших (не без воздействия местной этнокультурной специфики) из канонизированного эстетического контекста (вроде «головастика» Ленина в столице Бурятии Улан-Уде), смешных («дурацких») комментариев к вполне традиционным, каноничным образцам. Комический эффект создают определенные (неожиданные) визуальные ракурсы, ассоциативно-смысловые параллели городской социально-бытовой фоносферы (как плод разыгравшегося индивидуального или коллективного воображения). Сама природа последнего в его повседневном культурном регистре не может не вовлечь памятник в игру с собственным сознанием: свойство человеческого глаза дорисовывать, достраивать, упрощать (подгонка под удобные, психологически комфортные и житейски знакомые образные схемы).

Культуротворческая оптика человеческого глаза во все времена требует активной работы, уставая от бесцельного скольжения по поверхности, вовлекая в процесс восприятия и ситуационно возникающее эмоционально-психологическое состояние (настроение) горожанина. В русской ментальности это оказывается особенно очевидным с ее православным пафосом «уничуждения паче гордости», постоянной издевкой (прежде всего, над собой). Как известно, официальный смех (в его соцреалистической оболочке) имманентно «серьезен», предполагая осмеяние идеологического чуждого, враждебного. В свою очередь, неофициальный, народный, предполагает, прежде всего, элемент самоосмеяния. Кроме того, двойственная (материально-духовная), пограничная природа явленного, зримого и сокрытого в образе монумента изначально провоцирует его возможную народно-смеховую корректировку.

Обратимся к ряду показательных примеров. Известная скульптурная композиция *«Песня» на Цветном бульваре* (1958 г.) – характерный советский (колхозно-крестьянский) вариант на тему «3-х граций». Вне утраченного временем

(советского, соцреалистического) культурно-идеологического контекста в массовой среде она обрела хлесткое прозвище «Бомжихи».

Всякие попытки авторов сделать своих великих персонажей «живее всех живых», реалистичнее, придав им непринужденный, приближенный к непосредственной житейской ситуации вид, невольно ведет к появлению эстетически спорных, едва ли не курьезных решений (как извечное противоречие «двух правд»: жизненной и художественной), подбрасывая очередную пищу местным городским острословам. Так, знаменитый *памятник большевику В. Воровскому на Лубянке* (1924 г.), где, уж слишком натуралистично, была воссоздана его своеобразная, несколько эксцентричная, манера полемического общения, стал более известен в народе под названием «Памятник радикулиту». Тем самым, иллюстрируя, как нарочитое обмирщение (характерность) сакрализованных Великой Доктриной исторических персонажей, ломает алгоритм, опрокидывает знаки и переводит (усилиями городской смеховой традиции) пафос возвышенного – в лоно комического.

Конечно, особенно – на фронте народной смеховой практики – досталось классикам идеологического фронта: Марксу, Энгельсу, Ленину. В частности, гипертрофированная «идея монолитности» учения (по выражению самого автора памятника, Л. Кербеля), воплощенная в *памятнике Марксу на Театральной площади в Москве*, устами Ф.Г. Раневской ушла в народ с названием «Холодильник с бородой». Его предшественник – стоявший на этом месте, эстетически не менее спорный скульптурный монумент обоих классиков (К.Маркса и Ф.Энгельса) незамедлительно обрел в народе комическую реплику «Двое в ванне». Характерным примером смешения жанров и, как результат, эстетического переплескивания величественного в смешное, может служить и памятник Ярославу Мудрому в Киеве у Золотых ворот, созданный по эскизу И. Кавалеридзе «*Ярослав Мудрый с макетом Софии Киевской*». В городской смеховой культуре он куда как более известен в маркировке «Мужик с тортом».

Повседневный вещный мир современного потребительского общества, раскручиваемый к тому же вездесущей рекламой, вносит свою лепту в визуальные комические метаморфозы «серьезных» памятников: таковы, к примеру, «*Чупа-Чупсы*»: *памятник В. Ленину и Н. Крупской на Ленинградском вокзале*. Драматическая и весьма динамичная композиция памятника *Героям Октябрьской революции и гражданской войны в Уфе* с тремя отчаянно рвущимися вперед персонажами (классический собирательный образ монументальной пропаганды: рабочий, крестьянин, красноармеец) в народной среде немедленно обрела куда более ходовое название: «Без пяти семь». Комический эффект был вызван наличием напротив памятника продуктового магазина, закрывавшегося в семь вечера (образная параллель с припоздавшими покупателями).

Городская фольклорно-смеховая культура, в свою очередь, оказывает обратное влияние на местный скульптурный арт-ландшафт: такова, в частности, история бронзового «*Чижика Пыжика*» на Фонтанке в Петербурге (Р. Габриадзе, 1994).

Современная монументально-декоративная скульптура (как, к примеру, памятник времен «лихих 90-х» З. Церетели в честь 300-летия Российского флота в Москве, или памятник Петру I), нередко неся в себе постмодернистскую полистилистическую сумятицу и явные двойственные (провокационные) гротесковые черты, предполагает уже иной уровень взаимодействия с городской народно-смеховой культурой, иной вызов общественному вкусу. «Массовый глаз» городского жителя еще не вполне готов работать с новой эстетической реальностью с ее легким смешением традиций, и, как следствие, непривычным для воспринимающего нарочитым

нарушением масштабов и пропорций, жанровой чистоты, с неожиданными переносами смысловых акцентов (вплоть до внесения в скульптурный образ элементов совершенно иной стилистики православной иконописи – как в образе Петра I работы Михаила Шемякина).

В условиях крушения официоза и утраты прежнего страха смех лишается цели и своей гармонизирующей («восстанавливающей») социокультурной функции, равно как эффективное, публичное «несогласие с режимом» уже давно перестало восприниматься гражданским поступком. В условиях собирания новой коллективной культурной идентичности и нового симеозиса, пронизанного отныне самыми разнообразными знаками (мифоархаическими и религиозными, имперско-монархическими и советскими), в условиях переструктурирования городского «общественного пространства» формируется и новая городская скульптурная телесность. Монументалистика, немислимая прежде вне центрирования культурного ландшафта, вне абсолютизации и идеализации, все более обретает симулятивный характер (такова, в частности, т.н. «постмонументальная» скульптура). При этом, сейчас отмечают ее настоящий бум: сказывается очередная потребность в знаковом переформлении культурного пространства, визуального «удревнения» его корневища через увековечивание всего предельно контрастного пантеона исторических персонажей (князей, царей, императоров и пр.). Очевидно, на смену уже некогда построенному «новому миру» должен придти другой, «новый старый мир».

Сам тип смеховой культуры и смеховой коммуникации исторически перестраивается, лишаясь традиционного общественного пространства, индивидуализируясь и перемещаясь в Интернет-среду своего бытования, причем «смех тела» (Л. Карасев) все более вытесняет «смех ума». Вне довлеющих прежде социокультурных нормативов (табу) размывается непосредственность (как результат воздействия масскультовых штампов), этнонациональная природа смеховой культуры, сам тип смеховых вольностей. Современное «соцсетевое» («племенное») сознание в его нынешнем, предельно «горячем» типе культуры, в отличие от его традиционного («холодного») полюса, приводит к ситуации доминирования расщепленного, измельченного сакрального и сакрализованного («для себя», для собственного индивидуального потребления). Как следствие, эта культурная сфера с легкостью продолжает погружаться в стихию комического, подобно тому, как концептосфера «вечного» – в мир повседневного и суетного. Действительно, в постмодернистском мире уже давно десакрализованы все формы запечатления памяти и уже перестают удивлять кладбищенские надгробия, представляющие в виде компьютера, прищепки, барабанной установки или кроссовок и снабженные не менее смешными («прикольными») изречениями («пока!», «ну и ладно», «вообще-то я рассчитывал на пирамиду», «умирать стремно» и т.п.).

Таким образом, смеховой план бытия городского мемориала так же во многом является значимым показателем происходящих исторических перемен, иллюстрируя как непреходящую этноментальную общность, так и глубину межпоколенческих расхождений в восприятии визуально-образных запечатлений культурной памяти своей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов В.А. Город и монумент / В.А. Артамонов. – М: Стройиздат, 1974. – 224 с.
2. Богдановская И.М. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах / И.М. Богдановская, И.А. Трегубенко // Universum: Вестник Герценовского Университета. – 2013. – № 2. – С. 78-85.

3. Дубровская О.С. Эволюция культовых скульптур: от памятника к монументу / О.С.Дубровская // Академия. Архитектура и искусство. Ч. 3. Просвещение и пропаганда. Символизм, монументализм. – 2012. – С. 68-78.
4. Луговский Г.В. О природе сакрального. К истокам духовного опыта / Г.В.Луговский. – М., 2015. – 170 с.
5. Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политика меморизации / Е.Ю. Мещеркина // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. Ред. Л.М.Дробижева. – М: Институт Социологии РАН, 2006. – С. 198-213.
6. Столяр М.Б. Советская смеховая культура / М.Б.Столяр. – Киев: Стилос, 2011., 302 с.
7. Фокин А.А. Советская смеховая культура в эпоху «развернутого строительства коммунизма» / А.А.Фокин // Вестник ЧГУ, 2007. – № 13. С.126-129.

Поступила в редакцию 18.10.2020 г.

AESTHETIC METAMORPHOSES OF THE CITY MONUMENT IN THE SPACE OF FOLK LAUGHTER CULTURE

A.A. Agarkova

The article examines the features of being (visual perception) of monuments in the Russian urban folk-laughter practice in the context of the interaction of the sacred and lower register of culture. The research material, in particular, is the semi-official monuments of the Soviet period, as well as, modern artifacts illustrating of the general trends of the cultural and historical process. Attention is drawn to the nature and consequences of the aesthetic switching of signs: “overturning meaning” from the sphere of the sublime to the sphere of the comic. Thus, the conclusion is drawn about the deprivation of the laughter mode of its immanent harmonizing function in modern postmodern realities, about – often – the simulative nature of today's urban monumentalism.

Key words: city monument, folk laughter practice, desacralization, urban mythopoetics

Агаркова Анна Алексеевна

Кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
E-mail: agarkova.anna3710@gmail.com

Agarkova Anna Alekseyevna

Candidate of Culture Studies, Associate Professor of
Department of Humanities,
SEI HPE «Donbass Law Academy».
E-mail: agarkova.anna3710@gmail.com

УДК 130.2

ЛЕГИТИМАЦИЯ НАСИЛИЯ ПРОТИВ РУССКИХ УКРАИНЫ В РАМКАХ ФЛЕШМОБА #ЯНЕБОЮСЬСКАЗАТЬ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020. *Н.С. Ищенко¹, Н.Ю. Пахмутова²*

¹ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

²ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Статья посвящена анализу одной из реализуемых на современной Украине стратегий легитимация насилия против русских Украины. В статье рассмотрена стратегия использования женского вопроса для навязывания требуемых ролевых моделей поведения в целях антирусской пропаганды. Проанализирован флешмоб #янебоюсьсказать, проведенный в кириллическом секторе Интернета в 2016 году Анастасией Мельниченко. Рассмотрены пять ролевых моделей, которые навязываются женской русскоязычной аудитории флешмоба как на Украине, так и в России. Показана роль этих моделей в разрушении русской культурной идентичности на Украине и в стигматизации русских Украины.

Ключевые слова: идентичность, Украина, стигматизация, русские Украины, ролевые модели, феминизм.

Одна из стратегий гибридной войны в информационно-коммуникационном пространстве заключается в использовании реальных или мнимых общественных проблем для навязывания требуемых ролевых моделей поведения и легитимации насилия против стигматизированной общественной группы. Среди разновидностей такой стратегии поведения субъекта информационного пространства присутствует эксплуатация так называемого женского вопроса в антирусской пропаганде. Особенно актуальна эта стратегия для Украины, где русские представляют собой стигматизированную общественную группу, права которой неуклонно ущемляются на протяжении нескольких десятилетий. Процесс перешел в открытую фазу с начала войны в Донбассе. Начиная с 2014 года, украинские медиа все активнее используют разные способы для легитимации насилия в отношении русских. В рамках этой стратегии рассмотрим флешмоб #янебоюсьсказать, проведенный в кириллическом секторе Интернета в 2016 году Анастасией Мельниченко.

Под стигмой понимается любой недостаток или его знак, который оказывает негативное воздействие на социальное приятие затронутого им индивида [5, с. 40]. В социальной психологии рассматривают стигматизацию социальных групп по некоторому признаку. Наличие этого признака – стигмы – «лишает человека статуса полноценного, становится источником предубеждений, дискриминации, социальной изоляции стигматизированных, вызывает снижение самооценки и чувство подавленности, формирует негативную социальную идентичность и затрудняет психосоциальную адаптацию» [9, с. 45]. На Украине стигматизирующим признаком является русский язык и принадлежность в русской культуре.

В современном гуманитарном знании, в том числе в социальной психологии рассматривают шесть типов стигматизации, среди которых важное место занимают враждебное отношение и негативная установка на пассивность [9, с. 47–48]. Враждебное отношение представляет собой конвенциональную негативную установку по отношению к социальной группе, положение которой воспринимается как

благополучное, а представители которой – как сильные и способные причинить вред. Негативная установка на пассивность – это также конвенциональная установка неприязни, нетерпимости, неуважения, возникающая в отношении неблагополучной социальной группы, причем это неблагополучие связано с пассивностью ее представителей. Негативная установка на пассивность проявляется по отношению к слабым, неудачникам, неуверенным в себе людям, которые опустили, не борются с обстоятельствами, не хотят менять свое положение. Восприятие некоторой группы как слабых и неудачников может соответствовать действительности, но чаще является социальным конструктом, продуктом общественного сознания.

Стигматизация некоторой социальной группы, выделенной по наличию стигматизирующего признака, развивается как на основе сложившейся групповой идентичности, так и в результате искусственного конструирования этой группы в пространстве коммуникации. Так, русские Украины в течение всего периода независимости и вплоть до 2014 года не осознавали себя как отдельную социальную группу. Подобное самосознание имело место только в Крыму, на территории же современной Украины и Донбасса русское самосознание вместе со стигматизацией русских навязывалось в результате государственной политики так называемой мягкой украинизации. Так, запрет русского языка в сфере образования и публичной сфере подавался как следствие естественного процесса отмирания в границах Украины как неконкурентоспособного. Людей убеждали не отдавать детей в русские школы и в русские классы, поскольку высшее образование в некоторых сферах уже перешло, а в других скоро перейдет исключительно на украинский, и ребенок не сможет учиться дальше. Подобная стратегия имела место в разных сферах, но русский язык большинством его носителей на Украине не воспринимался как стигматизирующий признак вплоть до 2014 года. Русские в этот период чаще всего выделялись и маркировались как советские люди, «совки», то есть по идеологическому признаку, хотя уже тогда эта идентичность в общественном сознании конструировалась как врожденная и неискоренимая [4].

В настоящее время на Украине политика стигматизации русских находится в активной фазе. Русские Украины выделяются в пространстве коммуникаций как носители русского языка, советского менталитета и с 2018 года, после создания ПЦУ как прихожане РПЦ. Стигматизация этой социальной группы является основой государственной политики, и поддерживается среди прочего различными негосударственными общественными организациями. Среди последних можно назвать общественную организацию Studena, к которой принадлежит автор анализируемого флешмоба Анастасия Мельниченко.

На момент реализации проекта Мельниченко возглавляла добровольческую организацию, которая занималась психологической адаптацией так называемых «бойцов АТО», то есть военнослужащих ВСУ и добровольческих радикальных формирований, участников карательных операций на территории Донбасса. Программы поддержки и социально-психологической адаптации украинских военнослужащих активны на октябрь 2019 года. К ним прибавился также проект подготовки управленческих кадров из «ветеранов АТО» [1].

Декларируемые цели флешмоба: привлечение внимания к гендерно-обусловленному насилию. Однако этот флешмоб очень быстро получил подчеркнута антирусскую направленность и был использован для легитимации насилия по отношению к русским Украины в общественном сознании как Украины, так и России.

В ходе флешмоба эксплуатировались реальные проблемы женщин на постсоветском пространстве. В настоящее время в русскоязычной медийной среде отсутствует внятный официальный дискурс, который был бы обращен к женщинам, не принимающим патриархальных семейных ценностей образца XIX века. Законодательная основа защиты прав женщин в постсоветских республиках подвергается эрозии. Например, в РФ приняты поправки о декриминализации побоев в семье [8], инициатива ввода охранных ордеров для защиты женщин и детей, пострадавших от семейного насилия, неоднократно отвергалась законодателями [3].

Вопросы репродуктивных, трудовых, политических прав женщин и гендерно-обусловленного насилия в рамках официоза рассматриваются как комплекс малозначимых периферийных проблем, обусловленных отступлением от «канонической» модели отношений мужчины и женщины и «канонической» модели семьи, которая конструируется частично по дореволюционным российским образцам (многодетность, женское целомудрие и религиозность), частично – по образцам советской нуклеарной семьи послевоенного периода (единоличная ответственность женщины за воспитание детей, обязанность женщины участвовать в материальном обеспечении семьи) с учетом разного рода этноконфессиональных модификаций [7].

Незаполненную нишу «заступников», которые вводили бы в поле общественного обсуждения проблемы женщин России и бывших республик СССР, берут на себя маргинальные группировки, чаще всего праволиберального политического направления, во многих случаях аффилированные с иностранными НКО. Основными дискуссионными площадками для обсуждения «женского вопроса» остаются принадлежащие подобным группировкам медийные ресурсы и неофициальные сообщества в социальных сетях кириллического сегмента Интернета (также праволиберального толка), имеющие условно-феминистическую окраску.

Специфика подобных дискуссионных площадок и сообществ состоит в непропорционально низкой представленности таких значимых для постсоветского пространства проблем как женская безработица и низкие зарплаты, несоблюдение работодателями законодательства в отношении декретных выплат, отсутствие мест в детских дошкольных образовательных учреждениях, низкое качество медицинского обслуживания при сопровождении беременности и родов и т.д. и педализации проблем дискриминации лесбиянок, трансгендерных женщин, женщин, по идейным соображениям отказавшихся от деторождения (так называемые «чайлдфри»).

Позитивная повестка упомянутых сообществ сводится к поддержке артистических и литературных мероприятий феминистической направленности, иногда – сборам с целью поддержки жертв сексуального насилия, насилия в семье, ущемляемых в правах лесбиянок и трансгендерных женщин, поддержки сексуального просвещения [2; 6].

Праволиберальная направленность указанных группировок и дискуссионных площадок обуславливает положительное отношение администраторов, модераторов и актива пользователей к цветным революциям, произошедшим на Украине в 2004 и 2014 годах. В качестве ролевых моделей для женщин, предлагаемых на этих площадках русскоязычной целевой аудитории, часто упоминаются представительницы ополченной украинской интеллигенции XIX века, боровшиеся против Российской Империи, украинские коллаборантки времен Великой Отечественной войны и представительницы украинской диаспоры за рубежом. С началом военной операции против русского населения Донбасса весной 2014 года на некоторых русскоязычных феминистических ресурсах проводился сбор гуманитарной помощи в пользу ВСУ и добровольческих карательных подразделений.

В социальных сетях либеральными фемактивистками проводятся также проекты, рассчитанные на выход за рамки узкого круга сторонников, нацеленные на привлечение массовой аудитории. Одним из таких проектов был флешмоб #янебоюсьсказать в 2016 году.

Флешмоб навязывает следующие пропозиции: при общем неблагополучии положения женщин в России и на Украине, Украина «стала на путь исправления». Ее руководство и прогрессивная часть общества способны «сломать лед» в замалчивании проблемы гендерно-обусловленного насилия и тем самым подать пример отсталой авторитарной России.

Поскольку рефлексия участниц относится чаще всего к случаям, произошедшим в детстве и юности (многие рассказывают также и о травматическом опыте старших родственниц и подруг), педалируется связь насилия против женщин с «тоталитарным», «имперским» обществом и идейным наследием СССР. Для Украины – еще и с постсоветским периодом засилья «пророссийских сил» в лице Кучмы/Януковича, что зачастую явно противоречит фактуре (например, когда участницы флешмоба описывают случаи насилия против женщин, обусловленные архаическим крестьянским укладом, сохранившимся с дореволюционных времен, хотя возраст участниц флешмоба совпадает с возрастом аудитории фейсбука в русскоязычном сегменте – от 20 до 50 лет). Отметим, что украинскими феминистическими группами часто эксплуатируется в качестве ретроспективного идеала картина «доколониального» состояния прав женщин на Украине: украинка – мать-хранительница очага, почитаемая всей семьей (неоязыческие мотивы).

В флешмобе активно проводится политика двойных стандартов и применительно к недавним свидетельствам: многочисленные случаи насилия над женщинами со стороны военнослужащих украинской армии автоматически отфильтровываются в силу изоляции групп различного политического спектра в социальных сетях.

Формально направленный на уничтожение практики обвинения жертвы (victim blaming) флешмоб неявно указывает на неправильность «тоталитарных», «имперских», «совковых» стереотипов поведения как насильников, так и жертв, порожденных порочным устройством общества и ставших причиной насилия.

Положительным противовесом «искаженной» (русской/советской оккупацией) идентичности украинских участниц и изначально ущербной в украинской рецепции идентичности участниц русских признаются ролевые модели, ранее усвоенные целевой аудиторией феминистических Интернет-ресурсов и предлагаемые более широкой аудитории – как украинской так и русской/русскоязычной. В ходе флешмоба навязываются следующие ролевые модели:

1. Мать / воспитательница детей, защитница украинской/другой национальной (но не русской) идентичности и языка;

2. Лесбиянка / женщина-гендерквир / цисгендерная активистка ЛГБТ-движения/движения за сексуальное просвещение, приверженная европейским ценностям толерантности, раскрепощенная, способная на демонстративные поступки в рамках защиты женской и/или национальной идентичности (возможно – секс-работница). Отметим, что вопрос о принципиальной недопустимости сексуальной эксплуатации женщин в праволиберальной рецепции, особенно на площадках, ориентированных на чисто украинскую целевую аудиторию, затушевывается в пользу рассуждений о гуманизации проституции в рамках «европейского подхода» (медицинское страхование проституток, обеспечение их безопасности и т.д.).

3. Артистка, хранительница национальной (украинской или иной, но не русской) художественной/песенной традиции (вопреки усилиям имперских оккупантов).

Характерным примером можно назвать дифирамбы в адрес канадской певицы украинского происхождения Квитки Цырик, ставшие своего рода рекуррентным мемом во многих русскоязычных Интернет-сообществах, посвященных выдающимся женщинам (не обязательно феминистической направленности). Не владевшую русским/украинским языком и никогда не бывавшую на Украине певицу превозносят как единственную хранительницу аутентичной украинской песенной традиции.

С началом активной фазы боевых действий на Донбассе к рассмотренным ролевым моделям прибавились такие модели как

4. Жена / мать / подруга солдата АТО, вдохновляющая на подвиги;
5. Активистка, сборщица гуманитарной помощи для военных АТО.

Проведенный анализ показывает, что ценности и поведенческие стандарты ролевых моделей создаются из довольно разнородного набора и часто противоречат друг другу. Однако общей базой для этого набора «идеологических фишек» являются антирусские и антиимперские лозунги. Любая поведенческая модель признается легитимной постольку поскольку она вступает в противоречие с вражеской идеологией и отличается от обычаев врага в украинской рецепции.

Таким образом, флешмоб #янебоюсьсказать, заявленный как способ привлечь внимание к проблемам женщин, оказывается на поверку средством антирусской пропаганды. В ходе этого флешмоба целевую (преимущественно женскую) аудиторию подталкивают к мысли о неполноценности советской/русской идентичности, обуславливающей высокий уровень насилия против женщин. Эта манипуляция, направленная на женщин и сочувствующих идеям женского равноправия мужчин, служит подкреплением прямой антирусской пропаганды, которую ведут украинские СМИ, обращенные к широкой аудитории. Выбранная стратегия субъекта информационно-коммуникационного пространства приводит к легитимации насилия по отношению к ущемляемой в правах этнокультурной группе – русским Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Studena [Электронный ресурс] // Некоммерческая общественная организация. – Режим доступа: <https://studena.org/projects>
2. Все о феминизме [Электронный ресурс] // Сообщество живого журнала. – Режим доступа: <https://feministki.livejournal.com>
3. Замкнутый круг насилия [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 11.07.2019. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/30049975.html>
4. Ищенко Н. С. Дегуманизация русских Украины интернет-сообществом «Фофудья» в предвоенный период / Н. С. Ищенко // Вестник Тюменского государственного института культуры: науч. журн. / Тюменский государственный институт культуры ; гл. ред. И. Н. Омельченко, зам. гл. ред. А. Я. Крицкий ; науч. ред. В. И. Семёнова. – Тюмень. : РИЦ ТГИК, 2019. – № 02(12). – С. 51–54.
5. Киселев М. Ю. Страх и стигма: о социально-психологических механизмах стигматизации больных СПИДом и жертв радиационных катастроф / М. Ю. Киселев // Психол. журн. – 1999. – № 4. – С. 40–47.
6. Книги, рекомендуемые феминистками [Электронный ресурс] // Сообщество живого журнала. – Режим доступа: <https://fem-books.livejournal.com/>
7. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. N 1618-р г. Портал правовой информации. Москва. 29.08.2014. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье [Электронный ресурс] // ТАСС. 7.02.2017. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4003789>
9. Смирнова, Ю. С. Типы стигматизирующих установок / Ю. С. Смирнова // Философия и социальные науки. – Т. 3. – 2010. – С. 45–49.

Поступила в редакцию 14.11.2020 г.

**LEGITIMATION OF VIOLENCE AGAINST RUSSIANS OF UKRAINE WITHIN THE
FRAMEWORK OF THE FLASHMOB #IMNOTAFRAIDTOSAY: THE WORLDVIEW ASPECT**

N.S. Ishchenko, N.Y. Pakhmutova

The paper focuses on the analysis of one of the strategies implemented in modern Ukraine in order to legitimize ethnic violence, namely the violence against the people with Russian identity. The strategy implies the use of feminist discourse to impose certain role models for the purposes of anti-Russian propaganda. The flash mob #imnotafraidtosay (conceptually similar to the Western flash mob #metoo) was launched in the Cyrillic sector of the Internet in 2016 by Anastasia Melnichenko. The paper analyzes five role models offered to the Russian-speaking female audience of the flash mob both in Ukraine and Russia. The models are supposed to boost the destruction of Russian cultural identity and the stigmatization of Russians in Ukraine.

Key words: identity, Ukraine, stigmatization, Russians of Ukraine, role models, feminism.

Ищенко Нина Сергеевна

Кандидат философских наук,
Доцент кафедры музыкального искусства эстрады,
Луганская государственная академия культуры и
искусств имени М. Матусовского.
E-mail: niofterna@gmail.com

Ishchenko Nina Sergeevna

Ph.D in Philosophy, Associate Professor of the
Department of Musical Art of Estrade,
Lugansk State Academy of Culture and Arts named
after M. Matusovsky.
E-mail: niofterna@gmail.com

Пакмутова Надежда Юрьевна

аспирант кафедры теоретической и прикладной
лингвистики филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова».
E-mail: animamilitis@gmail.com

Pakhmutova Nadezda Yurievna

Graduate student,
Department of Theoretical and
Applied Linguistics of
Lomonosov Moscow State University.
E-mail: animamilitis@gmail.com

УДК 1: 316

ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАКТОВОК ТЕРМИНА «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

© 2020. *А.Б. Клименко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена различным подходам к пониманию термина «идентичность» в контексте интеллектуального наследия западной философии. Рассмотрены особенности трактовки идентичности в социальной философии, философии сознания и эпистемологии. Сделан вывод о том, что формирование интегративного философского подхода, объединяющего различные точки зрения на базе единой концептуальной основы обеспечит эффективный базис для эмпирических исследований феномена идентичности.

Ключевые слова: философия, идентичность, сознание, бытие.

Проблема идентичности имеет достаточно богатую традицию исследования в области философии. При этом традиция западной философии обращается к очень разным значениям данного термина, которые следует различать, чтобы избежать недоразумений, а также для уточнения ключевых значений идентичности. Такие важнейшие аспекты философских концепций идентичности как сингулярность, индивидуальность или самоидентичность, могут значительно оптимизировать и структурировать продолжающуюся дискуссию об идентичности в психологии, психоанализе, а также нейропсихологии и нейрофилософии. Как в философском, так и в психологическом контекстах вопросы идентичности возникают в связи с потребностью адаптации личности в мире, где гибкость рассматривается как достоинство, а ускоряющиеся изменения пронизывают общество в социально-профессиональной и личной сферах. Таким образом, помимо одного из фундаментальных вопросов «Кем я хочу быть, каким человеком?» человек стремится ответить на вопрос «Почему я чувствую себя одним и тем же человеком на протяжении всей своей жизни, хотя многие и очень важные вещи изменились и будут меняться – например, мой возраст и жизненные циклы, семейное положение, моя дружба, род занятий, место жительства, политическая активность, религиозные убеждения и социальные ценности?»

Концепция идентичности, которой посвящена данная статья, требует детального философского анализа, прежде всего, с целью выявления базовых различий в трансформации значений термина «идентичность» на протяжении всей истории развития философских взглядов.

В философии идентичность – это всегда предикат, который выступает в роли идентификатора, отличающего один объект от другого. Таким образом, идентичность в этом смысле фокусируется на уникальности рассматриваемого объекта. Платон впервые провел различие между глаголом «быть» как связкой во фразе и идентифицирующим «быть». Аристотель указывал на идентичность как эквивалентность идентификатора, определяющего объект как личность. Проблема идентичности трансформировалась в проблему сущности на протяжении всей истории философии в попытках определить принцип индивидуации. Лейбниц в его «Рассуждениях о метафизике» [1, с. 308] выразил этот принцип в виде математического

закона. Он утверждает, что нет двух разных вещей, которые абсолютно точно похожи друг на друга; в противном случае они были бы «неразличимы», а значит, представляли бы одно целое. Другими словами, две вещи неотличимы друг от друга и, фактически, представляют одну вещь, если все, что может быть сказано об одной вещи, можно сказать и о другой. Таким образом, они становятся заменяемым эквивалентом в любом другом возможном контексте и при любых других условиях.

Одно из значений термина «идентичность» восходит к греческому термину *“atomon”*. *“Atomon”* означает «неделимый» в первичном этимологическом смысле; идентичность в смысле индивидуальности – это уже вторичный смысл. Тем не менее, «индивидуальность» стала первой темой философского дискурса об идентичности. В этом подходе коренится убеждение в невыразимости и непознаваемости личности. Ничего нельзя сказать об индивидууме, кроме «этого» (*“tode ti”* по-гречески), что означает то, что мы можем идентифицировать человека, только указав на него. Вклад Г. Лейбница в разработку данного подхода к идентичности заключается в его теории монад, в попытке определить идентичность индивидов путем полного перечисления их качеств [2, с. 235]. Индивидуальность единичного объекта нелегко поддается описанию в его эмпирических измерениях. «Я» как единичный объект не может быть охарактеризовано полным перечислением его характеристик, но приводит к утверждениям о локализации в пространстве и времени.

И. Кант утверждал, что индивида нельзя определить в терминах субстанциональной концепции, как это пытается сделать Г. Лейбниц. Люди в первую очередь являются данными в восприятии, привязанными к пространству и времени объектами. «Идентичность», в отличие от «бытия», является термином не онтологии, а эпистемологии. И. Кант хотел приписать идентичность априорному и необходимому единству объекта с самим собой. В контексте рассуждений о трансцендентном Эго он сформулировал следующий принцип: осознавая себя как мыслящих субъектов, мы знаем, что субъект представляет собой единое и уникальное целое («одно и то же») во всех его вариантах восприятия [3, с. 131]. Кантовское чувство идентичности является исключительно частью сознания Эго, которое можно рассматривать как связь с англосаксонской традицией эмпиризма, представленного Т. Гоббсом, Дж. Локком и Д. Юмом.

Когда индивиды идентифицируются как единичные сущности из-за их пространственно-временной локализации, как того требует эмпиризм, возникает новая проблема: если мы будем идентифицировать индивида по его пространственно-временной локализации, тем самым указывая на его абсолютную уникальность, то будет невозможно распознать индивида как самотождественного в разное время и в разных точках пространства. Дж. Локк связывал человеческое «Я» с памятью и, подчеркивая этот тезис, утверждал, что к человеку можно обращаться как к одному и тому же лицу, если он способен помнить свои предыдущие состояния сознания [4, с. 29]. Если человек ничего не помнит из своего прошлого, он буквально «теряет личность» [5, с. 71]. Количественная идентификация должна дополняться качественной идентификацией, особенно когда речь идет об отдельных личностях [6].

Идентичность, заключенная в ответе на вопрос «Кто это?» носит количественный характер. Для более точной качественной идентификации этот вопрос трансформируется в другой вопрос: «Каким человеком я являюсь и хочу ли я им быть?» Таким образом, идентификация – это вопрос классификации чего-то или кого-то как чего-то соответственно кого-то. Или, говоря технически, как это делает философия языка, классифицирует индивидуальный монолог путем присвоения ему типа (принадлежности к

той или иной концепции). Это и есть обычная интерпретация идентичности в социальных науках. По сути, это форма качественной идентичности, которая определяется концептуальными и существенными свойствами. Мы описываем кого-либо в соответствии с конкретными социальными ролями, которые он или она принимает на себя или отказывается принимать в своей жизненной практике, опираясь на идеалы и ценности, а также в зависимости от конкретных привычек, способностей, навыков и индивидуального опыта [7]. Вопрос о том, является ли эта качественная идентичность только вопросом взгляда на человека с точки зрения социальной роли, широко обсуждается: в то время как Э. Гоффман [8], например, утверждает, что идентичность «Я» – это только вопрос внутренней психической жизни. В рефлексивной перспективе субъекта немецкий философ Э. Тугендхат [6] подчеркивает, что идентификация по социальным ролям предполагает приверженность индивида этим ролям и, следовательно, зависит от внутреннего взгляда на человека с его индивидуальной точки зрения.

Кроме того, трактовка идентичности в значительной степени зависит от эпистемологического интереса того или иного исследователя. Рассматривая индивида в аспекте его качественной идентичности с теоретической точки зрения как объективную данность данное, не представляет особого интереса то, в какой форме и степени этот индивид привержен приписываемым ему качествам. В то время как с практической философской точки зрения решающее значение имеет внутреннее отношение человека к объективным социальным ролям. Второй подход – это уже вопрос самоидентификации: «Каким человеком я хочу быть?».

Недостающее звено между этими двумя подходами к качественной идентичности индивида становится очевидным, когда мы спрашиваем, может ли индивид, детерминированный социальными ролями, принимать эти роли в различных социальных ситуациях, не теряя при этом своей идентичности. Такой подход фокусируется не на аспекте отличия «Я» от других, а на том, что «Я» индивида не отлично от самого себя. Это аспект самотождества и постоянства [2, с. 251]. Идентичность в этом смысле направлена на компетенции и способности человека общаться, взаимодействовать, а также интегрировать и синтезировать различные эмоциональные состояния, социальные роли, ценности, убеждения, групповую идентификацию и т.д. Речь идет, фактически, о способности личности поддерживать внутреннюю согласованность и непрерывность.

Термин «идентичность» выражает как постоянное внутреннее тождество индивида (самотождество), так и постоянное разделение с другими. В какой-то момент индивид ощущает свою идентичность вполне осознанно; в другом случае – идентичность выражается в бессознательном стремлении к преемственности личного характера; в третьем варианте она ощущается как средство поддержания внутренней солидарности с идеалами и идентичностью группы [9, с. 110].

Термин «идентичность эго», таким образом, означает не субстанцию или абсолютную сущность, независимую от взаимодействия, а, скорее, способность к внутренней согласованности эмоциональных и когнитивных состояний и взаимодействию в социальных ситуациях, а также внутреннюю непрерывность во времени. П. Рикёр внес тонкое различие в данную дискуссию, выделив аспект самотождественности [10]. Идентичность в смысле самотождественности – это не фиксированный результат процесса развития, а сам динамический процесс непрерывной интеграции, создающий непрерывность в устойчивом самосознании в пространстве и времени. Это значение термина «идентичность» связано с морально-философским контекстом автономии и самоопределения в процессе принятия решений.

Идентичность в смысле постоянства во времени может быть реализована как усилие и результат, направленные на создание единства автобиографического «Я». Интеграция различных и часто конфликтующих ролевых идентификаций означает их постоянное преобразование в бесконфликтную или менее конфликтную сущность, составляющая уникальную автобиографическую историю индивидуальной жизни. Термин «нарративное Я» или «нарративная идентичность» подчеркивает эту идентичность более высокого уровня в том смысле, что «Я» непрерывно во времени и в различных условиях, и что человек способен построить связное повествование или историю жизни, чтобы интегрировать свою личность. Нарративная идентичность всегда артикулируется посредством концепций и практик, доступных в культурных нарративах, то есть «религией, обществом, школой и государством, опосредованными семьей, авторитетными лицами, сверстниками, друзьями» [10, с. 20]. Таким образом, в отличие от парадигмы когнитивных репрезентаций, нарративный подход влечет за собой сдвиг к парадигме социального конструирования, в которой «Я» в своей идентичности и, особенно в своем моральном развитии, сфокусировано с точки зрения интерсубъективности.

Многочисленные попытки определить качественную идентичность человека с помощью личностных критериев, таких как телесная идентичность, память и психологическая непрерывность, связаны со многими дискуссиями в рамках западной философии. Поиск таких критериев философами-аналитиками осуществляется с точки зрения третьего лица, которое фокусируется на людях как объектах или фактах в мире). Однако личность в аспекте своей идентичности не есть неким качеством, принадлежащим владельцу, таким, например, как голубые глаза или импульсивность. Нельзя не учитывать точку зрения от первого лица: «Ответ на вопрос «кто я?» – это не факт обо мне, но должен быть сформулирован в терминах от первого лица: «Откуда я пришел и чем занимаюсь?». В ответ на это следует повествование. Акцент на перспективе в рассказе от первого лица в феноменологии самости стал одной из важнейших тем недавних дебатов о самости в нейробиологии, психиатрии и психологии [11]. При этом история термина «идентичность» в психологической науке относительно коротка по сравнению с ее историей в философии. В то время как термины «идентичность» или «нарушение идентичности» почти не используются З. Фрейдом, они стали стержневой конструкцией в психоаналитических и психодинамических теориях середины XX в.

В конце XIX в. философ и психолог У. Джеймс [12] провел принципиальное различие между двумя аспектами идентичности. Социология, социально-когнитивные науки, а также психоанализ в различных вариантах использования терминов «идентичность», «самооценка» и «ментальная репрезентация» используют это различие: «Я», представляющее постоянство и непрерывность личности через изменяющееся разнообразие опыта составляет идентичность во времени и связано с тем, как индивид видит историю своего прошлого (повествовательная самореференция), самость, рассматриваемую как объект восприятия и рефлексии. «Я», действующее в сознании переживаний, напротив, рассматривается как неотъемлемая часть сознания, как самосознание (предрефлексивное самосознание, «феноменальное» или «минимальное «Я»).

Г. Х. Мид [13], обращаясь к этому ключевому различию, сосредоточил внимание на интерактивном и социальном аспектах «Я» как части личности, которая имеет дело с обществом, то есть с социальными ролями и групповыми идентификациями, возникающими в результате переживаемого взаимодействия с другими «Я».

С интеракционистской точки зрения идентичность индивидов рассматривается как нуждающаяся в социальном признании и строится на убеждении, что люди – это глубоко социальные существа.

Э. Эриксон, который изначально сделал термин «идентичность» центральным понятием в своей работе по психоаналитической теории характера, обратился к работам У. Джеймса, подчеркнув важность «сознательного чувства индивидуальной уникальности», «Я» в его спонтанном, самоочевидном знакомстве с самим собой, соответствующем «бессознательному стремлению к непрерывности опыта» [14, с. 208]. Э. Эриксон провел различие между «кризисом идентичности» и «расширением идентичности», когда подросток переживает эмоциональный срыв и конфликты в межличностных отношениях из-за профессионального выбора и конкуренции, и становится все более зависимым от усиленной психологической поддержки.

Последователь Э. Эриксона Дж. Ф. Марсия в своей концепции четырех статусов идентичности (достижение, мораторий, лишение права выкупа, расширение идентичности) сосредоточил внимание на вопросе социальной адаптации в процессе формирования идентичности.

Таким образом, говоря о термине «идентичность», следует учитывать различные уровни описания данного феномена и различные методологические подходы к его исследованию. С философской позиции важно осознать комплексный характер различных точек зрения в их конвергенции, в расхождении и несовместимости. В различных разделах философского знания акцент сделан на различные аспекты идентичности: 1) в феноменологии акцент делается на сущности, содержании и ментальном состоянии идентичности как самости, неявно или непосредственно переживаемой в сознании; 2) в философии сознания упор делается на логической связи идентичности и знаний о разуме, а также разрабатываются модели того, как работает разум, в качестве основы для дальнейших эмпирических исследований в отношении идентичности, в частности, с точки зрения самоотношения и самоспецифичности; 3) в социальной философии, а также в социальной психологии и в психологии личности исследуется то, как люди относятся к себе самим, с их различными ролями в обществе и при взаимодействии этих ролей.

Выработка интегративного философского подхода, объединяющего различные точки зрения на базе единой концептуальной основы обеспечит эффективный базис для эмпирических исследований феномена идентичности, которые могут проводиться как в отдельных научных отраслях, так и носить мультидисциплинарный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейбниц Г.В. Монадология / Г.В. Лейбниц. – М.: Рипол-Классик, 2018. – 200 с. – (Liberarium).
2. Angehrn E. Geschichte und Identität / E. Angehrn. – Berlin: Walter de Gruyter; 1995. – 306 s.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Азбука, 2018. – 768 с. – (Азбука-классика).
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк // Избранные философские произведения в 2 томах. – Т. 1 – С. 252–298.
5. Kihlstrom J.F. In: Handbook of self and identity / J.F. Kihlstrom, J.S. Beer, S.B. Klein. – New York: Guilford; 2003. – P. 68–90.
6. Tugendhat E. Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung / E. Tugendhat. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. – 304 p.
7. Straub J. Identitätstheorie im Übergang? / J. Straub // Soziologische Literatur Rundschau. – 1991. – No. 23. – S. 56–57.
8. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity / E. Goffman. – New Jersey: Prentice-Hall, 1993. – 256 p.
9. Erikson E.H. Identity and the cycle of life / E.H. Erikson. – New York: Norton & Co., 1980. – 256 p.

10. Рикёр П. Я сам как другой / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
11. Kircher D., David A. The self in neuroscience and psychiatry / D. Kircher, A. David. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 286 p.
12. Джеймс У. Психология / У. Джеймс. – М.: Рипол-Классик, 2018. – 616 с. – (PSYCHE).
13. Mead G.H. Mind, self, and society / G.H. Mead. – Chicago: University Press of Chicago, 1994. – 368 p.
14. Эриксон Э.Г. Идентичность. Юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.

Поступила в редакцию 18.11.2020 г.

VARIABILITY OF INTERPRETATIONS OF THE TERM “IDENTITY” IN WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION

A.B. Klimenko

The article is devoted to various approaches to understanding the term “identity” in the context of the intellectual heritage of Western philosophy. The features of the interpretation of identity in social philosophy, philosophy of consciousness and epistemology have been considered. It has been concluded that the formation of an integrative philosophical approach that unites different points of view on the basis of a single conceptual framework will provide an effective basis for empirical studies of the phenomenon of identity.

Key words: philosophy, identity, mind, being.

Клименко Алексей Борисович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: Aleks_klim09@bk.ru

Klimenko Aleksey Borisovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: Aleks_klim09@bk.ru

УДК 101.1+316.3+94.3

ИГЕЙАСОФИЯ КАК НОВЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕРМИН: PRO ET CONTRA

© 2020. Р.А. Пидлубный

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию философских оснований здоровья как важнейшей социокультурной ценности. В частности, в статье рассматривается введение в философский дискурс о здоровье человека нового термина – «игейасофия», позволяющего более точно исследовать сущность проблемы, устранить разночтения при разработке философско-методологических оснований формирования концепции здоровья как планетарной, социумной и личностной задачи современности, усовершенствовать методологию философского познания.

Ключевые слова: здоровье, человек, философия, наука, аксиология, духовность, нравственность, болезнь, образ жизни, игейасофия.

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью в разработке принципов и механизмов системности в обеспечении здоровья человека, в разработке философско-методологических оснований формирования концепции здоровья как планетарной, социумной и личностной задачи современности. А это, в свою очередь невозможно без устранения разночтений при рассмотрении философских взглядов на сущность здоровья. Также данный процесс невозможен без построения единой терминологической базы. Здоровье – одна из наиболее значимых философских, социальных и духовных категорий. Её значение, так же, как и отношение к самому феномену здоровья, менялось на протяжении всей истории человечества. Поэтому так важно привести все многообразие концептуального рассмотрения данной сферы к единым, в том числе терминологическим основаниям.

Целью данной статьи является обоснование введения нового философского термина «игейасофия» в современный философский дискурс. Во-первых, для приведения различных сущностных характеристик, проявляющихся при рассмотрении сущности здоровья в различных сферах к единым основаниям. Во-вторых, для удобства использования в качестве инструментария в ходе разнообразных философских студий и рефлексий. В данной статье автор рассматривает различные доводы как «за», так «против» введения нового философского термина.

Теоретическими источниками для написания данной работы выступили труды как античных, так и современных авторов. Среди последних следует особо подчеркнуть значение работы С.А. Нижникова [1]. Одной из наиболее комплексных работ по истории философии, использованной в статье, является многотомное издание Дарио. Антисери и Джованни Реале «История западной философии от истоков до наших дней» [11; 12; 13]. Также в работе были использованы статьи ряда современных авторов, проводивших философские студии на тему исследования философского языка античного периода [7; 9; 10].

Таким образом, анализ теоретических источников позволяет говорить о том, что проблема здоровья как общественной ценности, в исторической перспективе, является достаточно актуальной и различные ее аспекты были рассмотрены многими авторами. В то же время аксиология здоровья является настолько неисчерпаемой и многоаспектной проблемой, что заставляет вновь и вновь обращаться к ее теоретическому осмыслению на новом философско-мировоззренческом уровне, что, конечно, невозможно, без опоры на уже имеющийся опыт в данной сфере.

Проводя студии в рамках диссертационного исследования «Здоровье как общественная ценность: социально-философский анализ», автор столкнулся с поразительной ситуацией. Здоровье выступает в философской науке как объект философской рефлексии достаточно давно - еще со времен Древнего Египта (то есть с конца IV–III тыс. до н.э). Хотя говорить о существовании философской науки в этот период справедливо лишь как о существующей в форме предфилософии. Фактически, же как объект четкой философской рефлексии, здоровье выступает уже в древнеиндийский период и период досократиков. В дальнейшем философское рассмотрение проблематики здоровья красной нитью проходит через всю дальнейшую историю развития философской мысли, заканчивая периодом современности. Более подробно об этом указывается в предыдущих работах автора [4; 5; 6].

С одной стороны, здоровье является специальной философской категорией, в которой отражены индивидуальные, социальные и рефлексивные его стороны.

С другой стороны, здоровье, рассматривается многими науками в качестве своего собственного как объекта, так и предмета исследования. Также при рассмотрении здоровья, особенно в последнее время, часто используется междисциплинарный подход.

О сущности здоровья написано тысячи статей, сотни книг, как в рамках собственно философской науки, так и других наук. Одним из наиболее сущностных определений здоровья является определение данное ВОЗ, которое подчеркивает его тройственную сущность – «здоровье» определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов».

При рассмотрении сущности здоровья в рамках различных наук выделяют шесть подходов – функционально-нормативный, динамически-равновесный, социальный, адаптационный, оптимальный, гармонический подходы. Также существуют четыре концептуальные модели определения понятия здоровья – медицинская, биомедицинская, биосоциальная, ценностно-социальная модели здоровья.

В рамках собственно философской науки при рассмотрении социально сущности здоровья выделяется три подхода – плюралистический, гносеологический и поведенческо-целевой [4, с. 52-53].

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что рассмотрение вопроса о сущности здоровья давным-давно переросло узкие рамки, присущие отдельным наукам и совершенно справедливо говорить о философии здоровья как об отдельной сфере философской рефлексии.

Парадокс, с которым столкнулся автор, состоит в том, что при всей широте рассмотрения предмета, фактического наличия уже собственной сферы философской рефлексии, наличия собственного терминологического аппарата отдельного философского термина для данной сферы не выработано.

Решить данную проблему, которая стоит во всей полноте уже довольно продолжительный период, в свое время, пытались разными способами.

С одной стороны, еще в древнегреческий период, мы наблюдаем выделение предмета рассмотрения в отдельную сферу философского знания – рассмотрение понятия здоровья в контексте антропологических воззрений. Такое рассмотрение было включено в целостную картину мира и человека. Что в более поздний период привело к созданию отдельной философской науки – философской антропологии.

Присущие античной философской мысли принципы калокагатии, арете и пайдеи проявляются в интерпретации здоровья как сплава телесного и духовно-нравственного

совершенства. Аристотель утверждал, что здоровье есть форма человеческого тела и предостерегал от пороков души, ведущих к нарушениям здоровья [5, с. 91–92].

В период Средневековья христианское мировоззрение строилось на принципах теоцентризма. В этом мировоззрении трансцендентный Дух Божий рассматривается как источник совершенства и здоровья во всех аспектах, а вера становится ключевым механизмом достижения здоровья через спасение души. Христианский радикализм в духовном представлении о здоровье сопровождается забвением телесных потребностей человека, аскезой, нигилизмом ко всему чувственному, телесному [6, с. 85–86].

В философии Нового времени возникает механистическое представление о человеке, что сформировало иное понимание здоровья [6, с. 91].

Так, Ж. де Ламетри в работе «Человек – машина» описывает сложные процессы в человеческом организме как основу его состояния здоровья или болезни. Здоровье как естественное состояние определяется нормальным течением описанных процессов. Это создало основания для нормоцентрической концепции здоровья.

Здоровье, однако, являясь одной из существенных характеристик человека, не сводимо целиком к его сущности. Поэтому такая попытка изначально была обречена на неудачу.

С другой стороны, таким способом было рассмотрено философской сущности здоровья с позиции других наук, сферы которых близки рассматриваемой проблематике, – медицины, биологии, психологии. Однако и такой способ рассмотрения также обречен на неудачу в силу узости и специализации поля данных наук, применительно к философской сущности здоровья.

Как пример приведем медицину. Основой медицинского дискурса о здоровье остается противопоставление здоровья болезни, признание возможности достижения здоровья через устранение болезни. При этом совершенно упущен из виду философский принцип единства и борьбы противоположностей. Согласно которому справедливо воспринимать не столько антитезис здоровье-болезнь, сколько их синтез. Таким образом, медицина возникла и развивалась преимущественно как область знания о болезни. Практика врачевания развивалась под страхом болезни, боязни недугов, подстерегающих на каждом шагу любого человека.

Интересы научной медицины были смещены со здоровья в сторону изучения многочисленных патологий и способов их преодоления.

Одной из последних таких попыток было создание валеологии, как науки претендующей на звание всеобщей теории здоровья. Данная наука претендовала на рассмотрение сущности здоровья с междисциплинарных позиций [2, с. 110]. Ее теоретический раздел - валеософия, также является претендентом на звание философии здоровья, как раздела, рассматривающего существенные характеристики, общие причины и закономерности здоровья.

С научной точки зрения, такой термин как валеософия представляет собой некий синкретический конструкт, составленный из двух слов разных языков – латинского слова. Valeo-что означает «быть сильным» (либо «здоровствовать»), (которое выражено в глагольной форме, а не в форме существительного) и греческого σοφία – обозначающего «мудрость» [3, с. 9]. В силу своей синкретичности сам термин является несколько неудачным, и в сущности несет коннотацию «знание о том, как быть здоровым». Иными словами – делай это и вот это, и будешь здоров. Что подразумевает скорее практические действия, нежели философские рефлексии.

Уже сам по себе такой термин представляется дискретным (состоящим из слов, взятых из двух разных языков), в силу своей синкретической сущности, а потому

неудачным. При этом при прочтении самого термина, возможны разночтения, о чем было указано выше. С другой стороны, стремление валеологии к построению интегральной теории здоровья наталкивается на недостижимость единых мировоззренческих представлений о природе мира (материальность или духовность) и сущности человека

Автору представляется что более удачным решением данной терминологической проблемы может послужить введение в оборот философских наук нового философского термина «игейасофия» для обозначения философии здоровья как отдельной сферы философской рефлексии. Термин Υγείασοφία состоит из двух слов древнегреческого языка - от др.гр σοφία знание, мудрость + υγεία – «здоровье». Такое сочетание лишено внутреннего терминологического противоречия, присущего термину валеософия именно в силу грамматического единства.

Проанализируем введение данного термина с помощью рассмотрения его с позиции «за» и «против».

Pro:

1. Никакая наука, в том числе философская немислима без определений и классификаций. При этом новый вводимый термин должен уточнять и прояснять ранее существующие понятия, которыми оперируют в научном поле. Этим условиям термин игейасофия вполне соответствует.

2. Термин «философия здоровья» довольно таки громоздок, особенно для постоянного оперирования в рамках философских студий. Более того он является не только громоздким для использования, но и очень размыто очерчивает сферу философских рефлексий. Так как точно не понятно, о чем же конкретно идет речь. Поэтому введение нового термина будет способствовать упрощению философских рефлексий касательно предмета. Применение данного термина также будет способствовать большему уточнению (более конкретному очерчиванию) сферы философской рефлексии применительно к какому-то конкретному предмету или объекту. Так, к примеру, справедливо говорить о медицинской игеасофии, спортивной игеасофии, игеасофии труда, игеасофии человека, игеасофии животных и т.д.

3. Вводя новый термин «игейасофия», мы нормализуем и оптимизируем его использование в рамках существующего философского языка. «Нормализация имеет две стороны — унификацию, направленную на упорядочение содержания терминов, и оптимизацию, целью которой является выбор оптимальной формы терминов. Унификация призвана обеспечить однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой: одному понятию в данной терминосистеме должен соответствовать только один термин и наоборот. При этом правильно построенная терминосистема должна наглядно отражать систему научных понятий с их связями. Поэтому основная задача оптимизации — поиск удобной в использовании компактной формы терминов, в которой непосредственно или косвенным образом были бы отражены основные классификационные признаки называемого им понятия» [6, с. 16].

4. Введение термина именно в такой форме, которая использует древнегреческую философскую терминологию и лексику, является традиционным путем для философских наук, начиная с древнегреческого периода. [8; 10] «...всякое создание научной и философской терминологии является в определенном смысле реформой обыденного языка, и можно считать, что сама греческая философия была такой лингвореформаторской деятельностью.» [9, с. 359].

5. Фактически данный термин уже используется в индийской философской традиции, естественно в своей санскритской форме – «Аюрведа» для описания

всеобщих закономерностей и существенных характеристик здоровья [14, с. 11]. Поэтому введение данного термина в сущности не является новым для философской науки, но является приведением разночтений, присущих различным философским традициям к единой терминологической базе.

6. Использование именно данных слов, составляющих термин «игейасофия», является, в сущности, логическим продолжением, если угодно, возрождением их терминологического использования, т.к. именно слово «игейя» еще со времен досократиков использовалось для обозначения здоровья. А в сфере медицины, в форме игиена, гигиена, используется до сих пор. Также, и понятие «софия» является традиционным в философской науке для обозначения некоей сферы размышления. В свою очередь, не может быть использован термин игейалогия, т.к. данное понятие традиционно используется для обозначения новой науки, а игейасофия таковой не является. [7, с. 301].

Contra:

1. Термин «философия здоровья» используется в других науках и областях философского знания. Он довольно хорошо зарекомендовал себя в качестве инструмента философской и иных рефлексий. Поэтому, нет необходимости во введении какого-то нового специфического термина. Однако, как отмечалось выше, при всем при этом он обладает рядом недостатков, а именно, 1) он довольно громоздок, особенно для постоянного оперирования, 2) обладает достаточно широкими рамками понимания, поэтому приходится постоянно уточнять его коннотацию.

2. Поскольку существует готовый термин «Аюрведа» в рамках индийской философии, то нет необходимости во введении нового, во многом синонимичного ему термина. Однако данный термин с одной стороны, присущ довольно таки узкой философской традиции – индийской. С другой стороны, даже в самой индийской философской традиции значение данного термина достаточно размыто, и, применительно скорее к индийской традиционной медицине, нежели к традиционной сфере философского знания.

3. Термин «валеология» (валеософия) достаточно хорошо себя зарекомендовал в качестве инструмента философской рефлексии. Поэтому нет необходимости во введении нового специального термина. Выше автор уже указал все недостатки применения данного термина для философских наук, поэтому при рассмотрении этого пункта нет необходимости повторяться.

4. Введение нового термина может привести к некоторой терминологической запутанности, особенно внутри научного сообщества. Как уже отмечалось выше, поскольку наука не стоит на месте и постоянно требует для своего развития уточнения существующих прежде понятий, отбрасывания устаревших и введения новых терминов, в этом и заключается научная деятельность. Поэтому, если введение нового термина будет одобрено научным сообществом, такой понятийной путаницы можно будет избежать.

Таким образом, практически все доводы, которые можно привести против введения нового философского термина фактически ничтожны. Они опровергаются путем простых аналитических выводов. С другой стороны, мы видим, что все доводы за введение нового философского термина достаточно существенны. Поэтому можно сказать, что использование слова игейасофия, в качестве более точного, емкого термина для определения такой области философского знания, как философия здоровья при проведении всевозможных студий и философских рефлексий в рамках научного дискурса можно признать целесообразным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нижников С.А. Пути обретения здоровья и мировоззрение / С.А. Нижников // *Философия здоровья*. – М.: РАН, 2001. – С. 5–24.
2. Фесенкова Л. В. Мировоззренческий и научный статус валеологии (к проблеме построения общей теории здоровья) / Л. В. Фесенкова, А. Т. Шаталов // *Философия здоровья*. – М.: РАН, 2001. – С. 110–128.
3. Валеология: учебник для вузов / Э.Н. Вайнер. –10-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 448 с.
4. Пидлубный Р.А. Философский подход к проблеме охраны здоровья жителей Донбасса в контексте гуманитарного регионоведения/ Р.А. Пидлубный // *Гуманитарное регионоведение: коллективная монография* / под ред. Е. В. Андриенко. – Донецк: Издательство ООО НПП «Фолиант», 2019. – 204 с. – С. 49–59.
5. Пидлубный Р.А. Здоровье человека: эволюция социально-философских идей Античности / Р.А. Пидлубный // *Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки*. – 2019. – № 1. – С. 87–95.
6. Пидлубный Р.А. Здоровье человека: эволюция социально-философских идей от периода Средневековья и до Нового времени / Р.А. Пидлубный // *Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки*. – 2019. – № 2. – С. 82–92.
7. Шиян А. А. Язык философии: традиция и новации / А.А. Шиян, Т.А. Шиян // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология»*. – 2011. – № 15 (76)/11 – С. 300–306.
8. Гринев-Гриневич С. В Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневич. – М. Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
9. Лебедев А.В. Греческая философия как реформа языка / А.В. Лебедев // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2009. – № XIII. – С. 359–368.
10. Янзина Э.В. К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии / Э.В. Янзина, О. В. Корнеев // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – СПб.: Наука, 2015. – № XIX – С. 1034–1050.
11. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье / Антисери Д., Реале Дж. / [пер. с итал., ред. С. А. Мальцевой]. – СПб.: Пневма, 2003. – 688 с.
12. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / Антисери Д., Реале Дж. / [пер. с итал., ред. С. А. Мальцевой]. – СПб.: Пневма, 2003. – 880 с.
13. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней / Антисери Д., Реале Дж. / [пер. с итал., ред. С. А. Мальцевой]. – СПб.: Пневма, 2003. – 880 с.
14. Свобода Роберт Пракрити. Ваша аюрведическая конституция / Роберт Свобода / [пер. с англ.], пятое издание. — М.: Саттва 2007. – 304 с.

Поступила в редакцию 29.11.2020 г.

IGEYASOPHY AS A NEW PHILOSOPHICAL TERM: PRO ET CONTRA

R.A. Pidlubnyi

The article is devoted to research of the philosophical foundations of health as the most important socio-cultural value. In particular, the article deals with the introduction of a new term into the philosophical discourse about human health – “ige yasophy” which allows us to more accurately investigate the essence of the problem, eliminate discrepancies in the development of philosophical and methodological foundations for the formation of the concept of health as a planetary, social and personal task of our time, and improve the methodology of philosophical knowledge.

Key words: health, man, philosophy, science, axiology, spirituality, morality, disease, lifestyle, ige yasophy.

Пидлубный Роман Анатольевич
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: hrabr@yandex.ru

Pidlubnyi Roman Anatolievich
Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: hrabr@yandex.ru

УДК 111

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ© 2020. *И.С. Половинкина**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье анализируется понятие «возможные миры», а также сложности его семантической интерпретации. Установлено, что возможные миры являются сложным комплексом еще не систематизированных и порой противоречивых конструктов с неопределенным экстенциональным статусом. Первым этапом на пути к пониманию сути возможных миров является фиксация однозначного определения данной категории, включающего совокупность присущих возможным мирам существенных признаков и функций.

Ключевые слова: возможный мир, вероятность, семантика.

Концепция возможных миров провоцирует научные дискуссии не первое десятилетие. Следует отметить, что возможные миры (далее – W) являются крайне сложным объектом, а понятие « W » – дискуссионной категорией. Ученые и философы, дискутирующие о природе и семантике W , нередко противоречат друг другу и приходят к взаимоисключающим выводам. Это открывает перспективы для исследования сущности W в различных программах.

Адекватная оценка и попытки прийти к однозначному пониманию W – важная задача современной философии, поскольку данная категория, можно предположить, даст возможность существенно продвинуться в вопросах понимания феномена виртуальной реальности, киберпространства, а также, в некотором роде, позволит сформулировать и решить некоторые проблемы философии сознания.

Об актуальности тем и рубрик W свидетельствуют работы зарубежных и отечественных философов и ученых. Среди них выделим исследования С. Крипке, Я. Хинтикки, В. В. Горбатова. Предметно-проблемное поле, на котором происходит постижение W , отличается масштабностью и сложностью. В подобных обстоятельствах наличие гносеологических лакун неизбежно. Одна из них обнаруживается в сфере определения онтологического значения рассматриваемой категории и оценки возможностей ее эффективного использования. Содержания концепций W являются столь неоднозначными, что философы до сих пор не пришли к единому мнению даже по вопросу трактовки понятия возможных миров.

Цель статьи – эксплицировать проблему формулировки семантически адекватного определения возможных миров.

В ходе исследования используются преимущественно контекстуальный и аналитический методы научного познания.

Существует немало вариантов объяснения сущности W . Например, С. Крипке, трактует рассматриваемый феномен, как возможные ситуации (истории) мира [5]. Ссылаясь на В. В. Горбатова, В. В. Волошин отмечает, что W – это точки соотнесения и контексты употребления, относительно которых производится истинностная оценка высказываний [2, с. 44]. Я. Хинтикка понимает под W описания возможного состояния дел или вероятностное развитие событий [4, с. 38]. Уместно резюмировать, что приведенные трактовки имеют некоторое сходство в следующих аспектах:

1. W является мыслимым (ментальным) конструктом. Несмотря на отсутствие единой семантической структуры, W , так или иначе, зависят от логики их

трактовки, что делает рассматриваемый конструкт субъективно существующим.

2. W тесно связаны с категориями вероятности, виртуальности и возможности. Однако в данном контексте возникает уместный вопрос: чем конкретно отличаются приведенные понятия, и если они нетождественны, то почему миры именно «возможные»?
3. Человек может оценивать категорию W , только отталкиваясь от противоположного. Подразумевается, что внимание субъекта всегда направлено на существование лучшего из возможных, по мнению Г. Лейбница, мира. Следовательно, когда человек оценивает перспективу существования W , он, скорее, оценивает отличия от аналогичной категории в действительности.

Нередко можно встретить позицию, в соответствии с которой, W является эпистемически несостоятельной категорией. Такой подход связан со сложностью однозначного понимания семантики не только как способа анализа W в целом, но и определения интенционального значения «возможного» в каждом конкретном мире.

Возможное – это, во-первых, то, что при определенных условиях может стать действительным (с объективной стороны), и, во-вторых, то, что при наличии определенных предпосылок может быть мыслимо как действительное (с субъективной стороны). В свою очередь, действительное – это существующее или существовавшее на самом деле, реальное. То есть, W – это, фактически, мыслимый мир, который может существовать ментально в тех категориях, которые принято считать существующими или существовавшими.

Для более детального понимания уместно привести несколько примеров. Рассмотрим концепцию С. Крипке, в соответствии с которой W – это возможные истории мира, каждая такая история, так или иначе, связана с реально существующими объектами и людьми, фактами и логикой. Крипке приводит пример [5, с. 16], в соответствии с которым, существует тридцать шесть возможных вариантов при броске двух шестигранных кубиков. То есть, каждая из альтернатив имеет равные шансы на реализацию в действительности, а не только бесперспективную вероятность. До того, как кубики дадут конечный результат, субъект создает тридцать шесть возможных миров, каждый из которых определит дальнейший вектор его действий. Таким образом, истории мира в своем бесконечно увеличивающемся количестве создают семантические конструкции, маркером которых является вопрос: «А что, если?» При этом каждый такой возможный мир должен вписываться в парадигму представлений о реально существующей действительности, с тем условием, что события в нем либо предшествуют определенному факту, либо отражают возможности исходов относительно уже совершенного действия, беря за точку отсчета некоторое фиксируемое время до исследуемого события.

В соответствии с концепцией В. В. Горбатова, W – это, проще говоря, такие контексты каких-либо высказываний, которые возможно существуют, не являясь при этом истинными. Например, высказывание «небо зеленое» – это W , так как относительно его можно определить истинность реального положения дел. В такой ситуации мы говорим: «Нет, небо синее, а не зеленое», что делает высказывание «небо синее» не W , так как оно истинно. Если же кто-то заметит, что «небо лиловое», то это также будет W , однако, не в тех ситуациях, когда мы наблюдаем закат и небо действительно окрашивается в лиловый оттенок. То есть, данная концепция тесно связана с условиями наступления события, относительно которого устанавливается истинность. В рамках рассматриваемой концепции, W представляют собой ту не

реализовавшуюся часть мыслимого мира, которая элиминируется по причине ее истинностного несоответствия.

В отличие от С. Крипке, который репрезентирует W как возможные альтернативы, Я. Хинтиikka понимает под W вероятностное развитие событий. На первый взгляд отмеченные концепции схожи, однако существует отличие, которое важно принимать при конструировании определения понятия W . Так, Хинтиikka предполагает, что W – это возможное состояние дел. Все, что случается после фиксации факта – не W , так как это прошлое, а прошлое не может быть возможным ввиду того, что уже свершилось. Крипке же, напротив, подчеркивает, что существуют множественные миры, как несколько вариантов историй того, что уже произошло или произойдет. Такой подход не исключает возможности деления одной и той же ситуации на бесконечное количество, при условии корректировки любой неаналогичной детали события. Хинтиikka же высказывает довольно прямолинейную позицию относительно W . В его понимании W – это вероятность вечернего дождя, если о ней рассуждают утром того же дня. Как только наступает вечер, W утрачивает свою актуальность, так как на смену возможному состоянию дел приходит факт – дождь или ясное небо. Прошлое здесь не имеет никакого значения.

W представляются современному человеку как конструкции, адаптированные к определенному языку и логике. В большей степени данная концепция необходима для анализа возможности и подобных модальных понятий, так как каждый отдельный W воспринимается как один вариант из бесконечного множества альтернатив трактовки понятий.

Важно заметить, что в настоящей работе W рассматриваются в качестве концептуальной модели, но не реально существующих физических миров в какой-либо пространственно-временной системе координат (модальный реализм). Более того, под W понимается, скорее, возможность субъекта, апеллирующего к данной категории, систематизировать возможные исходы какой-либо ситуации, а также его возможность моделировать альтернативы в прошлом или будущем. Это позволяет детерминировать потенциальные импликации, а также выйти в некоторой степени за рамки стандартного уклада вещей.

В понимании семантики W особое место занимают операторы «необходимо» (necessary), «возможно» (possible) и «случайно» (contingent). Это подкрепляет выше приведенное утверждение о координатах реализации W – в рамках логики, метафизики или иной любой философской дисциплины, признающей рассматриваемый концепт в качестве релевантного.

Несмотря на существенные сложности в определении онтологического статуса W (эти сложности наблюдались на всех этапах развития теорий о W), нельзя не отметить некоторый прогресс. Первая концепция W , как принято считать, принадлежит Г. Лейбницу, и тесно коррелирует с концепцией Бога, как центральной идеей религиозного сознания. В настоящее время данная корреляция постепенно утрачивает свою актуальность ввиду секуляризации общественного сознания, технологического прогресса и наличия инновационных концепций, допускающих физические возможные миры, как, например, многомировая интерпретация квантовой механики Х. Эверетта, концепции Мультивселенной (например, М. Тегмарка), теория струн и т. д.

В данном контексте W следует воспринимать как элемент оценочной семантики утверждений – возможную истинность или ложность каких-либо высказываний во всех мирах, допускающихся сознанием. Такой подход также лежит в основе модальной логики, которая предполагает, что если во всех W какое-либо утверждение истинно, то

оно – обязательно, если же утверждение актуально, по крайней мере, в одном из W , то оно – возможно. Если же утверждение неактуально ни для одного из W , то дискуссия о нем – беспредметна, следовательно, бессмысленна. Семантика W не должна включать противоречивые пропозиции, истинные в каждом конкретном мире. А. Плантинга [6] называет W «положениями дел», что делает реальный мир, в котором существует все, что нам привычно, – одним из возможных миров, так как «положение дел» – не константа, статически существующая в языковом поле, а изменяемая конструкция, которая и обуславливает «возможность» каждого мира.

За счет наличия множества теорий и модальных суждений, W – запутанный конструктор, который может не только восприниматься по-разному, но и фактически содержать разные смыслы. Человек находится в актуальном мире, но существует как бы во множестве миров, не сводимых к действительности [3, с. 93]. С целью разрешения отмеченной проблемы, модальные суждения могут интерпретироваться по сказанному (*de dicto*) и по совершенному факту (*de re*). Так, например, Плантинга выдвигает идею о трансмировом тождестве [6], то есть идею о том, что предмет или субъект, наделенный конкретным набором качеств, может существовать во множественных мирах, которые, при их актуализации, изменяют «стартовый» набор качеств. В свою очередь, Лейбниц постулирует концепцию, в соответствии с которой предмет или субъект не могут изменять своих качеств, вне зависимости от мира, в рамках которого они рассматриваются. То есть, Плантинга фактически придерживался мнения, что фраза «Если бы я не стал математиком, я бы стал биологом» подразумевает физически существующего человека, который является математиком, но во второй части предложения данная концепция создает условного «первого двойника», существующего в W , который не является тем же самым человеком, что говорящий.

Если же верить Лейбницу, то субъект фактически является математиком, а значит, рассуждения о том, что он биолог, – нерелевантные, так как данная возможность уже не реализовалась и более не имеет возможности воплотиться в жизнь. При этом важно учитывать, что подразумевается факт обретения профессии в прошлом. Если же рассматриваемый математик в будущем получит образование биолога и сменит профиль, он будет наделен иными исходными характеристиками, и фраза «если бы я не стал математиком, я бы стал биологом» утратит свою актуальность. В такой ситуации, исходя из воззрений Плантинга, «второй двойник» субъекта появился бы только на этапе, если бы субъект продолжил рассуждать о том, что мог бы стать кем-то другим. Например, если бы он высказался так: «Я и математик, и биолог, но мог бы стать и философом». В соответствии с Лейбницом, мы фиксируем только два факта – субъект получил два образования, а потенциальная философская деятельность остается в W , пока не реализуется, если, конечно, такое случится.

Одной из основных проблем корректной и общепринятой трактовки W выступает отсутствие единой конечной истины, которая бы не зависела от субъективных оценок. Даже в тех условиях, когда факты существуют объективно, субъективная составляющая человеческого сознания и словесного выражения его позиций могут привести к созданию W , превалирующего над фактом. Еще в 20-е гг. XX в. Р. Акутагава издал рассказ «В чаше». В этом литературном произведении описывается формирование W , несмотря на наличие объективного факта. В рассказе существует разбойник, заманивший в лес семейную пару. В соответствии с рассказом, после сцены с заманиванием героев в лес, автор сразу демонстрирует следствие. Так, разбойник утверждает, что он убил мужчину, формируя при этом собственное положение дел и, соответственно, возможный мир. Женщина утверждает, что убийцей была она. При

этом дух погибшего признается, что совершил самоубийство. Принимая во внимание наличие художественного вымысла, тем не менее, уместно отметить, что герои создают три различных W , не исключая возможную истину. Существует факт – мужчина погиб. Как именно – рассказ не уточняет, однако все три версии могут быть одновременно правдивыми и одновременно ложными. Отсутствие развязки и выяснения действительного убийцы означает, что W в итоге превалируют над фактом, несмотря на то, что факт существует объективно и осязаемо, а W – только в качестве модального контекста.

Нельзя не отметить, что множественность и вариативность W тесно коррелирует с идеей о виртуальной реальности. Последняя может выступать как один из W , а может содержать множество W , являясь одновременно и создателем этих миров, и сторонним оценивающим субъектом, без которого W невозможны. Так, реальности, содержащиеся в киберпространстве, аналогично множественные, опосредованные знаками, символами и субъективным восприятием создателя. Ввиду уже упоминавшегося технологического прогресса, W выходят на новый уровень. Пользователь интернета, создавая свою виртуальную площадку или используя чужую, формирует особый возможный мир, актуальный либо для него одного, либо для определенной группы лиц, имеющих нечто общее.

При этом современные технологии, делающие виртуальную реальность доступной и повсеместной (социальные сети, интернет в целом, очки виртуальной реальности, моделирование действительности и проч.), уже давно не исполняют исключительно развлекательную функцию. Виртуальная реальность стала, можно предположить, первым действительным, воспринимаемым органами чувств, осязаемым и оцениваемым объективно W . Такие технологические перспективы дали людям возможность создать отдельную культуру виртуального пространства, размещая на просторах всемирной паутины различные атрибуты многих культурных течений, которые в итоге формируют культурные тенденции в отрыве от физической действительности и необходимости рассуждать о W , как о «несуществующей» категории. Можно сказать, что в некотором роде виртуальность наделяет W теми характеристиками, какими наделяет окружающую действительность наше сознание.

На пересечении концепции о W и виртуалистики был создан уникальный феномен такого киберпространства, которое включает их атрибутивные составляющие. Тем не менее, об абсолютной истинности таких манипуляций речь не идет, так как виртуальная реальность в рассматриваемом контексте является только средством реализации языковой конструкции W . То есть, возвращаясь к примеру с рассказом Р. Акутагавы, можно резюмировать, что даже если на просторах интернета некий пользователь опубликует свое видение ситуации, предположительную развязку, конкретный итог, либо же сошлется на высказывания самого Акутагавы, из которых предположительно ясно окончание повествования, тем не менее, все это по-прежнему останется только W – возможностью, но не необходимой истиной. В данном случае за точку отсчета принимается сам рассказ, а все, что не включается в оригинальное издание, уместно воспринимать как W .

Виртуальный мир может не иметь никаких связей с реальностью, кроме косвенно присутствующего зрителя, который и осуществляет взаимодействие этих двух миров, соотнося свои представления о реальности с миром условно созданным [1, с. 42]. Так, можно выделить следующие признаки, общие для виртуальной реальности и W :

- Обязательным элементом референта обеих категорий является сторонний пользователь. Категории W и виртуальной реальности, не имеют смысла, если не

анализируются и не моделируются, не наполняются семантическими конструкциями и не оцениваются со стороны. Однако, в отличие от W , виртуальная реальность в некотором роде может объективно существовать вне сознания пользователя и его оценки;

- Все события, происходящие в виртуальной реальности или в W , субъект соотносит со своими представлениями о реально существующих вещах. В широком смысле, W дает возможность субъекту соотносить себя и виртуальные продукты именно благодаря наличию определенной парадигмы восприятия действительности в сознании человека. Если пользователь, например, страдает от аллергии на шерсть, то в действительности он не может завести кота. В свою очередь, виртуальное пространство делает это образно доступным. Это возможно благодаря тому, что человек понимает и оценивает, что существует огромное количество людей без аллергии, которые содержат питомцев дома. Если же он, например, не знает, какая на ощупь атласная ткань, то он не сможет ее подержать в руках до тех пор, пока физически не получит предмет, что, разумеется, выходит за рамки виртуальной реальности и считается очевидным действием.

Таким образом, W – это совокупность различных положений дел в прошлом, настоящем и будущем. Есть основания констатировать, что рассматриваемая категория фиксирует вариационную модель действительности. Однако при рассуждении о W мы сталкиваемся с непреодолимыми на данный момент сложностями. Это, во-первых, конкретизация истинности относительно событий в W , что дало бы возможность четко сформулировать определение возможных миров. И, во-вторых, – это амбивалентное отношение к сути W . С одной стороны W могут восприниматься как научная категория, нуждающаяся в структурированном семантическом ядре. И одновременно W могут восприниматься в качестве элемента научной фантастики, физических миров в космологическом масштабе, либо миров с произвольным нарушением логических правил. Вторая сложность следует из первой.

Преломление сознания рассуждающего о W приводит к созданию сразу нескольких картин мира, которые так или иначе отличаются друг от друга и при этом создают несколько образов реальности. Важно подчеркнуть, что, исследуя W , мы, прежде всего, абстрагируемся от физической теории об альтернативных вселенных и идеи о реальных «двойниках» на каждом разветвлении W . Что, тем не менее, не исключает эвристичность и перспективность идей о Мультивселенной.

W можно интерпретировать как результат предпочтений индивида, как производные его мировоззрения. Дизайн такого мировоззрения может проецировать множественные ситуации и вероятности, которые, впрочем, никогда не выйдут за пределы возможностей восприятия и широты оценочных суждений индивида. Так, W представляется очень субъективно нагруженной категорией. Однако такая субъективность, скорее, вызвана отсутствием должного теоретического базиса, что и не дает возможность системно оценивать W как эпистемически прозрачную и состоятельную категорию.

Содержание понятия W не определено. Налицо основная трудность, а именно, наличие разноплановых, противоречащих и нередко несоизмеримых определений, на первый взгляд, одного и того же объекта. Научному сообществу необходимо прийти к единому мнению, отталкиваясь от которого уместно развивать, дополнять и корректировать дефиницию W .

В настоящий момент актуализации проблемы интерпретации рассматриваемой категории способствует виртуальная реальность, которая, в силу своих ресурсов, выводит W на новый уровень путем трансформации свойств и изменения

функциональности *W*. Характер такого преобразования пока невозможно оценить в полной мере. Существуют как положительные факторы данного синтеза, так и отрицательные. Целесообразность четкой демаркации данных категорий станет уместной только после того, как *W* приобретут общезначимую явную дефиницию, фиксирующую содержание и семантический статус определяемого понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова Т. А. Виртуальность и логика возможных миров / Т. А. Бочарова // Грамота. – 2013. – № 6 (32): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 41-43.
2. Волошин В. В. Возможные миры и супервентность / В. В. Волошин // Культура и цивилизация. – 2018. – № 2 (8). – С. 43–52.
3. Волошин В. В. Классифицирование и классификации возможных миров / В. В. Волошин // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 3. – С. 88-98.
4. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования: Сборник избранных статей / Я. Хинтика; Пер. с. англ В. Н. Брюшинкина, Э. Л. Наппельбаума, А. А. Никифорова. – М.: Прогресс, 1980. – 448 с.
5. Saul A. Kripke Naming and Necessity // Oxford, Basil Blackwell. – 1980. – 172 p.
6. Plantinga A. The Nature of Necessity / Oxford: Clarendon, 1974. – URL: <https://www.questia.com/library/1854351/the-nature-of-necessity>.

Поступила в редакцию 17.10.2020 г.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF POSSIBLE WORLDS

I.S. Polovinkina

The article analyzes the concept of «possible worlds», as well as the complexity of its semantic interpretation. It has been established that possible worlds are complex of not yet systematized and sometimes contradictory constructs with an indefinite extensional status. The first step on the way to understanding the essence of possible worlds is fixing an unambiguous definition of this category, including a set of essential features and functions inherent in possible worlds.

Key words: possible world, probability, semantics.

Половинкина Ирина Сергеевна

Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

Polovinkina Iryna Sergeevna

Postgraduate Student of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

УДК 35:172.15

ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ПАТРИОТИЗМА СОВРЕМЕННЫМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

© 2020. *Е.В. Рочняк*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматриваются современные понимания патриотизма в зарубежных научных исследованиях. Описываются особенности вертикального и горизонтального измерения феномена патриотизма, учитывая их крайний (экстремальный) и умеренный уровни. Сделан вывод о том, что современные трактовки патриотизма в зарубежных научных исследованиях занимают большое место в формировании политической морали.

Ключевые слова: патриотизм, общество, современные концепты патриотизма, виды патриотизма.

С самого начала существования человечества проблема ощущения принадлежности к определенному обществу была актуальной, в первую очередь, для обеспечения его выживания. Прочность рода, а дальше – племени зависела в большой степени от готовности и желание его членов работать, а иногда рисковать жизнью ради интересов сообщества. После перехода от кочевого к оседлому образу жизни патриотизм стал означать любовь к родной земле. Долгое время патриотизм включал в себя религиозный элемент, поскольку родина связывалась не только с местом проживания, но и с наличием особого бога. Смена места жительства предусматривала перенос богов на новое место и, соответственно, основание новой родины.

Анализ исследований проблемы патриотизма указывает на разнообразие и неоднозначность толкования термина «патриотизм». Во многом это объясняется сложной природой данного явления, неординарностью его структуры, многообразием форм проявления и тому подобное. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается исследователями в различных исторических, социально политических и экономических условиях, в зависимости от сложившихся взглядов и под влиянием различных факторов личной гражданской позиции, в том числе по отношению к своей Родине.

Из последних значимых исследований следует выделить работы таких зарубежных ученых, как: И. Приморац, М. К. Нуссбаум, Ю. Хабермас (конституционный патриотизм), С. Натансон (умеренный патриотизм), С. Лаборд (гражданский патриотизм), Э. Каллан (демократический патриотизм), Л. Блюм (патриотизм лучших традиций) и др. Попытка систематизации данных концепций патриотизма была осуществлена М. Сардоч.

Проявления патриотизма существенно влияют на общественную жизнь. Рассмотрение современных концептов исследования проявлений этого явления, приведенных в западной научной литературе могут дать новые толчки для совершенствования реализации государственной политики национально-патриотического воспитания в современных условиях.

Цель статьи – рассмотреть дискурс в западной научной литературе вокруг проявлений феномена патриотизма, систематизировать современные западные концепты этого явления.

Патриотизм определяют интуитивно и теоретически как любовь к родине (лат. “*amor patria*”). Это самое общее описание характеризует явление с точки зрения отношения, но для более тщательного исследования нужна большая степень

детализации. С. Натансон предлагает «разделить» такое отношение на четыре специфические черты: особая привязанность к своей стране; чувство личной идентификации со своей страной; особая забота о благосостоянии своей страны; готовность пойти на жертвы, чтобы содействовать благополучию страны [6]. По утверждению М. Сардоча, для того чтобы определенная приверженность к своей стране квалифицировалась как патриотизм, она должна включать четыре отдельных элементов, а именно: субъект патриотизма (который является патриотом), объект патриотизма (что является объектом этих отношений), характер особых отношений между субъектом и объектом патриотизма (например, любовь) и обоснование патриотизма (почему патриотизм является важным, необходимым и актуальным) [9].

Всех, кто изучал это явление, можно условно разделить на две группы – его сторонников и критиков. Девизом сторонников может быть выражение римского поэта Горация: «сладко и почетно умереть за свою родину» (лат. *Dulce et decorum est pro patria mori*), который считал патриотизм высшей формой политических настроений. Девизом критиков – выражение С. Джонсона: «последний приют негодяя». С одной стороны, патриотизм рассматривается как нравственная позиция, обязанность или моральная добродетель, а с другой – как морально неприемлема пристрастие к своей стране и соотечественникам [7].

Любая концепция патриотизма имеет вертикальное и горизонтальное измерения.

Вертикальное измерение патриотизма связывает субъекта патриотизма (конкретного индивида) с объектом, то есть с его страной, конкретным географическим районом или политическим сообществом. При этом можно выделить две версии вертикального измерения:

1) «Политическое» измерение патриотизма, в котором основное внимание уделяется культуре, языку, истории и традициям своей родины или политического сообщества;

2) «Политическое» измерение патриотизма, где центральным объектом лояльности, гордости и эмоциональной привязанности являются общие принципы и фундаментальные ценности государства (например, справедливость, терпимость и т. п.) [9]. Наиболее известным примером ценностно ориентированного вида патриотизма является конституционный патриотизм, сформулированный Ю. Хабермасом [4].

Конституционный патриотизм как отношение – это привязанность, преданность определенной конституционной системе, как идентификация – это причастность к общим принципам функционирования государства, закрепленным в Конституции, а также с правилами, которые могут быть производными из данных принципов.

Горизонтальное измерение патриотизма связано с совокупностью социальных, культурных и психологических отношений в середине политического сообщества между его членами. С этой точки зрения чувства единства и солидарности среди членов политического сообщества обеспечиваются общей политической идентичностью. Это измерение патриотизма связывает членов политического сообщества, которые имеют одинаковые политические статус и идентичность, однако могут иметь различия в других элементах идентичности, таких как: религия, пол, возраст, этническая принадлежность и др. Проявление этого измерения И. Приморац описывает как обязанность особой заботы о благосостоянии своих соотечественников [8].

По уровню экстремальности оба измерения (вертикальное и горизонтальное) имеют, так сказать, две ступени: крайний (экстремальный) и умеренный уровни. Экстремальные концепты характеризуются следующими чертами: безусловной

лояльностью к объекту патриотизма; исключительной приверженностью к нему (особое отношение к объекту патриотизма, например, чувство любви) и безусловным приоритетом, который предоставляется соотечественникам в распределительном аспекте [9]. В вертикальном измерении экстремальный концепт проявлений феномена патриотизма можно проиллюстрировать позицией, которая оправдывает любое действие собственной страны на международной арене, в том числе военные интервенции против других стран независимо от повода, или позицией неприятия любых мигрантов в собственной стране.

Если вернуться к «детализации» чувства любви С. Натансона, то можно сказать, что экстремальные и умеренные концепты характеризуют формы особой заботы о благосостоянии своей страны. Экстремальные патриоты заботятся только о своей стране и не заботятся о людях в других странах. Умеренные патриоты заботятся как о своей стране, так и о других странах и их граждан. Это важное моральное отличие. Умеренные патриоты признают, что люди, которые не являются гражданами своей страны, имеют такие же права, как и граждане собственной страны. Экстремальные патриоты не признают никаких прав не-соотечественников или обязательств перед ними. Они преданы только своей стране и поддерживают беспрепятственное продвижение интересов только своего государства. Умеренные же патриоты хотя и проявляют особую заботу о собственной стране, признают права людей в других странах и признают нравственные ограничения на средства, с помощью которых их страна может обеспечить свое благосостояние [6]

Концепты, которые описывают умеренные проявления феномена патриотизма, с одной стороны, связаны с образом действий субъекта патриотизма, с другой – с его объектом. Обе группы устанавливают определенные ограничения для обеспечения этим проявлениям достаточного уровня легитимности и для нейтрализации возможного негативного влияния таких проявлений. Наиболее ярким примером умеренного патриотизма в вертикальном измерении может быть конституционный патриотизм, сущность которого была впервые сформулирована Ю. Хабермасом [4].

Горизонтальное измерение патриотизма прежде всего отвечает за отношения личности с другими соотечественниками и имеет перераспределительный и содержательный аспекты [9]. Последний соответствует своему названию, а сутью перераспределительного аспекта является приоритет, который предоставляется соотечественникам по сравнению с другими лицами. С данным аспектом тесно связана проблема дискриминация.

Перераспределительный аспект можно рассматривать в двух версиях: абсолютной и относительной. Абсолютная версия предполагает, что соотечественники всегда имеют приоритет в отношении других лиц. При относительной же версии перераспределительного аспекта соотечественники или члены того же политического сообщества получают помощь только при соответствующих условиях. Абсолютная версия перераспределительного аспекта присуща экстремальным формам горизонтального измерения патриотизма, относительная – умеренным его проявлениям.

Примерами умеренных форм патриотизма в горизонтальном измерении могут быть: космополитический патриотизм [1]; умеренный патриотизм [6]; гражданский патриотизм [5]; демократический патриотизм [3] и патриотизм лучших традиций [2].

С. Лаборд [5] различает устойчивый патриотизм и модифицированный. Устойчивый патриотизм он наделяет такими чертами: 1) при определении собственных обязанностей факт землячества, «соотечественности» имеет внутреннюю нравственную важность и 2) среди таких обязанностей обязанность предоставлять приоритет

интересам соотечественников, а не интересам граждан других стран. Модифицированный патриотизм допускает определенный приоритет для соотечественников, но для него характерны или только первая черта, или только вторая. Носители модифицированного патриотизма считают, что люди имеют право, но не обязаны иметь своим приоритетом интересы соотечественников. Устойчивый патриотизм можно отнести к крайним проявлениям, модифицированный – к умеренным.

Таким образом, современные трактовки патриотизма в зарубежных научных исследованиях занимают большое место в формировании политической морали. Считается, что патриотизм в современном мире играет важную роль в размышлениях о правах и обязанностях при реализации политики. Но так может быть не всегда, учитывая дискуссионную мысль о том, что дальнейшее развитие либеральной демократии может ослаблять проявления феномена патриотизма. Полемика свободна от пафоса и пропаганды и сосредоточена больше на философских и социологических аспектах этой проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Appiah K. A. Cosmopolitan patriots / K. A. Appiah. // *Critical Inquiry*. – 1997. – Vol. 23, No. 3. – P. 617–639.
2. Blum L. Best traditions patriotism: A commentary on Miller, Wingo and Ben-Porath. / L. Blum // *Theory and Research in Education*. – 2007. – Vol. 5, No. 1. – P. 61–68.
3. Callan, E. The better angels of our nature: Patriotism and dirty hands. / E. Callan // *The Journal of Political Philosophy*. – 2010. – Vol. 18, No. 3. – P. 249–270.
4. Habermas J. Citizenship and National Identity. // J. Habermas (Ed.) // *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. – Cambridge: MIT Press, 1996. – P. 491–516.
5. Laborde C. From constitutional to civic patriotism. / C. Laborde. // *British Journal of Political Science*. – 2002. – Vol. 32, No. 4. – P. 591–612.
6. Nathanson S. Patriotism, morality, and peace. / F. Cover, S. Nathanson. – Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 1993. – P. 34–35.
7. Nussbaum M. C. Teaching Patriotism: Love and Critical Freedom / M. C. Nussbaum // *Chicago : University of Chicago Public Law and Legal Theory Working Paper*, 2011. – 357 p.
8. Primoratz I. Patriotism. / I. Primoratz. // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2009. – Retrieved from <https://plato.stanford.edu/entries/patriotism>.
9. Sardoc M. Kako misliti patriotizem. / M. Sardoc. // *Solsko polje* – 2012. – Vol. 23, No. 5/7 – P. 93–108.

Поступила в редакцию 22.10.2020 г.

UNDERSTANDING OF THE ESSENCE OF PATRIOTISM BY MODERN FOREIGN RESEARCHERS

E.V. Rochnyak

It is regarded the modern consideration of patriotism in foreign researches in the article, describing peculiarities of horizontal and vertical dimensions of it in extreme and moderate levels. It has been concluded that modern interpretations of patriotism in foreign scientific research play an important role in the formation of political morality.

Key words: patriotism, society, modern concepts of patriotism, types of patriotism.

Рочняк Елена Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков».
E-mail: lero1981@yandex.ru

Rochnyak Elena Vladimirovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the
Department of Philosophy and History,
SEE HPE “Gorlovka Institute of Foreign Languages”.
E-mail: lero1981@yandex.ru

УДК 130.02

ТЕЗАУРУС ЛЕКСИЧЕСКОГО КОДА ОСЕТИН

© 2020. Д.А. Цховребова

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова

Лексический код осетин формировался под влиянием многочисленных языковых изменений в ходе исторических переплетений, которые пережил осетинский народ. Изучение словоформ позволяет проследить культурные связи осетин, сохранивших в сложных исторических перипетиях самобытность и, в то же время, вобравших коды других культур. Отмечается исключительная роль русской культуры в насыщении лексического кода осетин после вхождения Осетии в состав России.

Ключевые слова: код, язык, культура, лексема, осетины.

Введение. Глобализированный мир в качестве одной из проблем преподнес сохранение культур малых народов от поглощения другими доминирующими культурами. На примере осетинского народа, насчитывающего около семисот тысяч человек в мире, прослеживается непростая проблема сохранения автохтонной культуры, которая в течение тысячелетий подвергалась порой значительному воздействию со стороны культур не только пограничных народов, но и не находящихся в непосредственной территориальной близости. Особое внимание в этом процессе уделяется языку как несущей конструкции культуры, согласно высказыванию Г.Г. Шпета. Поскольку язык не существует вне культуры, то его можно рассматривать как зеркало культуры, кладовую культуры, носителя и орудие культуры, а менталитет, ценности, заложенные в нём, формируют личность человека – представителя национальной культуры [20].

Целью данной статьи является философское исследование особенностей лексического кода осетинского народа.

Основная часть. Язык, являясь скрепом народа и нации, создаёт культурный код наряду с мифологическими, религиозными представлениями. Н.В. Худолей приходит к заключению, что есть основания называть культурный код национальным менталитетом. Проблема культурного кода или национального менталитета на сегодняшний день является одной из самых актуальных для культурологов, лингвистов, социологов, философов, политологов, поскольку владение культурным кодом помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем [22, с. 157].

Аналогичные мысли присущи белорусскому культурологу Евгению Бабосову, который в статье «Культурный код нации: сущность и особенности» отмечает, что основным способом сохранения и передачи культурной традиции нации, их непрерывного развития и обновления является её культурный код [3]. Культуролог В.А. Маслова полагает язык культурным кодом нации, придавая ему огромное значение [14]. Испанский писатель, семиотик, культуролог Умберто Эко предлагает понимать код как определённую упорядоченность, при которой осуществляется переход от мира сигнала к миру смысла [24, с. 47]. При наличии различных подходов в науке к пониманию кода в контексте предложенных исследований код будет пониматься как способ передачи знаний о мире, как норма формирования сообщений. Родственная близость понятий «код», «знаковая система», «язык», создающих возможность сближения этих семиотических терминов, [18] даёт основания для

актуальности изучения лексического кода осетин именно через язык. Для Ролана Барта код – это след прошлого [5], несущий информацию от дня вчерашнего ко дню грядущему.

Коды фиксируют архетипы представлений, образуют систему координат, которая содержит и задаёт определённые эталоны культуры (отражённые, в свою очередь, в языке) [13, с. 5-19]. Клотер Рапай в монографии «Культурный код: как мы живём, что покупаем и почему» определяет культурный код как подсознательные смыслы, вкладываемые людьми в любой объект и формирующиеся под воздействием национальной культуры, в которой эти люди были социализированы [16]. При всей сложности классификации культурного кода Н.В. Букина полагает код как язык культуры, рассматривая его с онтологической, гносеологической, аксиологической, антропологической точек зрения. Культурная среда связана с культурным кодом с точки зрения онтологического подхода. Культурный код с гносеологической точки зрения является средством для получения информации. Аксиологическое насыщение культурного кода сопряжено с ценностно-значимыми для определённой общности образования. Для антропологического подхода к определению культурного кода присуща индивидуальность [7, с. 69-73].

Изучение культурного кода остаётся одним из основных ключей к пониманию сущности, как отдельного человека, так и этноса в целом, делает вывод М.В. Румянцева, исследуя внутренний мир человека в свете культурных кодов на примере русского и казахского художественного дискурса [17, с. 52-65]. В контексте анализа русской фразеологии В.Н. Телия приходит к заключению, что культурный код – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума [19]. Являясь проявлением скрытых смыслов, культурные коды делают зримыми и осязаемыми содержательные пласты того, что составляет понятие культуры того или иного народа.

Хотя единой классификации кодов культуры в современной науке нет и, наверное, быть не может, по мнению М.В. Румянцевой, так как лингвисты по-разному подходят к принципам классификации, но за основу берутся те коды, которые соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека: антропоморфный, биоморфный, природный, соматический, предметный, мифологический [17, с. 54].

Последние несколько десятилетий актуальным стало изучение культуры через язык, потому что языковой материал даёт учёным богатейшую информацию о мире и о человеке в нём. Как знаковая система понятие «язык» находится в тесной взаимосвязи с важным для культурологии понятием «код» [17].

Язык рефлегирует осознание народом себя, национальную ментальность, систему ценностей, зафиксированную в лексике устной и письменной речи. Будучи составной частью культуры, он является одной из трёх форм окружающего мира наряду с реальной картиной мира и понятийной картиной. В языке происходит вербализация национальной картины мира, тех верований, традиций, которые присущи каждой нации. Традиции, обычаи, обряды, бытовая культура, коды поведения, художественная культура – компоненты, создающие специфику нации. Язык в качестве составляющей культуры хранит и передаёт накопленный опыт данной общности. Человек осознавал себя частью мироздания, понимал свою зависимость от сил природы, желал жить в гармонии с ней. Ключевыми были языческие культы солнца, воды, огня, воздуха и земли. В них заключалась идея высшей силы и мудрости

природы, вечности бытия. Сознание современного человека хранит память о верованиях предков, что находит своё отражение в выборе языковых средств при описании эмоционального состояния человека [17, с. 54].

Исследование лингвокультурных ценностей позволило В.И. Карасику выделить следующие подходы к описанию ценностей языка: ориентационный, нормативный, тематический, субъективный, коммуникативный [11, с. 60]. Эти подходы воплощают многомерность ценностных характеристик реальности.

Ф. де Соссюр рассматривал язык как социальный элемент речевой деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять. Язык существует только в силу договора, заключённого членами коллектива. Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятия и акустический образ. Во всякую эпоху, как бы мы ни углублялись далеко в прошлое, язык всегда выступает как наследие предшествующей эпохи. Сохранение самобытности той или иной культуры возможно, в том числе, при сохранении лексического кода.

Лексемы – словоформы, элементарные единицы языка в современной исторической науке часто используются для выявления родственных и коммуникативных связей между народами. Поэтому сравнительный анализ особенностей национального языка является важным элементом изучения эволюции культуры и интеграционных связей народов.

По языковому признаку осетины относятся к иранской группе, которая входит в индо-европейскую семью народов. Отдельные группы в этой семье составляют славяне, германцы, кельты, романцы, балты и другие народы

Осетины, аланы и скифы образуют последовательность народов, имевших один общий ареал обитания и сменявших друг друга. Более того, длительное время в древности они имели сходный преимущественно кочевой образ жизни, хозяйственный уклад и систему административного управления. Это создавало благоприятные условия для сохранения языковых структур и элементов культуры более древнего народа при смене одного народа другим, то есть для преемственности культур в кавказском регионе.

С точки зрения модели коммуникации Шеннона-Якобсона, язык должен рассматриваться как статический элемент, определяющий генеральную тенденцию развития, вокруг которой осуществляются мелкие текущие культурные колебания. Такое понимание значения языка подчеркивает его исключительную роль для сохранения самосознания и культуры народа.

А.И. Кондратов [12] указывает, что с технической точки зрения коммуникация реализует процесс контакта культур. Она, как явление, может существовать только в системе, в которой происходит взаимодействие хотя бы между двумя составляющими ее элементами и существенным образом зависит от характеристик взаимодействующих элементов. В качестве важнейшего условия А.И. Кондратов выделяет способность элементов системы воспринимать сигналы друг друга. Таким образом, получает простое и понятное техническое объяснение известный из опыта факт, что одинаковый или хотя бы родственный язык является важнейшим фактором, облегчающим установление контакта между людьми и народами.

Предки осетин – аланы – поселились на территории Кавказа, где до них уже проживали другие народы. Взаимное влияние аборигенов и пришельцев оставило след в одежде, материальной культуре, но, вероятно, более всего в языке осетин [23, с. 111]. В.И. Абаев полагал, что «осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на

кавказском субстрате» [1, с. 11]. Следы влияния других языков проявляются в некоторых особенностях фонетики и морфологии осетинского языка, но в наибольшей степени в его лексике, в частности топонимии Осетии. Из 8 326 топонимов, записанных на территории Северной Осетии, 721 не удается расшифровать, опираясь на данные иранских языков [23, с. 112]. Однако ряд словообразований достаточно отчетливо демонстрирует родство с языками других народов, включая славян, и указывает на культурные связи осетин с этими народами и определенную преемственность культур.

А.Дз. Цагаева выделяет несколько слоев, в которые группирует по географическому или тематическому принципу следы языкового взаимодействия осетин с другими народами.

Первое место отдано кавказским народам, которые находятся в непосредственном соседстве с Осетией и оказывают наиболее сильное влияние. Изучение этой проблемы было начато еще в XIX веке выдающимся ученым В.Ф. Миллером [15]. Многочисленные работы В.И. Абаева по этой проблеме опубликованы в монографии [1, с. 9-94, 109-122, 271-331, 271-348, 526-528], а также ряде других изданий. Профессором Г. С. Ахвледиани написан ряд статей об осетино-грузинских языковых связях [2], Б.Х. Балкаровым опубликована большая работа по изучению адыгских элементов в лексике осетинского языка [4].

Среди осетинских географических топонимов встречаются слова, обозначающие общественные отношения, например: «Глехерта» – крестьяне. Встречаются ботанические названия, например: «Козоти первал» – грибной перевал; зоологические термины: «Бати луг» – гусиный луг. Встречаются названия предметов материальной культуры и культовые термины. Среди последних чаще всего встречаются слова, имеющие в составе «дзуар», означающий церковь, святой, священный. Например, селение Дзуарикау в Куртатинском ущелье на левом берегу Терека. Слова, происходящие от названий географических объектов, – например, холм, ущелье – встречаются не очень часто.

Многие осетинские географические топонимы связаны с грузинским языком, что можно объяснить длительной административной зависимостью Осетии от Грузии. Встречаются также топонимы адыгского и вайнахского происхождения.

Более 80% географических топонимов А.Дз. Цагаева относит к осетинскому слою. Названия этой группы достаточно уверенно идентифицируются по способу словообразования, характерному для осетинского языка. Исходный материал для этого процесса дало происходившее, начиная с VII в. до н.э., в течение многих столетий постепенное слияние языков аборигенных народов Кавказа с языками скифо-сарматских и позднее сармато-аланских племен, которые считаются предками современных осетин – аланов [9].

Отмеченную особенность можно трактовать как подтверждение значительного возраста осетинского языка, который уже существовал к моменту формирования системы географических ориентиров в Кавказском регионе. С другой стороны, эта особенность языка может указывать на то, что в период формирования базовых географических названий аланы были лидирующей социальной группой, а позднее – наиболее стабильным народом, сумевшим сохранить свою индивидуальность в течение длительного времени.

Это обстоятельство очень важно с точки зрения истории культуры, так как показывает, что внешние воздействия захватчиков или других агрессивных агентов, направленные на уничтожение индивидуальных национальных особенностей или унификацию культуры, тоже ограничены по степени воздействия. Настойчивая

деятельность народа, направленная на сохранение своей индивидуальной культуры, несомненно, имеет большие шансы на успех.

Отдельный слой, хотя и сравнительно немногочисленный, образуют топонимы, связанные с византийско-римскими контактами. Объекты, которые можно отнести к этому слою, расположены преимущественно в западной части Осетии. Это указывает на духовные и реальные физические контакты между Осетией, Византией и Римом. Некоторые названия, отнесенные к этому слою, позволяют предполагать, что христианизация осетин началась очень рано – в IV–VI веке, и процесс этот развивался с запада на восток.

Нашествия тюркских племен гуннов, татаро-монгольский войск Чингисхана – Батия и «Бича народов» – Тимура, конечно, также оставили след в языке осетин. К тюрко-монгольскому слою А.Дз. Цагаева относит более 150 географических названий, равномерно распределенных по территории Осетии. Длительное пребывание завоевателей на этой земле оставило след в многочисленных, посвященных им, осетинских сказаниях и песнях [23, с. 12 -155].

Представляет большой интерес наличие в осетинском языке значительных следов славянского влияния, которые выделены в славянский слой.

В.И. Абаев констатирует, что контакты скифо-сармато-аланских племен со славянами начались еще в IV веке [1, с. 68-89]. Еще на большую историческую глубину к третьей четверти I тысячелетия до н.э. относит начало этих контактов А.А. Зализняк [8, с. 3]. Тесные дружественные отношения предков осетин с Русью подтверждают династические браки, которые были заключены в основном в X–XII вв. [6, с. 33-34]. Затем нашествия восточных кочевников прервали активные взаимовлияния культур Руси и Осетии до конца XVIII века и стерли в языке следы древних контактов.

Начиная со второй половины XVIII века, существенно изменился характер следов, которые оставляет взаимодействие культур Осетии и России. В 1766 г. в Моздоке была открыта первая государственная осетинская школа. В 1798 г. издан «Краткий катехизис» – первая напечатанная осетинская книга. После установления регулярных русско-осетинских отношений в 1740-х годах началось активное строительство поселений и городов на неосвоенных территориях для укрепления власти и защиты от агрессии соседних государств. Новым поселениям присваивались названия, в которых учитывались традиции и созвучия русского языка [21]. После вхождения Осетии в состав России в 1774 г. русский язык стал государственным также и в Осетии, хотя для сохранения надежных контактов с населением, священнослужителям и государственным служащим предписывалось заботиться о переводе церковных и административных документов на осетинский язык. При исполнении этих указаний приходилось преодолевать значительные препятствия, так как в Осетии до восстановления контактов с Россией не было своего алфавита, полностью отсутствовала литературная традиция и техника книгопечатания, не было школ, учителей для систематического обучения детей и населения. Даже большинство священнослужителей было неграмотными.

Активное проникновение русского языка в Осетию началось в 1764 г., когда православные миссионеры открыли в Моздоке школу для обучения местных детей. Позднее активное распространение русского языка в Осетии поддерживали солдаты и офицеры расквартированных в ней русских воинских частей, а также русские переселенцы – торговцы и ремесленники [10]. Активная просветительская деятельность предопределила весьма большое духовное и формообразующее влияние русских культурных традиций на современную культуру и язык осетин.

Заключение. Лексический код народа имплантирован в общий культурный код, который проявляет пласты существования культуры. Актуальность изучения лексики как центральной части языка, передающей знания, способствует выявлению исторических взаимопроникновений культур народов и, в то же время, их идентификации. Материалы данного исследования позволяют выделить ряд существенных лексических особенностей осетинского языка. Родственный характер или близость языков взаимодействующих народов – важный фактор, способствующий установлению межкультурной коммуникации. Лексемы могут быть признаком древности языка и служить ориентиром, указывающим на его происхождение, а также на связи с языками других народов. Языковые заимствования – убедительное подтверждение таких связей на примере влияние на язык осетин соседних кавказских народов.

Исключительная роль в создании лексем принадлежит России. Осетинские и деятели русской культуры после присоединения Осетии к России создали духовную и материальную базу для полноценного включения Осетии в современный мировой процесс развития культуры. Была создана новая осетинская азбука, восстановлена осетинская письменность, создана система школьного обучения, возникло книгопечатание, началось формирование национальной литературной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев. Т. 1. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 608 с.
2. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку / Г.С. Ахвледиани. – Тбилиси: Издательство Тбилисского гос. университета, 1960. – 247 с.
3. Бабосов Е. Культурный код нации: сущность и особенности [Электронный ресурс] / Е. Бабосов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-suschnost-i-osobennosti>
4. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке / Б.Х. Балкаров // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – Нальчик, 2015. – №2 (25). – С. 96-102.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/ Ролан Барт /: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
6. Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России / М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет.кн.изд-во, 1959. – 164 с.
7. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры / Н.В.Букина // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 2 (47). – С. 69-73.
8. Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами. Краткие сообщения института славяноведения АН СССР / А.А. Зализняк. – М.: 1963. – № 38. – С. 3-22.
9. История Северо-Осетинской АССР. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 336 с.
10. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка / Т.Т. Камболов. – Владикавказ: ИР, 2006. – 463 с.
11. Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей [Электронный ресурс] / В.И.Карасик. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnoe-izmerenie-lingvokulturnyh-tsennostey>
12. Кондратов А.И. Коммуникации в системе международных отношений / А.И. Кондратов // Вестник Военного университета. – 2011. – № 1 (25). – С. 85-90.
13. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб.ст. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 5-19.
14. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высш. уч. заведений / В.А.Маслова. – М.: Академия, 2001. –183 с.
15. Миллер В.Ф. Язык осетин / В.Ф. Миллер. Пер. с нем. М.И. Исаева. Ред., предисловие и примечания В.И. Абаева. – М.;Л., 1962. – 191 с.
16. Рапай К. Культурный код: как мы живём, что покупаем и почему / Клотер Рапай / пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 167 с.
17. Румянцева, М.В. Внутренний мир человека в свете культурных кодов (на примере русского и казахского художественного дискурса) / М.В. Румянцева // Вест. Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2019. – Том 5. – № 3 (19). – С. 52-65.

18. Степанова Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты / Н.И. Степанова // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1 (11). – С. 130-136.
19. Телия В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
21. Хронологическая таблица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fandag.ru/load/9-1-0-42>
22. Худолей Н.В. Культурный литературный код современного российского читателя / Н.В. Худолей // Вестник КемГУКИ.– 2014. – № 29. – С.155-164.
23. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии / Цагаева А.Дз. Ч. 1. 2. – Орджоникидзе: НИИ при СМ Сев. Осет. АССР, 1971. – 238 с.; 1975. – 560 с.
24. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

Поступила в редакцию 20.10.2020 г.

THE SAURUS OF OSSETIC LEXICAL CODE

J. A. Chovrebova

The Ossetic lexical code was formed under influence of numerous language changes during the historical interlacing that was outlived by Ossetic people. The study of word-parts allows to trace Ossetic cultural connections, saving in difficult historical context its originality and at the same time absorbing codes of other cultures. The exceptional role of the Russian culture is marked in the satiation of lexical code Ossetic after including of Ossetia in the complement of Russia

Key words: code, language, culture, lexeme, Ossetic people.

Цховребова Джульетта Ароновна

Старший преподаватель кафедры философии,
Юго-Осетинский государственный университет
им. А.А. Тибилова, Южная Осетия, г. Цхинвал.
E-mail: zelenlist@mail.ru

Tskhovrebova Julietta Aronovna

The Senior lecturer of the Department of Philosophy.
South-Ossetic State University named after
A.A. Tibilov, South Osetia, Chinval.
E-mail: zelenlist@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.2

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДОШКОЛЬНИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

© 2020. А.А. Головинова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается опыт организации здорового образа жизни в дошкольных образовательных учреждениях за рубежом. Показано значение развития здорового образа жизни (ЗОЖ) детей в дошкольном возрасте, необходимость поддержания и укрепления качества здоровья и уровня физического, умственного, психологического развития подрастающего поколения. Проведен анализ взаимосвязи воспитателей дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) с родителями дошкольников, что проявляется через проведение мероприятий, направленных на развитие их педагогической, гигиенической, физкультурной компетентности в сфере ЗОЖ. Определены факторы создания необходимых условий для трудовой деятельности сотрудников ДОУ, повышения образовательного уровня педагогов, при которых воспитатели способны привить детям навыки ЗОЖ. Проанализированы условия распространения ЗОЖ, с целью охвата дошкольников, детей всех категорий населения, в том числе, из социально-неблагополучных семей, что позволит сделать здоровый образ жизни массовым явлением, имеющим всеобщее распространение.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, сотрудничество, взаимодействие, гармонизация детско-родительских отношений, педагогическое партнерство, дошкольное образовательное учреждение, семья, качества личности, воспитание, педагогический капитал, образовательная политика.

Введение. Широкую популяризацию в развитых странах мира получает здоровый образ жизни, распространяя свое влияние на все возрастные группы населения. Под влиянием этого усиливается внимание к дошкольному возрасту детей, к тому периоду, когда закладываются основы здоровья и образа жизни, основанном на сохранении и укреплении здоровья. Одна из лучших возможностей способствовать развитию физически активного образа жизни среди большого числа дошкольников – это развитие и поддержка дошкольных образовательных учреждений. Ухудшение здоровья дошкольников требует от дошкольных образовательных учреждений переориентации приоритетов в своей деятельности: от места, где дети только проводят время и получают определенные знания, в центры по охране жизни и укрепления здоровья. ДОУ постепенно видоизменяют свои функции за счет использования технологий по укреплению здоровья за счет имплементации в образовательный процесс здорового образа жизни.

Здоровый образ жизни в дошкольном образовании постепенно стал приоритетом государственной образовательной политики в таких странах. Это стало следствием осознания взаимосвязи между рациональным дошкольным воспитанием и формированием будущих поколений: только здоровые дети смогут обеспечить в перспективе экономическое и социальное благополучие. Тем самым здоровый образ жизни можно рассматривать как основу процветания общества. Поэтому практически все развитые страны мира, в большей или меньшей степени, стремятся повысить

качество дошкольного воспитания в интересах гармонизации развития ребенка и всего населения.

Несмотря на наличие научных публикаций, посвященных организации здорового образа жизни дошкольников за рубежом, имеется целый комплекс вопросов требующих дальнейшего изучения и разработки. Так, недостаточно четко сформулированы критерии оценки качества профилактики и укрепления здоровья в дошкольном образовании. Отсутствует теоретическое обоснование планирования и реализации образовательных и психологических мероприятий в дошкольном образовательном учреждении. В неполной мере определены условия организация для дошкольников необходимой социальной среды, которая сможет побудить в ребенке потребность в ЗОЖ.

Целью исследования является анализ организации здорового образа жизни дошкольников за рубежом и внедрение наиболее эффективных технологий в отечественную практику деятельности дошкольных образовательных учреждений.

Основная часть. Физическая активность в раннем детстве способствуют психическому здоровью и благополучию. Дошкольный период выступает критическим интервалом в формировании здорового образа жизни. В этом раннем возрасте дети должны заниматься посредством структурированной и неструктурированной игры. Как первая ступень системы образования, дошкольное учреждение является идеальным местом для продвижения ЗОЖ и обеспечивает большой потенциал для профилактических вмешательств. Следовательно, ЗОЖ необходимо рассматривать в качестве ведущей составляющей дошкольной образовательной программы [1].

Высокий уровень экономического развития стран позволяет осуществлять почти полную доступность дошкольного образования для всех детей дошкольного возраста. Созданное экономическое благополучие дает возможность проводить исследования и перманентно преобразовывать систему дошкольного образования в зависимости от требований времени, учета новых методик воспитания и обучения, создания более рационального рациона питания. Достижения в здравоохранении развитых стран дает возможность поддерживать высокие стандарты охраны здоровья, в первую очередь детей.

Перед мировым сообществом ООН поставлена задача: обеспечить к 2030 году всем детям качественное развитие в раннем возрасте, уход и дошкольное образование. Тем не менее, несмотря на доказанные пожизненные преимущества дошкольного образования, половина детей дошкольного возраста в современном мире, то есть, по меньшей мере, 175 миллионов детей, не зачислены в дошкольные образовательные учреждения в эти жизненно важные годы [2]. Несмотря на всю очевидность, указывающую на прекрасную перспективу сделать качественное дошкольное образование универсальным, в большинстве стран расширение дошкольного образования идет медленно и неравномерно. Прогресс в разных регионах, в разных странах и внутри стран сильно отличается, и эти различия затрагивают многие миллионы дошкольников в мире. В странах с высоким уровнем дохода 83 % детей обучаются в дошкольных учреждениях по сравнению с 22 % в странах с низким уровнем дохода, дифференциация составляет 61 % [3].

Дошкольное воспитание и образование в таких странах как Италия, Англия, Бельгия, Франция, Нидерланды охватывает практически всех детей, в Швеции, США, Австрии, Германии достигает 60–95 % [4]. В экономически неразвитых странах мира дошкольное образование не охватывает всей детей, отсутствует возможность получать раннее развитие и обучение. Неспособность обеспечить качественное дошкольное

образование ограничивает будущее детей, лишая их возможности полностью раскрыть свой потенциал. Это также ограничивает будущее стран, лишая их человеческого капитала, необходимого для уменьшения неравенства и содействия мирному, процветающему обществу. По данным UNICEF (Фонд ООН помощи детям), дети, зачисленные как минимум на один год дошкольного образования, с большей вероятностью приобретут навыки, необходимые для достижения успеха в школе, и с меньшей вероятностью будут бросать учебу. Сегодня необходимо 9,3 миллиона новых воспитателей для достижения всеобщего дошкольного образования [5].

Дошкольное образование обеспечивает наивысшую отдачу от инвестиций среди всех составляющих уровней образования [6], так как способствует увеличению потребности в начальной школе, повышает эффективность и улучшает обучение [7]. Тем не менее, дошкольное образование получало меньшую долю бюджетного финансирования, чем начальное, среднее или высшее образование в течение последних 10 лет. В 2017 году страны с низким уровнем дохода в среднем тратили почти половину своего бюджета на начальное образование (46,9 %), за которыми следовали расходы на среднее образование (25,7 %), высшее образование (21,7 %). Лишь только 1,95 % было потрачено на дошкольное образование [A World Ready to Learn: Prioritizing quality early childhood education. <https://data.unicef.org/resources/a-world-ready-to-learn-report>].

В большинстве стран мира увеличился объем услуг, предоставляемых дошкольными образовательными учреждениями, что явилось следствием растущего спроса на лучшие результаты последующего обучения в школе и в ВУЗах. Однако, расширение доступа без должного внимания к качеству услуг недостаточно для обеспечения хороших индивидуальных и социальных результатов. Важное значение имеет квалификационное качество персонала, насколько специализированная и практическая подготовка включены в начальное обучение персонала, какие виды профессионального развития и образования доступны и освоены персоналом, какой профессиональный стаж воспитателей.

На качество привития дошкольникам знаний влияет соотношение количества детей на одного педагога: чем ниже данное соотношение, тем лучше дети приобретают когнитивные (математика и естествознание) и лингвистические (язык, чтение и распознавание слов) навыки. В среднем на одного воспитателя приходится 14 учеников в странах ОЭСР. Соотношение учеников и воспитателей колеблется от более 20 детей во Франции, Израиле, Мексике и Турции до менее 10 в Чили, Исландии, Новой Зеландии, Словении и Швеции (рис. 1).

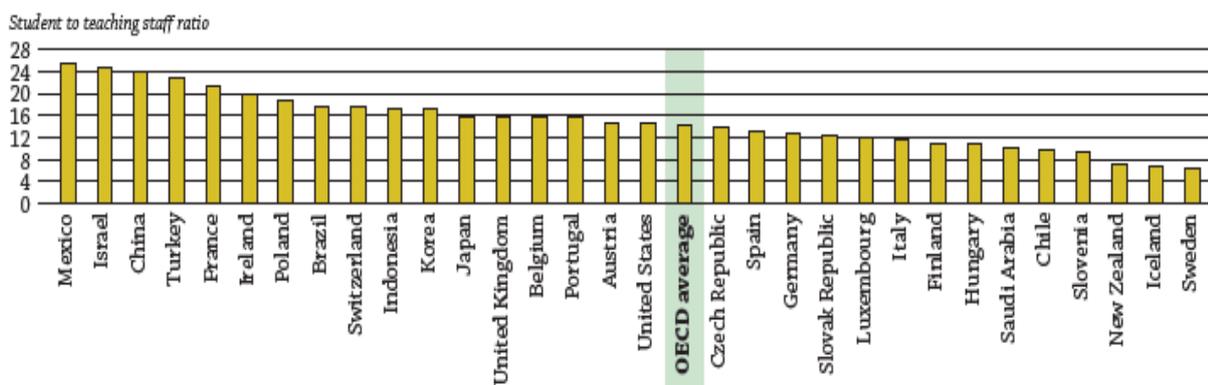

Рис. 1. Соотношение детей и воспитателей в дошкольном образовательном учреждении в странах ОЭСР [8].

С целью большей доступности дошкольного образования многие страны дают возможность родителям не оплачивать услуги ДОУ. Так, в Нидерландах такая возможность предоставляется для детей 4 и 5 лет, в Англии и Шотландии для детей 3 и 4 лет. Ряд стран распространили такое право и на детей младшего возраста: Франция, Израиль, Мексика, Португалия и Швеция всем детям в возрасте от 3 до 6 лет.

В целом государственные расходы на дошкольные образовательные учреждения в странах ОЭСР значительно варьируют, составляя в среднем 9% ВВП от расходов на учебные заведения или, в среднем, 0,5 % от общего ВВП. Большее финансирование осуществляется (0,8 % и больше) в Дании, Исландии, Израиле и Испании; 0,1 % или менее ВВП расходуются в Австралии и Ирландии. Частное финансирование ДОУ распространено в Бельгии, Эстонии, Люксембург, Нидерланды и Швеции (от 5 % или менее), 25 % и более в Австрии и Германии; более 48 % в Австралии, Японии, Южной Корее (рис. 2).

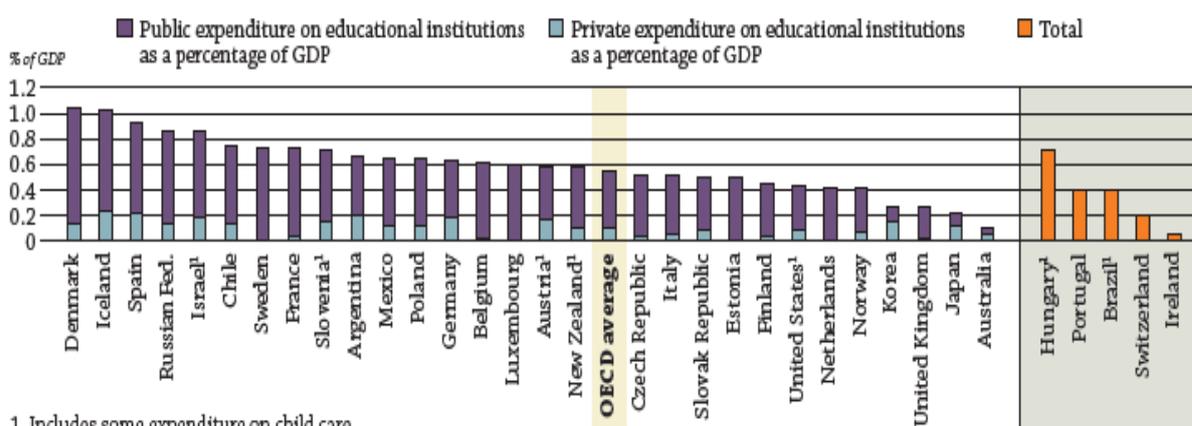

Рис. 2 Расходы на дошкольные образовательные учреждения в процентах от ВВП [8].

Исследования показывают, что качественное образование и уход в раннем детстве влияет на развитие и обучение детей. Существует консенсус в отношении того, что качество процессов, таких как взаимодействие между персоналом и детьми и деятельность в области развития, является основной движущей силой развития навыков детей [9, с. 13]. Поощрение государственной политики, способствующей физической активности через учреждения дошкольного образования и обучение персонала, может предоставить детям дополнительные возможности быть физически активными, и, в целом, укрепления здоровья [10].

Дошкольный период рассматривается исследователями как наиболее критически важный этап развития человека, оказывающий влияние на всю последующую жизнь. Совокупность навыков, накопленных образовательных и воспитательных ресурсов, полученных в ранние годы, переносятся в подростковый возраст, во взрослую жизнь, и оказывают непосредственное активное влияние на социально-экономические достижения человека, на его здоровье, способность создавать крепкую семью и растить детей, на взаимоотношения с окружающими. Поэтому, воспитание и образование детей в этот период необходимо осуществлять комплексно, многогранно, используя всевозможные положительные инструменты влияния.

В Канаде в 2017 году на федеральном уровне принята программа «Многосторонняя система раннего обучения и ухода за детьми» («Multilateral Early Learning and Child Care Framework») нацеленная на поддержку развития здорового

образа жизни детей в дошкольном возрасте. В документе подчеркивается важность раннего развития детей и «дальнейшее развитие систем раннего обучения и ухода за детьми является одной из лучших инвестиций, которые правительства могут сделать для укрепления социальной и экономической структуры страны» [11, с. 10-11]. В документе изложены пять принципов дошкольного воспитания и образования: высокое качество, доступность, допустимость, гибкость и инклюзивность.

Австралийское руководство по круглосуточному движению для детей младшего возраста представляет собой адаптацию канадского Руководства по 24-часовому движению для детей младшего возраста (Australian 24-Hour Movement Guidelines for the Early Years). Оно основывается на необходимости интеграции и всех двигательных движений ребенка в течение всего дня, взаимосвязи между физической активностью, малоподвижного поведения и сна. В дошкольный период ребенку целесообразно обеспечивать баланс между рекомендуемым сном, физической активностью, временем, проводимым в сидячем положении, играми с игрушками, чтением, пением и др. Интеграция круглосуточного движения позволяет обеспечивать целостный суточный баланс двигательной активности, влияние изменения одного поведения на другое, их взаимосвязь. Как показала практика использования положений руководства на практике, в целом наблюдается улучшение здоровья и развитие детей [12]. Характеристики программы и модели ее реализации зависят от степени, в которой конкретная программа более тесно связана с системами здравоохранения или системы образования, и она может варьировать в зависимости от страны. Тем не менее, межотраслевая интеграция имеет решающее значение для эффективности программ и услуг, направленных на развитие, уход и образование детей [13].

В Германии на национальном уровне отсутствуют единые критерии оценки качества профилактики и укрепления здоровья в дошкольном образовании. Тем не менее, разработаны научно обоснованные руководства по сертификации дошкольных учреждений в области ЗОЖ. Нормативные регулирующие документы включают различные элементы качества для оценки степени, в которой систематическое продвижение ЗОЖ интегрировано в повседневную дошкольную жизнь. Разработанные и апробированные педагогические условия ЗОЖ включают:

- осуществление оценки основных критериев и показателей ЗОЖ, сформированных у детей дошкольного возраста;
- формирование ценностного отношения дошкольников к собственному здоровью, знаний о компонентах ЗОЖ, навыков и умений, способствующих его достижению;
- поддержка активного сотрудничества воспитателей образовательных учреждений с семьей ребенка, направленного на формирование ЗОЖ;
- комплексная интеграция всех средств, форм, методов и видов деятельности, нацеленных на постоянное накопление у детей навыков и умений, создающих ЗОЖ.

По данным Национального центра статистики образования (NCES) США, число учащихся на уровне дошкольного образования возросло с 96 000 до более 1 миллиона человек в последние 30 лет [14]. Национальная ассоциация образования детей младшего возраста (NAEYC) определяет «раннее детство» как период роста до восьмилетнего возраста, и именно в этот период ребенок проходит самую быструю фазу роста и развития. Мозг ребенка развивается быстрее, чем в любой другой момент жизни, поэтому эти годы имеют решающее значение. В эти годы закладываются основы их социальных навыков, самооценки, восприятия мира и нравственного мировоззрения, а также развития когнитивных навыков [15].

Американская академия педиатрии (American Academy of Pediatrics) определяет здоровый образ жизни ребенка как совокупность правильного питания, физических упражнений, занятие спортом, поддержание личной гигиены, эмоциональное благополучие и полноценного сна [16]. Детям в возрасте 3–5 лет необходимо как минимум 3 часа физической активности в день или примерно 15 минут каждый час, когда они бодрствуют. Детям от 6 лет и старше необходимо 60 минут умеренной или высокой физической активности большую часть дней недели. Семья может заинтересовать своего ребенка физическими упражнениями в детстве и тогда, с большей вероятностью, они станут привычкой, которая сохранится на всю жизнь. Физические упражнения оказывают влияние и на эмоциональное состояние. Дети смогут ощутить, что окружающий мир стал лучше, потому что они в нем здоровые и счастливые. Кроме этого, конкретный выбор питания имеет значительное влияние на ЗОЖ, поэтому, родителям необходимо рассматривать выбор питания ребенка как решения, касающиеся здоровья. Количество и качество сна также влияет на безопасность ребенка, настроение, поведение и способности к обучению. Установление правильного сна, принесет им пользу и помощь на долгие годы. Здоровый образ жизни – это лучшее лекарство, которое родители могут дать своим детям на всю жизнь.

Образовательные учреждения по уходу за детьми предлагают уникальную возможность помочь детям дошкольного возраста получать необходимое количество физической активности, укреплять и развивать физически активный образ жизни, который позволяет нивелировать снижение активности, часто наблюдаемое у детей подросткового возраста [17]. Развитие и укрепление здоровья дошкольника достигается в условиях взаимодополняющего физического воспитания с воспитанием личности ребенка, в такой социальной среде, которая способствует формированию адекватной самооценки, самоуправлению, определенной автономности. Систематичность в реализации ЗОЖ необходима при осуществлении физкультурной и оздоровительной работы в детском саду, что позволяет добиваться улучшения состояния здоровья, создавать условия для успешного обучения в средней школе.

Необходимость развития ЗОЖ подтверждается проводимыми исследованиями (Л. М. Вандерлоо, П. Такер, Э. М. Джонсон, М. М. ван Зандворт, Ш. М. Берк, Д. Д. Ирвин). Результаты показывают [18], что дошкольники в детских садах имеют низкий уровень двигательной активности. По мнению авторов, меньшее количество сидячих занятий могут иметь положительное влияние на уровень активности дошкольников во время ухода за ними. Подчеркивается важность роли воспитателей в приобщении детей к физическим упражнениям. Физическая активность должна быть приоритетом при внесении изменений в среду, в которой дошкольники проводят большую часть своего времени, что поможет заложить основу для активного детства и юности. Фактически, необходимо создание в дошкольном образовательном учреждении особой среды, нацеленной на сбережение и укрепление здоровья детей, на основе активного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Слабая моторика и низкий уровень физической активности представляют собой серьезную проблему для здоровья детей по нескольким причинам, а именно: недостаточность основных двигательных навыков в дошкольном периоде связана с плохим самовосприятием [19], сниженными когнитивными способностями в лингвистике и математике [20], увеличением частоты несчастных случаев. Кроме того, недостаточное двигательное развитие в этом возрастном периоде также связывают с тревожным и депрессивным поведением в школьном возрасте [21], меньшим уровнем физической активности в подростковом возрасте [22]. Наряду с этим, основные

двигательные навыки оказывают положительное влияние на сердечно-сосудистую систему, предотвращают развитие лишнего веса в детстве [23].

Эффективное планирование и реализация образовательных и психологических мероприятий в детском саду позволяет сформировать у дошкольников представление о здоровом образе жизни как способности к индивидуальному росту, развитию и самосовершенствованию. Ш. Д. Моллой отмечает, что руководители дошкольных учреждений и медицинские работники, работающие с дошкольными учреждениями, должны поощрять службы и их персонал, уделяющий приоритетное внимание формированию у детей привычек, связанных со здоровьем, из-за того, что эти привычки могут иметь долгосрочный эффект [24].

Изменить поведение, связанное с развитием и укреплением здоровья, сложно. Для этого следует внедрить элементы вмешательства на основе активного участия воспитателей дошкольных учреждений и интегрировать в данный процесс семьи детей [25]. Наиболее важным условием выступает организация для дошкольника необходимой социальной среды, которая сможет побудить в ребенке потребность в ЗОЖ. Время пребывания воспитанника в течение дня достаточно продолжительное в ДОУ, поэтому воспитатели в большей мере имеют возможность развивать желание и заинтересованность со стороны детей. Окружающая среда дошкольного образования оказывает большее влияние на физическую активность дошкольников, чем социально-демографические факторы. К факторам физической среды относятся наличие игрового оборудования и размер игрового пространства [26], а к факторам социальной среды относятся методы воспитания, такие как предоставление детям возможностей для активности и участие в образовании и обучении физической активности [27]. Вторым условием можно рассматривать обучение детей необходимым знаниям о здоровье в целом, о человеческом организме и необходимости для него воплощения в реальность ЗОЖ. Без понимания со стороны ребенка личностных физических возможностей невозможно расставить правильные акценты на том, что полезно для здоровья, а что нет. Всевозможные физические упражнения, действия, направленные на обеспечение личной гигиены, будут проникать в сознание детей лишь при создании стимулов, способных вызвать у дошкольников искренний интерес и заинтересованность. По мнению П. Каушик и Р. Марваха, дети, которым преподают знания и умения в раннем возрасте, обычно имеют более высокие социальные навыки, в меньшей степени испытывают в будущем проблемы, связанные с поведением, получают более высокие оценки по изучаемым дисциплинам, с меньшей затратой времени и усилий. Уверенность в себе, полученная в процессе обучения в игровой форме, способствует развитию личности ребенка. Формируется позитивное отношение ребенка к обучению в целом, изучению иностранных языков, усиливается понимание, большая управляемость, помогает обучению ребенка в детском саду и на более высоких уровнях образования [28]. Третье, новые навыки и возможности детей, связанные с приобщением к ЗОЖ, должны находить свое проявление в повседневной жизни. Без должной реализации, без создания взрослыми ситуаций для выражения растущих физических возможностей, способностей, здоровый образ жизни не станет частью их сознания, прочным элементом внутреннего «Я».

Физическая активность жизненно важна для здорового роста и развития детей дошкольного возраста [29]. Для дошкольников участие в регулярной физической активности связано с улучшением здоровья и результатов развития, включая нормы здорового веса, физическую форму, двигательное развитие и здоровье костей [30]. В результате особую значимость приобретает формирование валеологической

направленности, как комплексной характеристики личности ребенка, которая включает набор знаний о ЗОЖ, осознанное ценностное отношение не только к своему здоровью, но и здоровью окружающих людей, способность выполнять все требования ЗОЖ, рационального поведения в повседневной жизни исходя из социального и собственного опыта.

Ежедневная физическая активность необходима для роста и развития детей. Она улучшает здоровье сердечно-сосудистой системы и костей, а также улучшает настроение, внимание и когнитивные способности. Физические упражнения имеют решающее значение для профилактики ожирения, особенно в дошкольном возрасте. Тем более, что большинство дошкольников США (56 %) проводят время в детских учреждениях. Многие из них проводят длительное время в таких условиях, им не хватает безопасного места для игр дома, поэтому единственная возможность для детей получать умеренную физическую нагрузку связана с пребыванием в детских садах. Для реализации ЗОЖ в детских садах, с точки зрения К. А. Коупленд, Дж. К. Хури, Х. Дж. Калкварф [31], необходимо соблюдение ряда условий:

- большое количество и разнообразие игрового оборудования на открытом воздухе;
- необходимое количество и разнообразие специализированного игрового оборудования в помещении;
- внутреннее пространство, доступное для активных игр детей;
- большая игровая площадка с элементами живой природы, достаточным количеством стационарного оборудования;
- необходимая подготовка персонала для реализации элементов ЗОЖ;
- сбалансированный распорядок дня;
- отсутствие телевизоров и компьютеров;
- пребывание на свежем воздухе не менее 60 минут для игр и физических упражнений.

Множество факторов влияет на приобретение компетенций, в том числе здоровье, питание, безопасность и защита, отзывчивый уход и раннее обучение; эти факторы взаимодействуют между собой и могут усиливать друг друга в процессе воспитания и обучения дошкольников. Все это необходимо для обеспечения воспитательного процесса, происходящего посредством двунаправленных взаимодействий, инициируемых как детьми, так и педагогами, обеспечивающими создание среды для полноценного развития [32]. Воспитатели дошкольного образования играют очень важную и ответственную роль в воспитании детей. Помимо ухода за детьми в своей группе, педагоги дошкольного образования несут ответственность за разработку и реализацию учебной программы для дошкольного класса, в котором они проводят занятия [33]. Важность, которую воспитатели дошкольного образования придают физической активности и другим формам здорового образа жизни, может быть отражена в их выборе программ обучения в классе [34].

С целью усиления оказываемого эффекта при реализации ЗОЖ процесс воспитания и образования требует постоянной поддержки педагогов, чтобы гарантировать, что непосредственный опыт детей, полученный в результате деятельности и взаимодействия, будет насыщен содержанием, будет стимулировать лучшие качества дошкольников, а также окажет эмоциональную поддержку. Аспекты качества процесса, которые представляются наиболее важными для достижений детей в дошкольные годы затрагивают два взаимосвязанных аспекта взаимодействия воспитателя и воспитанника. Во-первых, взаимодействие, направлено на поддержку

обучения, которое стимулирует как навыки мышления высшего порядка в целом, так и изучение содержания в таких конкретных областях, как ранняя математика и язык. Во-вторых, обучение и воспитание усиливается в контексте теплых, отзывчивых отношений воспитателя и ребенка, взаимодействий, которые характеризуются общением, совместным обсуждением и развитием тем занятий. Как теплый и отзывчивый стиль взаимодействия, так и взаимодействие, ориентированное на обучение, также предопределяет достижение успехов в дошкольные годы. Полученные данные свидетельствуют о том, что дети, у которых больше возможностей участвовать в соответствующих возрасту мероприятиях с использованием разнообразных материалов, таких как книги, кубики, песок и др. демонстрируют большие успехи в дошкольные годы (и эти достижения сохраняются в школьные годы) [35, с. 6].

Успехи в распространении ЗОЖ в дошкольном периоде во многом зависят от педагогов ДОУ, осознающих необходимость воспитания детей на основе «культы» здоровья, личности здоровой во всех своих проявлениях. К. Мак Уильямс, С. К. Болл, С. Э. Бенджамин, Д. Хейлз, Э. Вон, Д. С. Уорд считают необходимым разработку всеобъемлющих руководящих принципов физической активности в учреждениях по уходу за детьми, что приведет к более высокому уровню активности и обеспечит детям здоровье. Регулярная физическая активность помогает защитить детей от ожирения в дошкольном возрасте. Кроме того, физическая активность способствует двигательному развитию ребенка и обеспечивает основу для улучшения здоровья как в детстве, так и в будущем [36]. Систематичность проведения физических упражнений позволяет формировать в детях целый комплекс положительных качеств: первое, усиливается тенденция к развитию таких положительных свойств будущего характера, как организованность и целеустремленность; второе, постепенно формируются нравственные основы личности ребенка, находящие свое проявление в виде способности учиться в коллективе, росте чувства ответственности за порученное дело, пробуждение положительных сторон чувства собственного достоинства, справедливости; третье, закладывается фундамент для воспитания таких волевых свойств, как уверенность в своих способностях, настойчивость в достижении поставленных целей, решительность и самообладание; четвертое, физическая культура прививает ребенку эстетическое отношение к собственному телу, его физическому состоянию.

Воздействие на ребенка целесообразно оказывать и со стороны семьи, используя свое время, инвестиции, в зависимости от финансового состояния, общение и т. д. Современные научные исследования в области психологии, социологии, педагогики, экономики однозначно настаивают на необходимости инвестиций со стороны родителей в будущее детей, в том числе внимания, времени, которые родители тратят на своих детей и вместе с ними на развитие своего человеческого капитала. Проведенное исследование А. Ансари, Р. Кросное показали, что улучшения в воспитании детей, более выражены среди семей с более высоким доходом, но не варьируются в зависимости от уровня образования родителей. Результаты исследования имеют важное значение для программ развития, и позволяют предположить, что академические и поведенческие навыки детей могут быть использованы в качестве одного из средств содействия позитивному воспитанию детей [37].

На необходимость участия родителей в развитии ЗОЖ детей в ДОУ обращают внимание Р. Л. Никс, К. Л. Биерман, М. Мотамеди, Б. С. Хайнрихс, С. Джилл. Без активной роли семьи невозможно добиться положительного результата, их участие основывается не только на собственных представлениях о ЗОЖ, но прежде всего на программах, предлагаемых воспитателями ДОУ [38]. Исследования показывают

взаимосвязь между использованием родителей в качестве наставников для детей дошкольного возраста и улучшением их навыков овладения языками, в целом грамотности, развития отдельных навыков [39]. Готовность к школе, концептуализированная на трех компонентах, включая эмоциональную саморегуляцию, социальную компетентность и участие семьи / школы, а также отсутствие проблем с поведением, играют ключевую роль в будущей межличностной адаптации маленьких детей и их успехах в учебе [40].

Здоровый образ жизни не может ограничиваться только временем пребывания дошкольника в детском саду. Здоровый образ жизни должен осуществляться в круглосуточном режиме и без выходных, в противном случае он будет рассматриваться ребенком как дополнительная нагрузка (не всегда приятная). Без сотрудничества воспитателей с семьей ребенка сложно добиться продолжения реализации ЗОЖ в домашних условиях. Это требует формирования в семье благоприятной и доброжелательной атмосферы, поддержание родителями должного статико-динамического режима. Повышение заинтересованности и компетентности родителей является обязательным фактором развития ЗОЖ детей дошкольного возраста.

Внедрение ЗОЖ в практику ДОУ не всегда дает абсолютный положительный результат. Во-первых, результаты внедрения ЗОЖ и получения результата имеют продолжительный временной лаг, связанный с естественным взрослением ребенка. Эффект, если и наступает, то в относительно отдаленной перспективе. Во-вторых, эффективность ЗОЖ зависит и от массы факторов, связанных с качеством реализации компонентов ЗОЖ. Формальное внедрение не даст ожидаемого результата, в случае отсутствия заинтересованности со стороны воспитателей, родителей, непонимания целей самими дошкольниками. Исследования, проведенные Р. Фукинк, Л. Джилинк и Р. Оостдам в Нидерландах с 2000 по 2015 год показали, что специальные крупномасштабные программы, предназначенные для детей дошкольного и раннего возраста, не всегда имеют достаточную ценность по сравнению со стандартными программами. В ходе 21 экспериментального сравнения, изучалось около 50000 детей. Совокупный эффект ранних вмешательств по сравнению со стандартными группами дошкольного и раннего возраста не является статистически значимым. Неудовлетворительные результаты указывают на то, что специальные программы дошкольного образования в настоящее время не дают дополнительных преимуществ для развития детей младшего возраста в Нидерландах, по сравнению с обычными группами дошкольного и раннего возраста [41].

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Первое, на государственном уровне значительное внимание уделяется развитию ЗОЖ детей в дошкольном возрасте, существует четкое понимание необходимости поддерживать и укреплять качество здоровья и уровень физического, умственного, психологического развития подрастающего поколения. Это требует наличия высококвалифицированных воспитателей, создание необходимых условий для трудовой деятельности сотрудников ДОУ. При этом, воспитатели способные привить детям навыки ЗОЖ, должны владеть не только набором теоретических, но и практических знаний. Это требует постоянного повышения образовательного уровня педагогов ДОУ. Второе, государственная политика по развитию ЗОЖ в ДОУ проводится во взаимосвязи всех министерств и ведомств, имеющих непосредственное отношение к данному процессу. Государственные структуры, представляющие здравоохранение, образование, культуру, спорт согласовывают свои действия с целью усиления оказываемого положительного эффекта. Третье, зарубежный опыт показывает наличие тесной

взаимосвязи воспитателей ДОУ с родителями дошкольников, что проявляется через проведение мероприятий, направленных на развитие их педагогической, гигиенической, физкультурной компетентности в сфере ЗОЖ. Четвёртое, большое внимание уделяется контролю за правильным питанием дошкольников, условиями пребывания в структурах дошкольного образования, а также особенностям и объёму их двигательной активности. Пятое, распространение ЗОЖ имеет целью охватить практически всех дошкольников, детей всех категорий населения, в том числе, из социально-неблагополучных семей, сделать здоровый образ жизни массовым явлением, имеющим всеобщее распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sterdt, E., Pape, N., Kramer, S. et al. Do preschools differ in promoting children's physical activity? An instrument for the assessment of preschool physical activity programmes. *BMC Public Health* 13, 795 (2013). – <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-795>
2. A World Ready to Learn: Prioritizing quality early childhood education. April 2019, UNICEF – <https://data.unicef.org/resources/a-world-ready-to-learn-report/>
3. Computations by UNICEF, based on data from the UIS global database, 2018. The indicator is gross enrolment ratio of pre-primary education, both sexes, in most recent year (2010–2017). – <https://www.unicef.org/media/57926/file/A-world-ready-to-learn-advocacy-brief-2019.pdf>
4. Watson J. Starting Well: Benchmarking Early Education Across the World: A Report from the Economist Intelligence Unit / J. Watson. – London, New York, Hong Kong, Geneva: EIU, 2012. – 40 p.
5. Early childhood education. Every child deserves access to quality early childhood education. – <https://www.unicef.org/education/early-childhood-education>
6. García, J.L., Heckman, J.J., Leaf, D.E. and Prados, M.J., 2016. The life-cycle benefits of an influential early childhood program (No. w22993). National Bureau of Economic Research.
7. Jaramillo, A., & Mingat, A. (2008). Can Early Childhood Programs Be Financially Sustainable in Africa? Africa's Future—Africa's Challenge: Early Childhood Care and Development (ECCD) in Sub-Saharan Africa, 459-85.
8. How do early childhood education and care (ECEC) policies, systems and quality vary across OECD countries? Organisation for Economic Co-operation and Development, February 2013 (Education Indicators in Focus 11). Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development. Retrieved March 5, 2013. – <http://www.oecd.org/edu/skills-beyond-school/EDIF11.pdf>
9. OECD (2018), Engaging Young Children: Lessons from Research about Quality in Early Childhood Education and Care, Starting Strong, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264085145-en>
10. Kracht CL, Webster EK, Staiano AE. A natural experiment of state-level physical activity and screen-time policy changes early childhood education (ECE) centers and child physical activity. *BMC Public Health*. 2020;20(1):387. Published 2020 Mar 24. doi:10.1186/s12889-020-08533-8
11. Early Childhood Education and Care in Canada 2016. Martha Friendly, Elise Larsen, Laura Feltham, Bethany Grady, Barry Forer, Michelle Jones. <https://www.childcarecanada.org/sites/default/files/ECEC-in-Canada-2016.pdf>
12. Okely AD, Ghersi D, Hesketh KD, et al. A collaborative approach to adopting/adapting guidelines - The Australian 24-Hour Movement Guidelines for the early years (Birth to 5 years): an integration of physical activity, sedentary behavior, and sleep. *BMC Public Health*. 2017;17(Suppl 5):869. Published 2017 Nov 20. doi:10.1186/s12889-017-4867-6
13. Britto, P.R., S.J. Lye, K. Proulx, et al. 2017. Nurturing care: promoting early childhood development. *Lancet* 389: 91–102.
14. National Center for Education Statistics (NCES). – https://nces.ed.gov/programs/digest/d10/tables/dt10_039.asp?referrer=report
15. National Association for the Education of Young Children (NAEYC) <https://www.naeyc.org/>
16. American Academy of Pediatrics <https://www.healthychildren.org/English/healthy-living/Pages/default.aspx>
17. Ward, D. S. Physical Activity in Young Children: The Role of Child Care // *Medicine & Science in Sports & Exercise*: March 2010 - Volume 42 - Issue 3 - p 499-501 doi: 10.1249/MSS.0b013e3181ce9f85
18. Vanderloo L.M, Tucker P, Johnson A.M, van Zandvoort M.M, Burke S.M, Irwin J.D. The influence of centre-based childcare on preschoolers' physical activity levels: a cross-sectional study. *Int J Environ Res Public Health*. 2014;11(2):1794-1802. Published 2014 Feb 5. doi:10.3390/ijerph110201794

19. Vedul-Kjelsas V, Sigmundsson H, Stensdotter AK, Haga M. The relationship between motor competence, physical fitness and self-perception in children. *Child Care Health Dev.* 2012; 38 (3): 394–402.
20. Rhemtulla M, Tucker-Drob EM. Correlated longitudinal changes across linguistic, achievement, and psychomotor domains in early childhood: evidence for a global dimension of development. *Dev Sci.* 2011; 14 (5): 1245–54.
21. Piek JP, Barrett NC, Smith LM, Rigoli D, Gasson N. Do motor skills in infancy and early childhood predict anxious and depressive symptomatology at school age? *Hum Mov Sci.* 2010; 29 (5): 777–86.
22. Barnett LM, van Beurden E, Morgan PJ, Brooks LO, Beard JR. Childhood motor skill proficiency as a predictor of adolescent physical activity. *J Adolesc Health.* 2009; 44 (3): 252–9.
23. Lubans DR, Morgan PJ, Cliff DP, Barnett LM, Okely AD. Fundamental movement skills in children and adolescents: review of associated health benefits. *Sports Med.* 2010; 40 (12): 1019–35.
24. Johnston Molloy, C. (2013). The healthy incentive for pre-schools (HIP) project: the development, validation, evaluation and implementation of a healthy incentive scheme in the Irish full day care preschool setting. Technological University Dublin. doi:10.21427/D7WW20
25. Effects of a Physical Activity Intervention in Preschool Children. / Roth K., Kriemler S., Lehmacher W., Ruf K. C., Graf C., Hebestreit H. *Medicine & Science in Sports & Exercise*: December 2015 – Volume 47, Issue 12 – P 2542-2551 – doi: 10.1249/MSS.0000000000000703
26. Ng, M.; Rosenberg, M.; Thornton, A.; Lester, L.; Trost, S.G.; Bai, P.; Christian, H. The Effect of Upgrades to Childcare Outdoor Spaces on Preschoolers' Physical Activity: Findings from a Natural Experiment. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2020, 17, 468.
27. Gubbels, J.S.; Kremers, S.P.; van Kann, D.H.; Stafleu, A.; Candel, M.J.; Dagnelie, P.C.; Thijs, C.; de Vries, N.K. Interaction between physical environment, social environment, and child characteristics in determining physical activity at child care. *Health Psychol.* 2011, 30, 84–90.
28. Prabhat Kaushik, Rewa Marwaha. Importance of Pre School Education // *The progressive teacher.* Aug 26, 2014. <https://www.progressiveteacher.in/importance-of-pre-school-education/>
29. Skouteris, H.; Dell'Aquila, D.; Baur, L.A.; Dwyer, G.M.; McCabe, M.P.; Ricciardelli, L.A.; Fuller-Tyszkiewicz, M. Physical activity guidelines for preschoolers: A call for research to inform public health policy. *Med. J. Aust.* 2012, 196, 174–177.
30. Carson, V.; Lee, E.-Y.; Hewitt, L.; Jennings, C.; Hunter, S.; Kuzik, N.; Stearns, J.A.; Unrau, S.P.; Poitras, V.J.; Gray, C.; et al. Systematic review of the relationships between physical activity and health indicators in the early years (0–4 years). *BMC Public Health* 2017, 17, 854
31. Copeland KA, Khoury JC, Kalkwarf HJ. Child Care Center Characteristics Associated With Preschoolers' Physical Activity. *Am J Prev Med.* 2016;50(4):470-479. doi:10.1016/j.amepre.2015.08.028
32. Black, M.M., S.P. Walker, L.C.H. Fernald, et al. 2017. Early childhood development coming of age: science through the life course. *Lancet* 389: 77–90. <http://europepmc.org/article/med/27717614>
33. Copeland KA, Kendeigh CA, Saelens BE, Kalkwarf HJ, Sherman SN: Physical activity in child-care centers: do teachers hold the key to the playground? *Health Educ Res.* 2012, 27: 81-100.
34. Chow F, Humbert L: Physical activity and nutrition in early years care centres: barriers and facilitators. *Future Child.* 2011, 36: 26-31.
35. Investing in Our Future: The Evidence Base on Preschool Education. Hirokazu Yoshikawa, Christina Weiland, Jeanne Brooks-Gunn, Margaret R. Burchinal, Linda M. Espinosa, William T. Gormley, Jens Ludwig, Katherine A. Magnuson, Deborah Phillips, Martha J. Zaslow. Society of research in child development, 2013. <https://www.fcd-us.org/assets/2013/10/Evidence20Base20on20Preschool20Education20FINAL.pdf>
36. C. McWilliams, S. C. Ball, S. E. Benjamin, D. Hales, A. Vaughn, D. S. Ward. *Pediatrics* December 2009, 124 (6) 1650-1659; DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2009-0952>
37. A. Ansari, R. Crosnoe. Children's Elicitation of Changes in Parenting during the Early Childhood Years. US National Library of Medicine National Institutes of Health. – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4481872/>
38. R. L. Nix, K. L. Bierman, M. Motamedi, B. S. Heinrichs, S. Gill. Parent Engagement in a Head Start Home Visiting Program Predicts Sustained Growth in Children's School Readiness // US National Library of Medicine National Institutes of Health. – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6430128/?report=classic>
39. E. T. B. Mathis, K. L. Bierman Effects of Parent and Child Pre-Intervention Characteristics on Child Skill Acquisition during a School Readiness Intervention // US National Library of Medicine National Institutes of Health. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4894752/>
40. C. Webster-Stratton, M. J. Reid, M. Stoolmiller. Preventing conduct problems and improving school readiness: evaluation of the Incredible Years Teacher and Child Training Programs in high-risk schools //

US National Library of Medicine National Institutes of Health.
<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2735210/>

41. Фуккин Р., Джилинк Л., Оостдам Р. Метаанализ влияния раннего вмешательства на развитие детей в Нидерландах: неудобная правда? // Современное дошкольное образование. – 2019. – №2(92). – С. 70–79.

Поступила в редакцию 29.10.2020 г.

ORGANIZATION OF A HEALTHY LIFESTYLE OF PRESCHOOLERS ABROAD

A.A. Golovinova

The article examines the experience of organizing a healthy lifestyle in preschool educational institutions abroad. The importance of the development of a healthy lifestyle (HLS) in preschool children, the need to maintain and strengthen the quality of health and the level of physical, mental, psychological development of the younger generation is shown. The analysis of the relationship between teachers of a preschool educational institution (preschool educational institution) and the parents of preschoolers is carried out, which is manifested through the implementation of activities aimed at developing their pedagogical, hygienic, physical culture competence in the field of healthy lifestyle. The factors of creating the necessary conditions for the labor activity of preschool educational institutions, raising the educational level of teachers, under which educators are able to instill in children the skills of a healthy lifestyle have been determined. The conditions for the dissemination of healthy lifestyles are analyzed in order to cover preschoolers, children of all categories of the population, including those from socially disadvantaged families, which will make it possible to make a healthy lifestyle a mass phenomenon that is widespread.

Key words: health, healthy lifestyle, cooperation, interaction, harmonization of parent-child relations, pedagogical partnership, preschool educational institution, family, personality traits, upbringing, pedagogical capital, educational policy.

Головинова Алла Анатольевна

ассистент кафедры дошкольного и начального образования

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
воспитатель МДОУ «Ясли-сад № 212 г. Донецка».

E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

Golovinova Alla Anatolyevna

assistant of the Department of Preschool and Primary Education

SEI HPE “Donetsk National University”,
tutor MEI “Nursery-garden № 212 of Donetsk”.

E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

УДК 37.015.31: 316.42-021.414

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© 2020. А.А. Готко

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье проанализирована проблема формирования системы ценностных ориентаций студенческой молодёжи, изучены концептуальные подходы, определена и охарактеризована сущность понятия «социальные ценности». Установлено, что ценностные ориентации, выражая характер отношения человека к различным аспектам материального и духовного мира, занимают важное место в структуре личности, отражая уровень её развития. Выяснено, что образовательная деятельность является важным ресурсом формирования системы ценностных ориентаций студенческой молодёжи, требуя постоянной коррекции содержания, способов и средств патриотической ориентации молодого поколения.

Ключевые слова: социум, ценности, патриотизм, образование, воспитание, развитие.

Введение. Для молодого поколения вопрос гордости за страну является естественным: молодёжь Луганщины ассоциирует себя с Россией, выступая её движущей социальной силой. Отечественное студенчество является полноправным участником международного молодёжного сообщества, активно интегрируется как в общероссийские, так и глобальные экономические, политические и гуманитарные процессы.

От уровня культуры и взаимоотношений студенческой молодёжи во многом зависит стабильность общества, с учётом чего, недостаточный уровень внутренней культуры молодых людей – важная причина многих дилемм. В связи с этим, перед педагогической наукой и практикой стоит задача создания в образовательно-воспитательном процессе такой системы воспитания, которая повысит значимость для молодёжи патриотических ценностей. Механизмы и показатели формирования ценностей и ценностных отношений отражены в исследованиях М.И. Баишевой, И.В. Бурцевой, В.Д. Диденко, М.А. Дьячковой, Д.А. Леонтьевой, И.В. Москаленко, В.А. Слостенина, С.Б. Хыбыртовой, и др. Большинство учёных подчёркивает важность периода обучения в вузе для становления и духовного развития личности, формирования её ценностных ориентаций, однако проблема формирования социальных ценностей в психолого-педагогическом разрезе далека от своего решения. С учётом этого, целью данной статьи является теоретический анализ проблемы формирования ценностных ориентаций студенческой молодёжи.

Основная часть. Существовавшая в 1990-е – 2000-е гг. система образования уже не удовлетворяет требованиям современного общества. При этом, становление социокультурной компетентности специалистов, необходимых в новых условиях, происходит во время их обучения в высшем учебном заведении. В данной связи, отметим, что юношеский возраст – период интенсивного формирования мировоззрения, системы оценочных суждений, нравственной сферы человека, его убеждений и идеалов. Поскольку после победы движения «Русская весна» в 2014 г. обществом задаются новые целевые, содержательные и методические ориентиры, то уровень формирования ценностных ориентаций студенческой молодёжи является важным критерием эффективности организации воспитательного процесса учебными заведениями в целом.

Возвращение молодого поколения к системе ценностей, основанной не на идеологии потребления и конкуренции, а на чувстве соборности, воспитание патриотизма, преданности делу укрепления государственности и активной гражданской позиции в настоящее время является одним из важнейших приоритетов всех социальных институтов и признано общегосударственной задачей. В связи с этим, в ЛНР высшее образование является одной из приоритетных сфер развития общества. Государственная политика в данной области направлена не только на организацию учебного процесса в соответствии с социально-экономическими условиями, на создание условий для развития личности и её творческой самореализации, но и на обновление содержания образования на основе патриотических ценностей.

В законе ЛНР от 11 сентября 2015 г. «Об основах государственной молодёжной политики» особое внимание обращено на формирование системы ценностных ориентаций молодёжи, которая должна осуществляться на базе практикоориентированного подхода путём разнообразных форм работы с молодёжью с целью воспитания самостоятельной личности, ответственной за собственную жизнь и жизнь страны, активного члена гражданского общества [6].

Закон ЛНР от 30 сентября 2016 г. «Об образовании» определил главной целью образования передачу молодому поколению социального опыта, богатства духовной культуры народа, своеобразия его мировоззрения и на этой основе формирование личностных черт гражданина ЛНР, среди которых важнейшими являются патриотическое сознание и развитая духовность [7].

Итак, современность актуализировала потребность в поисках и формировании культурных и ценностных ориентаций человеческого бытия, адекватных духу эпохи. В социально-экономических и политических условиях ЛНР актуальность морально-аксиологической проблематики постоянно растёт. Под понятием «аксиологический подход» мы понимаем направленность воспитательного процесса в высшем учебном заведении на формирование ценностных ориентаций студенческой молодёжи. В этом случае, ведущей категорией аксиологического подхода, предполагающего характеристику личности как субъекта ценностных отношений, является ценность. Операционными аксиологическими категориями являются значимость, идеал, смысл, социальные нормы, оценка, ценностные ориентации и установки, а также личностные ценности – потребности, мотивация, цель, развитие, самореализация, профессионализм [4].

Настоящее ставит студенческую молодёжь перед необходимостью определить свои жизненные цели, стать личностью. Новое нередко противоречиво уживается со старым, что часто приводит к конфликту ценностей, поколений, народов. Общество Луганщины является обществом трансформационным, ориентированным на новые приоритеты, центром которых выступают патриотические ценности. Ценностные ориентации лежат в основе мировоззрения человека, его нравственных, политических, эстетических убеждений и вкусов, определяют его поведение.

Ключевой категорией данного исследования является понятие «ценностные ориентации». При условии чёткого определения их сущности можно выяснить значение социальных ценностных ориентаций, их функций и места в структуре развития личности. Исследования сущности и структуры ценностных ориентаций студенческой молодёжи проводят учёные в области философии, педагогики, психологии, социологии. Это обусловлено рядом причин, которые привели к изменению ценностных ориентиров общества в целом и студенческой молодёжи в частности, потому что именно она является главным двигателем этих социальных изменений. На протяжении обучения в университете студенты осознают свою

принадлежность к государству, проникаются чувствами уважения к истории, культуре, традициям, обычаям своего народа и выступают активной силой политических перемен, поэтому именно от них во многом будет зависеть будущее Луганщины.

Методологической базой образования и воспитания молодежи в XXI в. является философская теория ценностей и педагогическая теория ценностного воспитания личности. Каждый человек, с одной стороны, наследует духовный опыт предшествующих поколений, их традиции, веру, обычаи, язык, культуру, а с другой стороны, проходит онтологический процесс осознания, интерпретации и принятия духовного опыта, а также формирования собственной социальной и этнической самоидентификации. Рассмотрим различные подходы к трактовке сущности понятия «ценности».

Ценности – это продукты и объекты, явления материального и духовного плана, имеющие большую значимость, то есть способные удовлетворять определённые потребности общества или отдельного человека. При том, что ориентации – это направленность психики на определённые предметы и объекты, ценностные ориентации – это убеждения, что именно эти предметы, объекты и явления необходимы для удовлетворения тех или иных индивидуальных и групповых интересов, к которым следует стремиться.

Кроме того, на базе ценностей формируются этические идеалы, основные убеждения и цели индивидуума и общества. Педагогический энциклопедический словарь под редакцией Б.М. Бим-Бада трактует основную цель ценностного воспитания как «формирование у молодёжи способностей к выбору нравственных ценностей, создание нравственных критериев, основанных на гуманистических идеалах» [10, с. 315]. Ценностные ориентации формируются в процессе социального развития личности, её участия в трудовой деятельности. Различия чаще всего проводятся по оси «общее – индивидуальное» или «то, что существует реально – то, что рефлексивно осознаётся». Именно благодаря интересам и убеждениям формируются ценности личности, что является результатом совокупности диалектики комплекса мотивов и стимулов. Исследователи М. И. Баишева и С. Б. Хыбыртова особое значение в педагогической теории оказывают ценностям духовного характера – умственному воспитанию, современным идеям, высоким моральным и эстетическим представлениям [1, с. 15–24; 14, с. 141–145]. Они являются показателями духовного здоровья и духовной зрелости личности и общества.

Большинство научных исследований подчёркивает значимость вузовского этапа формирования личности, важности этого периода для её духовного развития, формирования ценностных ориентаций. В этом смысле И.В. Бурцева акцентирует внимание на зависимость ценностей личности от потребностей общества [2, с. 11–13]. По мнению В.И. Плотникова, термин «ценность» выступает синонимом таких понятий, как «смысл» и «значимость». Данный учёный отмечает также и то, что практическое отношение человека к миру заключается в выделении ним значимых предметов, представлений и ценностей. Жизненные ценности и потребности влияют на человека и детерминируют его поведение [11]. Но, с нашей точки зрения, более логична мысль о ценности как аспекте мотивации, а о ценностных ориентациях – как разновидностях социальных проявлений. В этой связи, М.А. Дьячкова считает, что современное состояние педагогической теории и практики требует научного определения систем ценностей: тех, на которые должно ориентироваться образование сегодня и в перспективе, а также тех, которые должны создаваться и формироваться в самом образовательном процессе [5, с. 141–148].

Анализируя ценностные ориентации студенческой молодёжи, необходимо отметить, что для данной возрастной категории характерна направленность на будущее, а физические и умственные способности, которые формируют уверенность в себе, нередко превращаются в самоуверенность. Молодёжи часто характерна частая переоценка ценностей, поскольку её нравственные взгляды находятся в процессе систематизации. В анализе сложных явлений окружающей действительности молодым людям часто не хватает гибкости и жизненного опыта старших поколений. По этой причине, юношеский максимализм и большая эмоциональная возбудимость часто создают трудности, однако именно в этот период ценностные ориентации уточняются и кристаллизуются. Большую роль в формировании ценностей у молодёжи играют родители и взрослые в целом, они оказывают поддержку для совершенствования собственной системы саморегуляции, развития самостоятельности и целеустремлённости молодого поколения.

Исследование ценностных ориентаций данной возрастной группы демонстрирует следующую закономерность: юноши на первое место ставят свои интересы, карьеру и профессию, деньги, а девушки – взаимоотношения с юношами, семью, здоровье близких. Данная особенность, прежде всего, отражает такое психологическое проявление как социальное ожидание. К началу XXI в. условия развития молодёжи и связанное с ними мировоззрение претерпело большие изменения. По сравнению с предыдущими периодами, современная молодёжь становится более раскованной и самостоятельной, быстрее начинает ориентироваться в обществе. Но не всегда самостоятельность – положительное явление. Конечно, сейчас изменились и жизненные ценности нового поколения, если 10–20 лет назад основной задачей для молодёжи была учёба, уважение к старшим, то сейчас мнение родителей и друзей интересует её в гораздо меньшей мере; эгоистические черты характера стали более заметными.

Итак, ценностные ориентации – это, прежде всего, предпочтение или отказ от определённого содержания жизненноорганизующих начал и готовность вести себя в соответствии с ними. В этой связи, ценностные ориентации определяют:

- общую направленность интересов и стремлений личности;
- иерархию индивидуальных эталонов;
- целевые и мотивационные программы;
- представление об истинном и механизмы селекции целей и задач по критериям значимости;
- меру готовности и решимости к реализации собственного «проекта» жизненной линии.

Для теоретического анализа проблемы формирования ценностных ориентаций преимущественное значение имеет педагогическая аксиология, определение которой осуществили В.А. Сластёнин и Г.И. Чижаква. По мнению данных исследователей, это отрасль педагогического знания, исследующая образовательные ценности с точки зрения самой ценности человека и осуществляющая ценностные подходы на основе определения ценности самого образования [12, с. 99].

Формирование ценностных ориентаций студенческой молодёжи можно представить в виде трёх этапов: на первом этапе происходит переоценка ценностей и идеалов; на втором этапе усвоение ценностей происходит путём создания коммуникативных функциональных единиц эмпирических представлений; основой третьего этапа является деятельность, обусловленная личным внутренним отношением к объективным условиям траектории жизни [13, с. 227].

История человечества сформировала идеальное представление о человеке как личности, сутью которой являются духовные стремления. Именно это представление о «достойном человеке» является ныне общечеловеческим и само собой разумеющимся [3]. Педагогический аспект ценностей и ценностных ориентаций рассматривается в контексте воспитания, эмоционального развития, обучения, мировоззренческого роста личности. В этом ракурсе необходимо обратить внимание на фундаментальный вывод И.В. Москаленко о том, что в духовно совершенное «Я» личность может трансформироваться благодаря высшим ценностям, к которым она стремится и которые в таком случае будут определять масштаб её реального «Я», повышая его качество [9, с. 63–69]. Учёный считает, что основной целью воспитания является усвоение личностью высших духовных ценностей, формирующих реальный масштаб духовного «Я». С учётом этого, основным ориентиром современной педагогики, основой ценностных ориентаций, по мнению Д.А. Леонтьева, должна стать «способность человека к саморегламентации, осознанному самоограничению и самопреодолению» [8, с. 16–21].

Заключение. Подводя итог, отметим, что система ценностных ориентаций является многофункциональной, поскольку одновременно выполняет широкий круг задач. Следовательно, чем выше ранг ценностей личности, тем она более независима от исторических условий, социальных изменений, взглядов и вкусов отдельных людей. Вместе с тем, большинство проанализированных исследований не в полной мере освещает вопросы формирования ценностной сферы личности, а именно её прикладного содержания, по этой причине, существует потребность в дальнейшем изучении содержательных и структурно-динамических характеристик системы ценностных ориентаций студентов высшего учебного заведения. Важной также является проблема совершенствования путей и методов создания эффективных педагогических условий для формирования ценностных ориентаций студенческой молодёжи, поскольку именно на этом возрастном этапе приобретает первый опыт самовыражения, самоутверждения и самореализации. Перспективные пути решения данной проблемы связываем с изучением и обоснованием применения в практике образовательного процесса высшего учебного заведения личностно ориентированных педагогических технологий формирования системы ценностных ориентаций студенческой молодёжи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баишева М.И. Формирование духовно-ценностных основ безопасности личности в образовании / М.И. Баишева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2016. – № 4 (04). – С. 15–24.
2. Бурцева И.В. Аксиологический подход к развитию духовности студентов вуза / И.В. Бурцева // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 2(57). – С. 11–13
3. Диденко В.Д. Духовная культура. Философия / В.Д. Диденко. – М.: Наука, 1989. – 137 с.
4. Духовно-нравственное воспитание молодёжи в современной России / Под ред. Г.И. Дзида. – М.: Спутник+, 2013. – 320 с.
5. Дьячкова М.А. Понятия ценность и духовно-нравственные ценности в педагогике / М.А. Дьячкова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – №. 4. – С. 141–148
6. Закон ЛНР от 11 сентября 2015 г. «Об основах государственной молодёжной политики» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1891>.
7. Закон ЛНР от 30 сентября 2016 г. «Об образовании» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606>.
8. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной конструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 16–21.

9. Москаленко И.В. К проблеме изучения нравственных ценностей: нравственные национальные ценности: нравственные национальные ценности / И.В. Москаленко // Проблемы и перспективы развития образования в XXI: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты). Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пенза–Ереван–Прага: Социосфера, 2011. – С. 63–69.
10. Педагогический энциклопедический словарь / Под ред. Б.М. Бим-Бада. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 528 с.
11. Плотников В.И. Ценностный мир человека и его судьба / В.И. Плотников // Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 194 с.
12. Слостенин В.А. Введение в педагогическую аксиологию / В.А. Слостенин, Г.И. Чижаква. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
13. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций / Под ред. В.И. Астаховой. – Х.: НУА, 2010. – 408 с.
14. Хыбыртова С.Б. Формирование духовно-нравственных ценностей студентов средствами историко-педагогического наследия / С.Б. Хыбыртова // Кант. – 2018. – № 2(27). – С. 141–145.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

FORMATION OF SOCIAL VALUES AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

A.A. Gotko

The article is devoted to the problem of forming a system of value orientations of student youth, studies conceptual approaches, defines and characterizes the essence of the concept of «social values». It has been established that value orientations, expressing the nature of a person's attitude to various aspects of the material and spiritual world, occupy an important place in the structure of the personality, reflecting the level of its development. It was found that educational activity is an important resource for the formation of a system of value orientations of student youth, requiring constant correction of the content, methods and means of patriotic orientation of the young generation.

Key words: society, values, patriotism, education, upbringing, development.

Готко Александр Александрович
Аспирант ГОУ ВО ЛНР «Луганский
государственный педагогический университет».
E-mail: gotko86@mail.ru

Gotko Alexander Alexandrovich
Postgraduate student,
Lugansk State Pedagogical University.
E-mail: gotko86@mail.ru

УДК 378.046.4

ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ К ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2020. *Е.Ю. Дробышев*

МОУ «Средняя школа № 4 города Макеевки»

В статье описана процедура и результаты опытно-экспериментальной проверки формирования профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся общеобразовательных организаций в рамках учебного предмета «химия». Формирование профессиональной готовности учителей происходило посредством реализации разработанной авторской технологии формирования профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся.

Ключевые слова: повышение квалификации, последипломное образование, учебно-исследовательская деятельность, профессиональная готовность учителей, готовность к организации учебно-исследовательской деятельности.

Введение. В системе непрерывного образования учителей имеет большое значение дополнительное профессиональное педагогическое образование (ДППО), в частности профессиональное повышение квалификации. Периодическое повышение квалификации является крайне важной и неотъемлемой частью профессионального развития и совершенствования личности учителя, поскольку именно профессионализм учителя определяет уровень образования, а через него – интеллектуальный потенциал общества и социально-экономическое развитие страны.

Современный социум ставит перед учителем постоянно усложняющиеся задачи, направленные на внедрение в образовательный процесс результативных способов обучения, например, внедрение инновационных форм обучения. Одной из таких форм является учебно-исследовательская деятельность (УИД). Под УИД мы понимаем вид совместной деятельности обучающегося и учителя-наставника, направленной на решение образовательных исследовательских задач творческим, нестандартным способом, целью которой является получение обучающимся новых знаний, умений и навыков.

Вовлеченность обучающихся в УИД способствует развитию всесторонне-образованной личности, адаптированной к социуму, развитию ее творческих и аналитических способностей, навыков, направленных на самостоятельный поиск информации, приобретение знаний и применение их на протяжении всей жизни [3]. Применение УИД в образовательном процессе способствует, созданию инновационных форм развития обучающихся в активной интеллектуально-познавательной деятельности.

Мы считаем, что для эффективной организации УИД обучающихся у учителя должна быть сформирована профессиональная готовность к такого рода деятельности. Под профессиональной готовностью учителя химии к организации УИД обучающихся мы понимаем качество личности, характеризующиеся стремлением к накоплению педагогического опыта по организации УИД, развитием внутренней мотивации к

руководству УИД, совершенствованием личностно-профессиональных качеств, направленных на обогащение теоретическими знаниями в области организации УИД, их применением на практике и способностями к педагогической рефлексии.

Цель: краткое описание процесса формирования профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся общеобразовательных организаций посредством внедрения разработанной технологии формирования профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности (ТФПГУ), ее результативности.

Основная часть. Формирование профессиональной готовности к какому-либо роду деятельности происходит благодаря развитию определенного набора компонентов профессиональной готовности. Анализ научной педагогической литературы дал нам возможность выделить в структуре профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся мотивационный, личностный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты [1; 2; 5].

Мотивационный компонент характеризуется осознанием необходимости инновационной деятельности, наличием желания учителя к внедрению инновационных технологий в образовательный процесс, интересом к инновациям в профессиональной педагогической деятельности.

Личностный компонент рассматривается как эмоционально-личностная готовность учителя к ведению инновационной деятельности, ценностное отношение к ней.

Когнитивный компонент представляет собой набор теоретических знаний, при помощи которых, учитель готов ставить перед собой проблему и находить пути ее решения в своей инновационной педагогической деятельности.

Деятельностный компонент отражает конкретные практические действия учителя по организации и внедрению инновационных методов и форм работы на основе имеющихся теоретических знаний о них.

Рефлексивный компонент заключается в готовности учителя анализировать и корректировать свою профессиональную деятельность, проектировать процесс своего профессионального роста, умения осознавать свою конкурентоспособность и стремлении к ее увеличению.

В состав компонентов профессиональной готовности входят сформированные профессиональные педагогические компетенции, под которыми мы понимаем совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности, необходимых для эффективной реализации профессиональных задач. Мы считаем, что для формирования профессиональной готовности учителя химии к организации УИД обучающихся, он должен обладать не только профессиональными педагогическими компетенциями, но и определенным набором дополнительных компетенций, связанных с исследовательской деятельностью в целом.

Опираясь на разработанные нами характеристики компонентов профессиональной готовности, руководствуясь принципами социального заказа, целеполагания, научности, системности, целостности, профессиональной целесообразности, наставничества нами была разработана ТФПГУ [4], модель которой приведена на рис. 1.

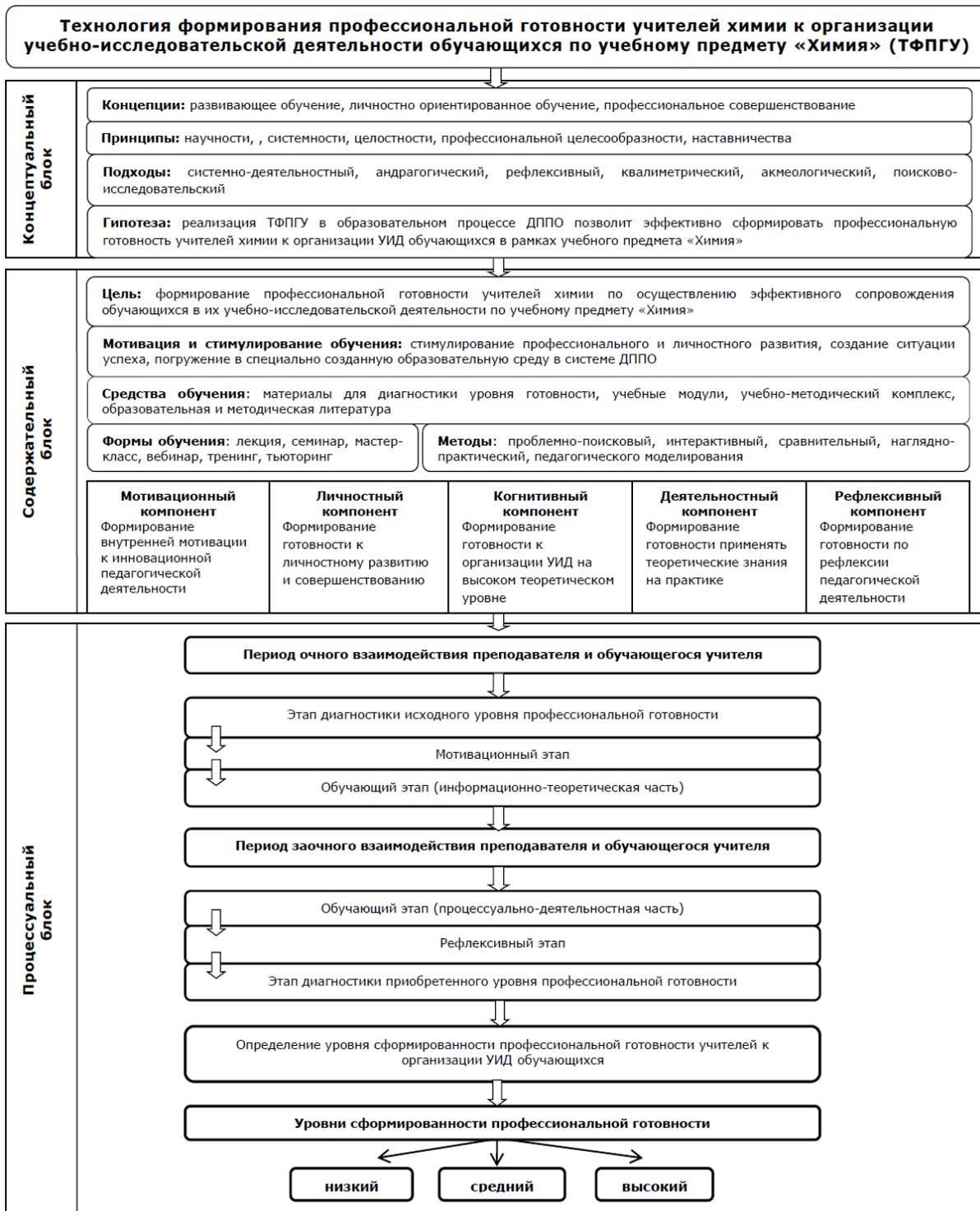

Рис. 1. Модель ТФПУ

Мотивационный компонент профессиональной готовности характеризуется нами такими профессиональными педагогическими компетенциями как: готовность учителя химии к профессиональному росту, развитию мотивации к ознакомлению с современными педагогическими инновациями и возможностями их применения на практике; к разработке авторских инновационных образовательных продуктов.

Дополнительной компетенцией мы считаем готовность учителя химии к профессиональному росту и развитию в вопросах организации УИД обучающихся.

Личностный компонент профессиональной готовности содержит следующие профессиональные педагогические компетенции: готовность учителя химии к личностному развитию и самосовершенствованию; внедрению инновационных технологий; руководству своими действиями; самоорганизации. Дополнительной компетенцией является готовность учителя химии к формированию ценностного отношения к УИД обучающихся.

Когнитивный компонент профессиональной готовности, по нашему мнению, должен содержать профессиональные педагогические компетенции, являющиеся набором теоретических знаний, при помощи которых, учитель химии готов ставить перед собой проблему и находить пути ее решения в своей профессиональной деятельности. Дополнительной компетенцией выступает набор теоретических знаний, при помощи которых, учитель готов к эффективной организации УИД в общеобразовательной организации в рамках учебного предмета «Химия».

Деятельностный компонент в своем составе содержит такие профессиональные педагогические компетенции как: готовность учителя химии применять теоретические знания в практическом решении профессиональных задач, готовность к разработке авторских инновационных образовательных продуктов. Дополнительная компетенция характеризуется готовностью учителя химии к применению теоретических знаний для практического решения профессиональных задач по организации УИД обучающихся.

Рефлексивный компонент содержит такие профессиональные педагогические компетенции как: готовность учителя химии к анализу и обобщению профессиональной педагогической деятельности, проектированию и реализации процесса собственного профессионального роста. Дополнительная компетенция описывает готовность учителя химии к анализу собственной педагогической деятельности по организации УИД обучающихся.

Для объективной диагностики уровня профессиональной готовности учителей при конструировании ТФПГУ был подобран и разработан диагностический инструментарий, содержащий комплекс методик, критериев оценивания и показателей готовности профессиональной готовности.

Показатели готовности и методики, при помощи которых производилось оценивание, перечислены в таблице 1.

Таблица 1

Методики для диагностики уровня профессиональной готовности учителей химии в рамках реализации ТФПГУ

Показатели готовности	Методики
Мотивационный компонент	
Уровень внутренней мотивации к организации УИД обучающихся	Модифицированная методика диагностики внутренней мотивации Т. Д. Дубовицкой
Личностный компонент	
Уровень творческой исследовательской направленности личности по организации УИД обучающихся	Модифицированная карта педагогической оценки и самооценки способностей учителя к инновационной деятельности В.А. Сластёнина и Л.С. Подымовой
Когнитивный компонент	
Уровень владения теоретическими знаниями об организации УИД обучающихся	Модифицированный тест по теории организации УИД обучающихся

Продолжение табл. 1

Деятельностный компонент	
Уровень умений по планированию и организации УИД обучающихся	Проблемное задание по составлению плана реализации УИД (по А.В. Леонтовичу)
	Проблемное задание. Анализ отчета об УИД обучающегося на предмет наличия ошибок
	Количественные показатели участия обучающихся в конкурсах исследовательской направленности различных уровней сложности (муниципальный, республиканский, международный)
Рефлексивный компонент	
Уровень сформированных рефлексивных способностей учителя по организации УИД обучающихся	Модифицированная методика определения уровня рефлексивности А.В. Карпова

Разработанная нами ТФПГУ, ориентированная на формирование профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся, требовала экспериментальной проверки. Экспериментальная работа проводилась на базе ГОУ ДПО «Донецкий Республиканский институт дополнительного педагогического образования». В эксперименте приняли участие учителя химии. Репрезентативная выборка объектов исследования состоит из контрольной и экспериментальной групп. В контрольную группу было включено 40 учителей, в экспериментальную – 38 учителей.

Гипотеза эксперимента заключалась в предположении, что уровень сформированности профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся зависит от степени развития компонентов профессиональной готовности. Цель эксперимента: установление зависимости между уровнями развития компонентов профессиональной готовности учителя химии к организации УИД и реализацией ТФПГУ.

Проверка эффективности разработанной нами ТФПГУ осуществлялась в условиях реального образовательного процесса. Эксперимент проводился с 2017 по 2020 год и включал в себя констатирующий, формирующий и контрольно-оценочный этапы.

Первый этап (констатирующий) (2017 г.). В данный период произведено изучение научной педагогической литературы по проблеме профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся. Целью данного этапа было установление исходного состояния предмета исследования. Задачами констатирующего этапа являлись: выявление компонентов профессиональной готовности учителей к организации УИД обучающихся; определение целей и задач эксперимента, формулировка гипотезы исследования; определение состава объектов исследования и сроков проведения эксперимента; определение показателей развития компонентов, которые позволили определить уровень профессиональной готовности учителя к организации УИД обучающихся; подборка необходимых диагностирующих методик, направленных на выявление качественных характеристик, определяющих уровень профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся; установление исходного уровня профессиональной готовности учителей химии, принимающих участие в эксперименте.

Второй этап (формирующий) (2017–2019 гг.). На данном этапе производилось определение особенностей процесса формирования профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся. Формирующий этап был нацелен на определение особенностей логической схемы экспериментальной работы,

планирование способов получения информации о ходе проведения экспериментального исследования. В ходе данного этапа были определены теоретические основы разработки ТФПГУ, разработана ТФПГУ и осуществлялось ее экспериментальное внедрение на базе ГОУ ДПО «Донецкий Республиканский институт дополнительного педагогического образования» на протяжении 2018–2020 годов.

Третий этап (контрольно-оценочный) (2020 г.). В указанный период происходило уточнение понятийного аппарата исследования, методов, форм и средств профессионального обучения учителей химии в системе ДППО, собраны и проанализированы экспериментальные данные, сформулированы выводы. Изданы методические пособия по организации УИД обучающихся в общеобразовательных организациях.

Уровень профессиональной готовности учителей химии в рамках отдельного компонента оценивался нами как низкий, средний и высокий по критериям оценивания, приведенным в методиках. Общий уровень профессиональной готовности оценивался как среднее арифметическое результатов по всем изучаемым компонентам и производился по следующей шкале: менее 50 % – низкий уровень; 50–75 % – средний уровень; более 75 % – высокий уровень.

Проведенный эксперимент показал положительную динамику развития у учителей экспериментальной группы всех компонентов профессиональной готовности к организации УИД обучающихся (таблица 2). Всего учителей химии экспериментальной группы, имеющих высокий уровень профессиональной готовности в конце эксперимента, стало в 4,6 раза больше, чем было в начале.

Таблица 2

Распределение членов экспериментальной и контрольной групп по уровням профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся (количество человек в %).

Экспериментальная группа	Контрольная группа	Уровни готовности	Экспериментальная группа	Контрольная группа
начало эксперимента			конец эксперимента	
13,16	12,50	высокий	60,53	17,50
34,21	37,50	средний	26,32	45,00
52,63	50,00	низкий	13,15	37,50

Количество членов экспериментальной группы с низким уровнем готовности уменьшилась в 4 раза. Изменения, произошедшие в контрольной группе, не значительны по сравнению с экспериментальной группой.

Для принятия обоснованного решения о совпадениях или различиях в экспериментально полученных данных, мы применяли статистические методы, которые позволяют сделать вывод об эффективности применения предлагаемого педагогического воздействия на основе наличия статистически значимых (на уровне 95 % по критерию Кендалла) отличий результатов. Обработка результатов исследования, приведенных в таблице 2, выполнялась на основе непараметрического критерия χ^2 и дала основание утверждать, что полученное повышение можно считать статистически значимым, оно свидетельствует об эффективности реализации ТФПГУ в системе ДППО.

Реализация ТФПГУ в системе ДППО позволила улучшить качество образовательного процесса, а также создать необходимые условия для активизации профессиональной деятельности учителей химии по вопросам организации УИД обучающихся.

Существенное повышение уровня профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся в экспериментальной группе по сравнению с

контрольной объясняется целенаправленной специальной работой с учителями в рамках реализации предлагаемой ТФПГУ. Результаты эксперимента показали, что у учителей химии, прошедших обучение, профессиональная готовность формируется интенсивнее.

Заключение. Произошедшие изменения можно рассматривать как необходимые и достаточные для подтверждения эффективности профессионального совершенствования учителя химии в области организации УИД обучающихся, осуществленного на основе ТФПГУ.

Основным показателем повышения уровня профессиональной готовности было увеличение уровней изучаемых компонентов профессиональной готовности учителя.

Мы допускаем возможным предположение о том, что реализация ТФПГУ определяет успешное формирование профессиональной готовности учителей химии в эффективном и успешном педагогическом сопровождении обучающихся в реализации УИД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белявская И. Б. Формирование готовности учителя к инновационной деятельности в системе методической работы школы: автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01 / Белявская Ирина Борисовна. – Йошкар-Ола, 2010. – 23 с.
2. Воропаева Е. Э. Структура и критерии готовности педагога к инновационной деятельности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: электрон. научн. журнал. – 2014. – №4. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13880> (дата обращения: 14.04.2019).
3. Государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] // dopirpo.org: блог Донецкого Республиканского института дополнительного педагогического образования. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1XPkPd5pgPSFfL8JoBU21y4NeUe65dLrc/view> (дата обращения: 15.12.2020).
4. Дробышев Е.Ю. Технология формирования готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся / Е.Ю. Дробышев // Вестник МГОУ. – 2020. – № 2. – С. 95-104.
5. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории "психологическая готовность" / В. Ф. Жукова // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320, № 6. – С. 117–121.

Поступила в редакцию 12.11.2020 г.

EXPERIMENTAL VERIFICATION OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF CHEMISTRY TEACHERS TO ORGANIZE EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS

Ye. U. Drobyshev

The article describes the procedure and the results of an experimental test of the formation of the professional readiness of chemistry teachers for the organization of educational and research activities of students of general education organizations within the framework of the academic subject "chemistry". The formation of the professional readiness of teachers took place through the implementation of the developed author's technology for the formation of the professional readiness of chemistry teachers for the organization of educational and research activities of students.

Key words: advanced training, postgraduate education, educational and research activities, professional readiness of teachers, readiness to organize educational and research activities.

Дробышев Евгений Юрьевич
МОУ «Средняя школа №4 города Makeevka».
Учитель химии.
E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru.

Drobyshev Yevgeniy Yurievich
MEI "Secondary School No. 4 of the city of Makeevka".
Chemistry teacher.
E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru.

УДК 378.147.091: 613

МЕТОДЫ ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

© 2020. *Е.В.Еремка, А.И. Дзундза*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обоснована эффективность применения объяснительно-иллюстративного, репродуктивного, проблемного изложения, частично-поискового, или эвристического и исследовательского методов в валеологической подготовке студентов. Показана роль каждого из методов в формировании знаний, умений и навыков в сфере вопросов здоровьесбережения и здоровьесбережения, формировании готовности студентов к осуществлению валеологической деятельности.

Ключевые слова: валеологическая подготовка, студенты, методы, познавательная, практическая, валеологическая деятельность.

Методы обучения являются одним из важнейших компонентов учебного процесса. Без соответствующих методов невозможно реализовать цели и задачи обучения. Слово «метод» (от греч. μέθοδος – путь исследования или познания) в самом общем значении, которое дает словарь иностранных слов, – это 1) способ познания, исследования явлений природы, общественной жизни; 2) прием, способ или образ действия.

В педагогической литературе понятие «метод обучения» не имеет однозначного определения. Однако, все определения данной научной категории основываются на положении о том, что методы обучения ориентированы на решение определенных педагогических целей и задач. Ю. К. Бабанский указывает, что метод обучения является способом упорядоченной деятельности преподавателя и обучающегося, направленный на решение задач обучения [5]. И. Я. Лернер подчеркивает, что метод обучения представляет собой систему целенаправленных действий педагога, организующего учебную деятельность, приводящую к достижению целей обучения [3]. Анализ научно-педагогической литературы позволил нам определить методы валеологической подготовки как систему способов деятельности преподавателя направленную на формирование здоровьесберегающих компетенций студентов.

Категория «метод» – универсальная, она обладает множеством признаков, которые выступают основанием и для его характеристики, и для построения классификации. Как известно, в современной педагогической науке выделяют три вида методов:

- общеметодологические (метод как средство познания, способ изучения действительности, явлений природы и общества);
- общедидактические (система взаимосвязанных действий преподавателя и обучающихся, обеспечивающих усвоение содержания образования);
- частнодидактические (которые представляют частно-предметные методы, отражающие содержание и специфику предмета).

Таким образом, наблюдается определенная иерархия методов. Рассмотрим кратко каждую из групп методов.

Общеметодологические методы. С помощью этих методов осуществляется познание окружающего мира, соотносимое со свойствами и законами

действительности. Особое место в разработке общеметодологических методов принадлежит греческим философам Сократу, Платону, Аристотелю, представителям немецкой классической философии Канту, Гегелю, Марксу. Методологической основой многих исследований является диалектический метод познания, позволяющий решать задачу построения научно-теоретической концепции предмета исследования.

Общедидактические методы. Эти методы обучения являются достаточно универсальными. Они применяются для достижения целей обучения, образования и воспитания в разных учебных дисциплинах. Общедидактические методы обучения – это совокупность способов взаимосвязанной деятельности преподавателей и обучающихся, направленная на достижение целей образования, воспитания и развития обучающихся. Эти методы классифицируются на основании разных признаков:

а) по источнику получения знаний и формирования навыков и умений (рассказ, беседа, упражнения, работа с текстом, использование средств наглядности);

б) по степени и характеру участия обучаемых в учебном процессе (активные/пассивные методы, различаемые в зависимости от самостоятельности выполняемых учащимися учебных действий);

в) по способу работы обучающихся (устные и письменные, аудиторные и домашние, индивидуальные и коллективные методы).

В настоящее время наибольшее распространение получила классификация общедидактических методов, основанная на деятельностном подходе к обучению. В этой связи выделяются методы:

1) обеспечивающие овладение учебным предметом (словесные, наглядные, практические, репродуктивные, проблемно-поисковые, индуктивные, дедуктивные);

2) стимулирующие и мотивирующие учебную деятельность (ролевые игры, учебные дискуссии, метод проектов);

3) контроля и самоконтроля учебной деятельности (опрос, зачет, экзамен и др.).

Частно-дидактические методы. Это частно-предметные методы, отражающие содержание и специфику предмета, и свойственны они отдельным звеньям процесса обучения:

– методы закрепления и повторения;

– методы контроля успешности;

– методы стимулирования воли, интереса к учению и участникам деятельности.

Наряду с приведенной общеизвестной классификацией методов обучения рассмотрим подходы к решению этой педагогической проблемы известных ученых-педагогов.

Ю. К. Бабанский считает, что «методом обучения называют способ упорядоченной взаимосвязанной деятельности преподавателя и обучаемых, направленной на решение задач образования» [5]. Им предложена классификация методов по организации и осуществлению учебно-познавательной деятельности. Она представлена тремя группами методов:

а) методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности: словесные (рассказ, лекция, семинар, беседа); наглядные (иллюстрация, демонстрация и др.); практические (упражнения, лабораторные опыты, трудовые действия и др.); репродуктивные и проблемно-поисковые (от частного к общему, от общего к частному); методы самостоятельной работы и работы под руководством преподавателя;

б) методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности: методы стимулирования и мотивации интереса к учению (используется весь арсенал методов организации и осуществления учебной деятельности с целью

психологической настройки, побуждения к учению), методы стимулирования и мотивации долга и ответственности в учении;

в) методы контроля и самоконтроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности: методы устного контроля и самоконтроля, методы письменного контроля и самоконтроля, методы лабораторно-практического контроля и самоконтроля.

Б. П. Есипов, М. А. Данилов предложили классификацию методов на основании дидактических задач. В основу классификации положена последовательность приобретения знаний на конкретном этапе (уроке, лекции):

- а) приобретение знаний;
- б) формирование умений и навыков;
- в) применение приобретенных знаний;
- г) творческая деятельность;
- д) закрепление;
- е) проверки знаний, умений и навыков [2].

Классификация методов по источнику передачи и характеру восприятия информации представили Е. Я. Голант, Е. И. Перовский. Они выделили следующие признаки и методы:

а) пассивное восприятие – слушают и смотрят (рассказ, лекция, объяснения; демонстрационный);

б) активное восприятие – работа с книгой, наглядными источниками; лабораторный метод.

Характер познавательной деятельности в значительной степени отражает уровень самостоятельной деятельности студентов. И поскольку успех обучения в существенной степени зависит от характера деятельности, самостоятельности и творчества студентов в процессе валеологической подготовки наиболее эффективными, на наш взгляд, являются методы, выделенные М. Н. Скаткиным [1; 6] и И. Я. Лернером [3]:

- объяснительно-иллюстративный метод;
- репродуктивный метод;
- метод проблемного изложения;
- частично-поисковый, или эвристический метод;
- исследовательский метод.

Степень активности и самостоятельности в деятельности студентов в каждом из последующих групп методов нарастает. Безусловно, каждый из методов валеологической подготовки студентов используется для решения конкретных целей задач в сфере здоровьесбережения и здоровьесформирования.

Объяснительно-иллюстративный метод в процессе валеологической подготовки студентов рассчитан, в первую очередь на чувственное восприятие теоретического материала. Установлено, что более 80 % информации человек усваивает с помощью органов зрения. Повышая активность зрительных рецепторов, можно рассчитывать на более высокое усвоение учебного материала. Учебный материал преподносится в сочетании объяснения (лекция, беседа, рассказ), работы с учебной, учебно-методической и научной литературы с демонстрацией наглядных средств (рисунки, схемы, фильмы, презентации), практического показа способов деятельности (упражнения, способы составления планов, аннотаций). Благодаря этому методу студенты получают знания о здоровье, его слагаемых, уровне, качестве здоровья, здоровом образе жизни, его слагаемых, морфофизиологических показателях организма человека в состоянии здоровья и болезни, их возрастных особенностях, методах диагностики и прогнозировании физического и психического здоровья, методах

оздоровления. Объяснение учебного материала в зависимости от его содержания может протекать в форме использования приемов индукции (от частного к общему) и дедукции (от общего к частному). Например, изучая материал о морфо-функциональных особенностях организма, важно отметить функциональное единство организма человека. При выполнении физических упражнений состояние организма мы оцениваем прежде всего по важнейшим показателям сердечнососудистой (частота пульса, величина артериального давления) и дыхательной систем (частота и глубина дыхания). Физиологические сдвиги при выполнении мышечной работы происходят во всех органах и системах, потому что организм – это целостная система. Рассматривая функции отдельных органов и систем организма – мы используем метод дедукции (анализ), а рассматривая организм как целостную систему, мы используем метод индукции (синтез). Использование приемов дедукции и индукции хорошо прослеживается и в процессе реализации валеологической подготовки студентов: изучая какой-либо ее компонент – мы используем метод дедукции, а рассматривая валеологическую подготовку как целостную систему – метод индукции.

Организация усвоения знаний, умений и навыков валеологической практики, методов диагностики физического и психического состояния организма, оценки его состояния и прогнозирования, методов оздоровления протекает в форме практического освоения методов оценки состояния дыхательной и сердечнососудистой систем: Проба Руфье; дыхательные пробы, оценка состояния по частоте пульса; самооценка состояния здоровья по П. В. Войтенко; методы оценки качества жизни; самооценка стрессоустойчивости; самооценка психических состояний.

Репродуктивный метод в процессе валеологической подготовки студентов – это метод учебной деятельности, осуществляемой по определенному алгоритму с воспроизведением валеологических знаний и практических умений, приобретенных студентами ранее. Репродуктивный метод направлен на формирование валеологических умений и навыков. Наиболее эффективен он при изучении традиционных, новых и инновационных методов оздоровления, так как познавательная деятельность студентов практически носит алгоритмический характер. Повышение уровня усвоения достигали соотношением средств наглядности с научными фактами, а также проведением некоторых практических занятий (например, упражнения для профилактики остеохондроза шейного отдела – методика очень простая, в аудитории вполне выполнима и студенты с удовольствием эти упражнения выполняют). Известно, что репродуктивный метод обучения способствует усвоению нового учебного материала, обеспечивает прочность усвоения знаний, параллельную отработку его на практике; расширяет возможности запоминания. Но, несмотря на эффективность получения необходимого опыта деятельности, следует отметить, что данный метод не гарантирует развития творческих способностей, не позволяет целенаправленно и планомерно их формировать. Поэтому нужно его сочетать с другими методами. Например, с объяснительно-иллюстративными, проблемными, частично-поисковыми. К тому же, разнообразие методов обучения значительно оживляет учебный процесс, способствует лучшему усвоению учебного материала и расширяет возможности развития личности студента.

Метод проблемного изложения в процессе валеологической подготовки студентов – метод, при котором, используются самые различные источники и средства поиска оптимальных способов (шагов) оздоровления с учетом индивидуальных особенностей организма. Студенты становятся свидетелями и соучастниками научно обоснованного выбора того или иного метода формирования, сохранения и укрепления

здоровья. Суть проблемного обучения заключается в построении проблемной ситуации (задачи) и обучении умению находить оптимальное решение для выхода из этой ситуации. Они уже не получают готовое знание, а должны, опираясь на свой опыт и умения, найти способ разрешения новой проблемы. Еще один важный момент: проблемная ситуация заставляет студентов осознавать недостаточность своих знаний, побуждает к поиску новых знаний и умений. А поиск – одно из главнейших условий развития творческого мышления. Кроме того, такое построение занятия работает на мотивацию приобретения валеологических знаний.

Метод проблемного обучения помогает достичь сразу нескольких целей:

- формирование у студентов необходимого объема знаний, умений, навыков в сфере вопросов здоровьесформирования и здоровьесбережения;
- развитие творческого мышления, творческих подходов в решении задач по формированию, сохранению и укреплению здоровья;
- развитие навыков самостоятельной работы, способности к самообучению, самопознанию, самооздоровлению, самосовершенствованию, самосознанию, так как валеология учит человека с позиции «само»;
- формирование валеологической исследовательской активности.

Но следует помнить, что метод проблемного обучения можно использовать, когда у студентов уже сформирована основная база валеологических знаний, когда создаются ситуации, которые допускают неоднозначные решения, мнения, суждения, и что его сложно использовать для формирования практических навыков.

Частично-поисковый или *эвристический метод* в процессе валеологической подготовки студентов – метод, при котором преподаватель организует участие студентов в выполнении отдельных шагов поиска решения поставленной задачи, назван частично-поисковым, или эвристическим. Преподаватель конструирует валеологическое задание, разделяет его на вспомогательные, намечает шаги поиска, а сами шаги выполняют студенты. Этот метод, как и другие, может быть построен индуктивно или дедуктивно, при сочетании прямого и косвенного взаимодействия участников процесса.

Исследовательский метод в процессе валеологической подготовки студентов – метод, позволяющий дать качественную и количественную оценку физическому и психическому состоянию организма как по косвенным, так и по морфофункциональным показателям, т.е. провести диагностику состояния организма, его прогнозирование; самостоятельно изучать научную и методическую литературу; метод, позволяющий валеологически грамотно осуществлять практический и предметный анализ эффективности использования традиционных, новых и инновационных методов оздоровления и их использование в практике здоровьесбережения. Инициатива, самостоятельность, творческий поиск проявляются в исследовательской деятельности наиболее полно. Методы учебной работы по здоровьесбережению непосредственно перерастают в методы научного валеологического исследования.

Под исследовательской деятельностью в целом понимается такая форма организации работы, которая связана с решением исследовательской задачи с неизвестным заранее решением. В рамках исследовательского подхода обучение ведётся с опорой на непосредственный опыт студентов, его расширение в ходе поисковой, исследовательской деятельности. Формируется умение осваивать новые методы исследования, грамотно, научно обоснованно осуществлять анализ полученных результатов, делать адекватные выводы.

По мнению многих исследователей учебно-исследовательская деятельность – это такая форма организации учебно-воспитательной работы, которая связана с решением

творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным результатом и предполагающая наличие основных этапов, характерных для научного исследования:

- постановку проблемы;
- ознакомление с литературой по данной проблеме;
- овладение методикой исследования;
- сбор собственного материала;
- анализ;
- обобщение;
- выводы [2; 6].

Применение исследовательского метода обучения формирует у студентов характерные для исследователя качества личности:

- самостоятельно приобретать необходимые знания, уметь применять их на практике для решения проблем;
- учиться самостоятельно, критически мыслить, видеть возникающие в противоречия и искать пути рационального их преодоления;
- грамотно работают с информацией.

Важно, чтобы студенты овладевали новыми методами исследования, умениями валеологически грамотно анализировать полученные результаты диагностики, делать объективные, научно-обоснованные выводы о состоянии здоровья, уметь составлять программу самооздоровления с учетом индивидуальных особенностей и возможностей своего организма, уметь квалифицировано анализировать полученные результаты, а при необходимости провести самокоррекцию оздоровительной программы.

Методы, используемые в процессе валеологической подготовки – это система целенаправленных действий преподавателя, организующая познавательную и практическую деятельность студентов в сфере вопросов здоровьесбережения и здоровьесбережения, обеспечивающая усвоение ими содержания валеологического образования и тем самым достижение цели – формирование их готовности к осуществлению валеологической деятельности. Методы взаимопроникают друг в друга, характеризуя разностороннее взаимодействие преподавателей и студентов. «И если мы можем в данный момент сказать об использовании определенного метода, то это лишь означает, что он доминирует на определенном этапе» [5, с. 273]. Поэтому выделенные нами методы взаимно дополняют друг друга, представляют собой целостную систему, обеспечивая эффективность валеологической подготовки студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дидактика средней школы : некоторые проблемы современной дидактики [Текст] : учебное пособие ФПК директоров общеобразовательных школ и педагогический институтов / М.Н.Скаткин, И.Я.Лернер, Н.М.Шахмаев, В.В.Краевский / под. редакцией М.А.Данилова, М.Н.Скаткина. – Москва : Просвещение, 1975. – 303 с.
2. Есипов Б.П. Самостоятельная работа учащихся на уроках [Текст]: Б.П.Есипов. – Москва : Учпедгиз, 1961. – 236 с.
3. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – Москва: Педагогика, 1981. – 184 с.
4. Осмоловская И. М. Дидактические идеи М. Н. Скаткина и их развитие / И. М. Осмоловская // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 4 (25). – С. 55-62.
5. Педагогика: [учебное пособие для педагогических институтов] / Ю. К. Бабанский, В. А. Сластенин, Н. А. Сорокин и др. ; под ред. Ю. К. Бабанского. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Просвещение, 1988. – 479 с.
6. Скаткин М. Н. Активизация познавательной деятельности учащихся в обучении / М. Н. Скаткин. – Москва: Педагогика, 1965. – 48 с.

Поступила в редакцию 25.11.2020 г.

METHODS OF VALEOLOGICAL TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS

E.V.Yeremka, A.I. Dzundza

The article substantiates the effectiveness of the use of explanatory-illustrative, reproductive, problem-based presentation, partial search, or heuristic and research methods in valeological training of students. The role of each of the methods in the formation of knowledge, abilities and skills in the field of health formation and health preservation, the formation of students' readiness for the implementation of valeological activity is shown.

Key words: valeological training, students, methods, cognitive, practical, valeological activity.

Еремка Елена Владимировна

доктор педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: eremka.elena@mail.ru

Yeremka Elena Vladimirovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Pedagogy,
Donetsk National University
E-mail: eremka.elena@mail.ru

Дзундза Алла Ивановна

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры теории вероятностей и
математической статистики,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: eremka.elena@mail.ru

Dzundza Alla Ivanovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the
Department of Probability Theory and Mathematical
Statistics,
Donetsk National University.
E-mail: eremka.elena@mail.ru

УДК 372.851:378.4

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2020. М.Е. Королев

Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный
технический университет»

К современному специалисту в области инженерии и технических наук предъявляются требования не просто как носителю конкретных знаний, а как человеку, обладающему профессиональной готовностью использовать приемы математического моделирования в процессе проектирования и решения технических задач. В высшей школе на инженерных направлениях подготовки студентов развить у них умения использовать математические модели позволяет специальная система инновационных методов обучения. В статье на основе педагогических и методических подходов к внедрению методов обучения рассматриваются те из них, которые целесообразно заложить как в учебный процесс по высшей математике, где происходит первое знакомство с математическими моделями, описывающими техническое конструирование, так и профессиональные дисциплины, в которых на основе математического моделирования описываются различные подходы к их внедрению. Особая роль отводится при этом обучению математическому моделированию на основе применения информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: математическое моделирование, высшая техническая школа, информационно-коммуникационные технологии, инновационные методы обучения в высшей школе.

Результат образовательного процесса по обучению студентов – будущих инженеров математическому моделированию существенно зависит от выбора **методов обучения**. Правильно подобранные методы способны благоприятно влиять на процесс обучения, ошибки или халатность преподавателя в данном вопросе, отмечает Е.А. Горбунова, понижают эффективность обучения [3].

Методы – это совокупность путей, способов, приёмов достижения цели деятельности. Дидактические методы – это способы совместной теоретической и практической деятельности преподавателя и обучаемых по достижению дидактических целей и задач [14].

Выбор методов обучения определяется:

1. Закономерностями и вытекающими из них принципами обучения.
2. Целями и задачами обучения.
3. Содержанием и методами данной науки вообще и данной дисциплины, темы в частности.
4. Учебными возможностями студентов:
 - 4.1) возрастными (физиологическими, психологическими);
 - 4.2) уровнем подготовленности (образовательной и воспитательной);
 - 4.3) особенностями студенческого коллектива.
5. Особенности внешних условий.
6. Возможностями самих преподавателей, обеспечивающих учебный процесс: их предшествующим опытом, знанием типичных ситуаций обучения [5].

В настоящее время существует множество способов классификации методов обучения, но более популярной является классификация, отражающая виды занятий, что в наибольшей степени отражает процесс обучения в высшей технической школе. К таким методам обучения относят:

1. Теоретико-информационные (устное логически целостное изложение учебного материала, диалогически выстроенное устное изложение, дискуссия, рассказ, объяснение, бригадный метод, консультирование, демонстрация).

2. Практико-операционные (представляют собой упражнения, тренировки, алгоритмы, решение задач, опыт, эксперимент, познавательные или деловые игры).

3. Поисково-творческие (наблюдение, опыт, эксперимент, эвристический диалог, лабиринт, «мозговой штурм», «аквариум», «думай, слушай, предлагай» и др.).

4. Методы самостоятельной работы обучающихся (чтение, программированный тренаж, видеолента, экспертиза, слушание, конспектирование, упражнения, решение задач и проблемных ситуаций, опыт, эксперимент).

5. Контрольно-оценочные методы (предварительный экзамен, «экспресс», «блиц», устное выступление, ответ с места (во время занятия), контрольная работа, опыт, упражнения, устный опрос, тестирование, программированный контроль, семинар).

В методике обучения математике актуальным является применение активных методов обучения.

Активные методы обучения – это такие методы, которые предполагают равнозначное участие преподавателя и студентов в учебном процессе. То есть, обучающиеся выступают как равноправные участники и создатели занятия. На наш взгляд, такие методы наиболее приемлемы при обучении математическому моделированию. Они активизируют познавательную и творческую деятельность студентов при решении поставленных задач и, как отмечает Т.Ю. Полякова, соответствуют современным тенденциям развития инженерной педагогики [11].

Активные методы обучения, отмечают Е.В. Гриб, Е.Н. Коломоец и В.В. Латышева, бывают неимитационные и имитационные (игровые и неигровые) [4]. На рис. 1 показана классификация активных методов обучения.

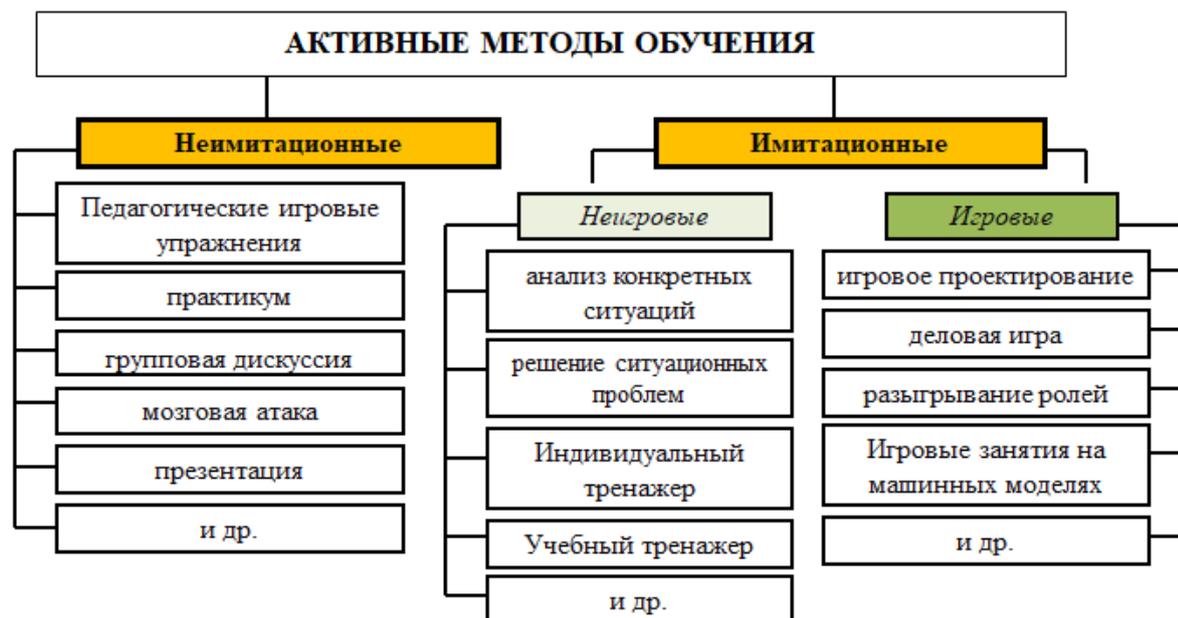

Рис. 1. Классификация активных методов обучения

Для каждого этапа учебного процесса можно использовать определенные активные методы обучения математическому моделированию, которые позволяют наиболее эффективно решать конкретные задачи этапа обучения, при этом развивая мыслительные операции обучаемых посредством их использования в курсе математики

[1]. Например, эвристическая беседа, которую полезно организовывать на практических занятиях по высшей математике, отрабатывая умения строить математические модели реальных инженерных процессов, является одним из наиболее эффективных активных методов обучения [16]. Суть эвристической беседы заключается в формулировании преподавателем таких наводящих вопросов студенту, которые помогут подвести его к пониманию прикладной ситуации, представленной в задаче, формализовать ее, перевести на язык математики, построить модель, решение которой происходит с помощью математического аппарата, которым владеет студент, решив математическую задачу, перейти к интерпретации результата. Преимуществом эвристической беседы является максимальное невмешательство педагога в процесс познания, анализа и решения поставленной задачи, как результат, студент самостоятельно овладевает необходимыми навыками решения подобных задач, основываясь исключительно на личном опыте. Но существует и недостаток эвристической беседы – зачастую, студенты неспособны самостоятельно решить до конца поставленную задачу, поэтому, высказывает мысль Е.И. Скафа, преподавателю необходимо предоставить обучающимся профессиональную поддержку [16].

К профессиональной поддержке занятий по обучению математическому моделированию можно отнести использование таких методов обучения студентов как: анализ конкретных ситуаций, использование кейс-проектов, деловые игры, метод гипотез, метод проб и ошибок и др. Источниками данных методов являются методы технического конструирования, созданные такими исследователями, как Э. Боно, А. Озборн, Ф. Цвикки и др. Систематизацию методов и представление их в учебном процессе выполнил Г.С. Альтшуллер в своем труде «Теория решения изобретательских задач». Как утверждают Н.Д. Цхадая и Д.Н. Безгодов, использование методов технического конструирования актуально в ценностно-акцентированном инженерно-техническом образовании [19].

В настоящее время в дидактике введено понятие интерактивных методов обучения. Их отличительной особенностью является то, что взаимодействие в процессе использования метода происходит не только на уровне преподаватель – студент, студент – преподаватель, а и между студентами.

Интерактивный метод обучения – это метод, предполагающий взаимодействие между педагогом и обучающимся в режиме диалога или беседы. Суть интерактивных методов обучения состоит в том, что они ориентированы не только на широкое взаимодействие между преподавателем и студентом, но и на взаимодействие между самими обучающимися.

Деление между активными и интерактивными методами обучения, на наш взгляд, выполнено условно. К последним в методике обучения математике относят: мозговой штурм, дискуссии, дебаты, деловые игры, интерактивные занятия с применением аудио- и видеоматериалов, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Анализируя Программу развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года [12], нужно отметить, что использование цифровых информационных ресурсов в настоящее время является приоритетом Российского государства. Выбор стратегии развития цифрового образования как непрерывного соответствует государственной политике и в этом плане использование в процессе обучения студентов математическому моделированию ИКТ актуально [10; 17]. Как отмечают К.А. Татаринев и С.М. Музыка, внедрение в учебный процесс интернет-технологий и ИКТ способствует развитию цифровых компетенций и у преподавателей, и у студентов [18]. Для студентов – будущих инженеров это особенно важно, так как отвечает их профессиональной компетентности.

Мы считаем, что, говоря об интерактивных методах обучения, необходимо их определять не только как систему «преподаватель – студент, студент – преподаватель, студент – студент», а обязательно в нее нужно включить цифровые ресурсы, в помощью которых осуществляются такие взаимодействия. В такой системе, отмечает И.В. Роберт, происходит интеллектуализация интерактивного взаимодействия обучающегося и обучающего со средствами информатизации в информационно-образовательном пространстве [13]. Дидактические возможности интерактивных электронных образовательных ресурсов огромны, высказывают мысль М.М. Кутепов, А.А. Лебедева, К.А. Максимова [9]. Их полезно использовать на разных этапах образовательного процесса в высшей технической школе, в том числе и при обучении математическому моделированию.

Изучая высшую математику, например, разработав электронные лекции для смешанного обучения, в аудитории управление процессом обучения созданию математических моделей можно обеспечить с помощью интерактивного метода проблемных лекций [2]. Реализацию принципа внутренней дифференциации при обучении математическому моделированию в условиях дистанционного обучения в инженерном вузе, можно организовать на основе электронного тестирования как эффективного метода педагогического контроля [20]. Разработав эвристические мультимедийные средства обучения, полезно, применяя интерактивные методы «Задача-метод», «Задача-софизм», отрабатывать умения у студентов находить математические модели заданных инженерно-технических ситуаций [15].

В процессе обучения профессиональным дисциплинам происходит дальнейшее построение моделей и их численная реализация [6; 7]. В таких дисциплинах применение интерактивных методов особенно актуально. Особо остановимся на методе эвристических проектов.

Например, в автомобильно-дорожном институте Донецкого национального технического университета на старших курсах изучаются WEB технологии, интернет технологии и пр. На этих курсах студентам предлагаются для ознакомления и собственной разработки проекты, связанные с моделированием технических задач. Студенты выбирают проект, либо предлагают свою тему для разработки. Тема должна быть согласована с преподавателем. Согласно нашим исследованиям, в области математического моделирования и информационных технологий, необходим контроль со стороны преподавателя на всех этапах разработки эвристического проекта (от проектирования до тестирования). При отсутствии такого контроля студенты, даже обладая высоким творческим потенциалом и глубокими познаниями в предметной области, часто допускают тривиальные ошибки в выборе путей развития своего проекта, что приводит к невозможности качественно его реализовать.

После выбора математической модели для исследования, студентам предлагается следующий алгоритм:

- 1) разработка плана модели (проекта);
- 2) оценка рисков модели (проекта);
- 3) контроль реализации модели (проекта) [8].

Заметим, что если для первого пункта достаточно знать и уметь использовать элементы «математического моделирования», то для выполнения второго и третьего пунктов необходимы фундаментальные знания по таким дисциплинам, как: «Эффективность информационных систем», «Экономическая эффективность информационных проектов» и др.

На первом этапе определялись цели проекта, разработан перечень моделей (задач), которые необходимо выполнить.

Составленный на первом этапе план может претерпевать определенные изменения в процессе работы над проектом, как с точки зрения сроков, так и самих исходных целей и задач.

На втором этапе оцениваются возможные непредвиденные обстоятельства, определяются возможные ошибки и возможные способы реагирования (отступления) в случае провала проекта.

На третьем этапе отслеживалась и корректировалась реализация плана проекта; после завершения проекта проводится его тестирование.

На всех этапах проектирования должны использоваться элементы прикладного программирования и пакетов программ. В завершении работы рекомендуется представить модель на студенческой конференции, участие в которой является мощным средством осмысления собственной проектной деятельности.

Практика показывает, что в результате применения данного метода обучения математическому моделированию с использованием прикладного программирования и пакетов программ, предполагающего создание эвристического образовательного продукта, студенты приобретают не только знания, но и навыки самостоятельного поиска информации и самообразования.

Заключение. На основе исследования методов обучения, применяемые в высшей технической школе, следует отметить, что в обучении математическому моделированию преподавателям полезно использовать как активные, так и интерактивные методы. Однако в процессе развития цифровизации образования понятие интерактивного метода нуждается в уточнении.

Таким образом, *интерактивный метод обучения математическому моделированию* будем рассматривать как метод, основанный на активном взаимодействии трех составляющих «преподаватель – студент, студент – преподаватель, студент – студент», с обязательным включением электронных образовательных ресурсов, обеспечивающих осмысленное овладение процессом математического моделирования при решении инженерных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аввакумова И. А. Развитие мыслительных операций обучаемых посредством использования кейс-заданий в курсе математики / И.А. Аввакумова, Н. В. Дударева // Педагогическое образование в России. – 2018. – №8. – С. 6–11.
2. Ваганова О.И. Особенности разработки электронных лекций для смешанного обучения в вузе / О.И. Ваганова, М.Н. Гладкова, И.Р. Воронина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 2(31). – С.41-44.
3. Горбунова Е. А. Дидактические методы обучения / Е. А. Горбунова, Л. И. Краснопахтова // Вопросы науки и образования – 2018. – № 7. – С. 197-199.
4. Гриб Е.В. Игровые методы формирования компетенции «Командная работа и лидерство» в подготовке инженеров / Е.В. Гриб, Е.Н. Коломоец, В.В. Латышева // Высшее образование в России. – 2020. – № 10. – С. 125-134 с.
5. Григораш О.В. Интерактивные методы обучения в современном вузе [Электронный ресурс] / О. В. Григораш, А. И. Трубилин // Научный журнал КубГАУ – 2014. – №101 (01). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/84.pdf>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения 24.03.2020.
6. Зайдель А.Н. Математическое моделирование. Построение моделей и численная реализация : учебное пособие / А.Н. Зайдель. – Санкт-Петербург : Лань КПП, 2016. – 304 с.
7. Королев М.Е. Эффективность методики обучения прикладной математике студентов технических специальностей средствами игровых моделей на основе эвристического подхода / М.Е. Королев // Дидактика математики: проблемы и исследования : междунар. сб. науч. работ. – Донецк, 2020. – Вып. 51. – С. 54-62.
8. Королев М.Е. Интернет технологии эвристического обучения построению математических моделей в высшей технической школе / М.Е. Королев, Е.А. Королев, В.А. Дрямин // Научные вести : Междунар.научный журнал. – 2020. – № 12 (29). – С. 87-95.

9. Кутепов М.М. Дидактические возможности интерактивных электронных образовательных ресурсов / М.М. Кутепов, А.А. Лебедева, К.А. Максимова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т.9. – № 3(32). – С.128-130.
10. Никулина Т.В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т.В. Никулина, Е.Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-ponyatiya-tehnologii-upravlenie> (дата обращения: 01.12.2019).
11. Полякова Т.Ю. Современные тенденции развития инженерной педагогики / Т.Ю. Полякова // Высшее образование в России. – 2019. – № 12. – С. 132-140.
12. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года. [Электронный ресурс]. – URL: [2017/05/strategy.pdf](https://strategy.gov.ru/strategy/2017/05/strategy.pdf) (дата обращения 24.10.2019).
13. Роберт И. В. Интеллектуализация интерактивного взаимодействия обучающегося и обучающего со средствами информатизации в информационно-образовательном пространстве / И. В. Роберт // Информационная среда образования и науки. – 2018. – № 18. – С. 63-83.
14. Скафа Е.И. Методика обучения математике: эвристический подход. Общая методика : учебное пособие / Е.И Скафа. – Донецк : ДонНУ, 2020. – 439 с.
15. Скафа Е.И. Эвристический подход к разработке мультимедийных средств обучения в высшей школе / Е.И.Скафа // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании : материалы IV Междунар. науч. конф. Красноярск, 6–9 октября 2020 г. : в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. М. В. Носкова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. – С.227-231.
16. Скафа Е.И. Технологии эвристического обучения математике : учебное пособие / Е.И. Скафа, И.В. Гончарова, Ю.В. Абраменкова. – 2-е изд. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 220 с.
17. Степанов С. Ю. К проблеме выбора стратегии развития цифрового образования как непрерывного [Электронный ресурс] / С. Ю. Степанов // Непрерывное образование: XXI век. – 2019. – № 1 (25). – С. 18–7. – Электрон. дан. – DOI: 10.15393/j5.art.2019.4464 (дата обращения 19.08.2019).
18. Татаринцов К.А. Развитие цифровых компетенций у преподавателей и студентов / К.А. Татаринцов, С.М. Музыка // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т.9. – № 4(33). – С.171-174.
19. Цхадая Н.Д. Актуальные вопросы ценностно-акцентированного инженерно-технического образования / Н.Д. Цхадая, Д.Н. Безгодков // Высшее образование в России. – 2020. – № 2. – С. 115-126.
20. Чудина Е. Ю. Реализация принципа внутренней дифференциации при обучении математике в условиях дистанционного обучения в инженерном вузе / Е.Ю. Чудина, Т.В. Жмыхова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 235-239.

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

METHODS OF TEACHING MATHEMATICAL MODELING IN HIGHER TECHNICAL SCHOOL BASED ON INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

M. E. Korolev

Requirements are made to a modern specialist in the field of engineering and technical sciences not only as a bearer of specific knowledge, but as a person who has a professional readiness to use the techniques of mathematical modeling in the process of designing and solving technical problems. In higher education in engineering areas of training students, a special system of innovative teaching methods allows them to develop the ability to use mathematical models. In the article, on the basis of pedagogical and methodological approaches to the introduction of teaching methods, those of them are considered that are advisable to lay both in the educational process in higher mathematics, where the first acquaintance with mathematical models describing technical design occurs, and professional disciplines, in which, on the basis of mathematical modeling describes various approaches to their implementation. At the same time, a special role is assigned to teaching mathematical modeling based on the use of information and communication technologies.

Key words: mathematical modeling, higher technical school, information and communication technologies, innovative teaching methods in higher education.

Королев Марк Евгеньевич

кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры математического моделирования.
Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО
«Донецкий национальный технический университет».
E-mail: kustokust@gmail.com

Korolev Mark

candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Docent, Associate Professor of the Department of
Mathematical Modeling.
Donetsk National Technical University, Horlovka.
E-mail: kustokust@gmail.com

УДК:378.12

КРИТЕРИИ, ПОКАЗАТЕЛИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ УМЕНИЙ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2021. *Н.В. Слота*

В статье на основе анализа возрастных особенностей музыкально-сценической деятельности младших школьников раскрываются критерии, показатели и уровни сформированности умений сценического воплощения музыкальных образов в процессе ансамблевого пения.

Ключевые слова: ансамблевое пение, умение сценического воплощения музыкальных образов, младшие школьники, критерии оценивания, показатели и уровни сформированности умения сценического воплощения музыкальных образов.

Среди главных задач образовательных учреждений на современном этапе становления общества является развитие способностей личности, создание условий для ее творческого воспитания, формирование потребности саморазвития и умение самосовершенствоваться. Общеобразовательные и внешкольные учреждения должны создавать условия для выявления способностей личности ученика, обеспечение возможностей для творчества и самореализации.

В психологической, философской и эстетико-культурологической научной литературе большое внимание в последнее время уделяется проблемам творчества и, в частности, творчества детей младшего школьного возраста [1–5].

Детское творчество играет ведущую роль во многих системах художественного образования и в системах музыкального образования Е. Жак-Далькроза, К. Орфа, З. Кодая, Ш. Судзуки, Д. Кабалевского, Н. Ветлугиной. По мнению педагогов, творческое задание направлено на создание учениками нового художественного продукта или фрагмента этого продукта (сочинение или исполнительская интерпретация), а также музыкального образа произведения, который воспринимается, является средством педагогического управления художественной деятельностью учащихся [1].

Выяснение реального состояния сформированности умения сценического воплощения музыкальных образов у младших школьников в процессе ансамблевого пения требует определения критериев сформированности умения сценического воплощения музыкальных образов.

Сформированность умения сценического воплощения музыкальных образов младших школьников определяется в исследовании как состояние личности, характеризующееся умением учащихся в коллективном музицировании в условиях работы вокальных ансамблей импровизировать, склонностью к созданию интерпретации собственного музыкального образа, эмоциональностью в процессе репетиций и в публичной деятельности, артистизмом в исполнении и умением учащихся контролировать и корректировать собственное исполнение в контексте общего ансамблевого исполнения.

Цель статьи заключается в изучении состояния сформированности умения сценического воплощения музыкальных образов у младших школьников в процессе ансамблевого пения, количественном и качественном анализе уровней сформированности умения.

Определение и обоснование критериев и показателей сформированности у младших школьников умения сценического воплощения музыкальных образов в процессе ансамблевого пения в исследовании осуществлялось на протяжении констатирующего эксперимента, перед проведением которого проводилась определенная теоретическая работа.

Задачи констатирующего эксперимента:

- определить критерии и показатели сформированности у младших школьников умения сценического воплощения музыкальных образов в процессе ансамблевого пения;

- проверить состояние сформированности у младших школьников умения сценического воплощения музыкальных образов по указанным критериям и показателям;

- зафиксировать полученные результаты, проанализировать их и сделать общие выводы.

Критериями сформированности умения сценического воплощения музыкальных образов были определены следующие:

- Степень заинтересованности вокально-ансамблевым пением в условиях публичной деятельности. Этот критерий выражает характер мотивационно-личностных предпочтений учащихся. Мы считаем, что мотивационная заинтересованность является предпосылкой успешной музыкально-сценической деятельности. От наличия целевой направленности учащихся на творческую деятельность зависит степень ее интенсивности: активность или пассивность. Показатели: выявление постоянного желания к сценически-творческой деятельности; яркая эмоциональная реакция на ансамблево-сценическую деятельность;

- мера способности к осознанию и адекватного воспроизведения содержания музыкальных образов в условиях публичной деятельности. Выдвижение этого критерия выражает глубину художественного развития детей и предусматривает формирование восприятия музыки, характеризующаяся способностью предоставить словесную характеристику музыкальному образу, проявить самостоятельность в трактовке музыкального произведения. Показатели: выявление активности и самостоятельности в создании коллективной интерпретации музыкального произведения; умение выразительно выполнить фрагмент самостоятельно разученного произведения; умение дать элементарную словесную характеристику образа;

- мера способности к ансамблевому взаимодействию. Результативность публичного выступления значительным образом зависит от способности корректировать собственное пение в соответствии с пением других участников ансамбля, от способности определить «на слух» недостатки собственного пения по сравнению с другими. Данный критерий направлен на диагностирование, во-первых, качества собственного пения, во-вторых, результатов пения в ансамбле. Показатели: умение корректировать собственное пение в соответствии с пением других участников ансамбля на основе слухового контроля; умение определить недостатки собственного пения по сравнению с пением других участников ансамбля;

- мера способности к артистической передаче содержания музыкальных образов. Этот критерий направлено на выявление уровня эмоциональности учащихся в процессе выполнения, выяснения особенностей поведения во время публичного выступления. Мы считаем, что такие показатели, как свободная, непринужденная поведение, эмоциональность учащихся в музыкально-сценической деятельности, определенным образом сказываются на уровне артистической передачи содержания художественных

произведений. Показатели: выявление эмоциональности в процессе выполнения; умение свободно использовать сценические движения, жесты, мимику;

- мера способности к сохранению творческого самочувствия в условиях публичной деятельности. Это также необходимое условие успешного концертного выступления. Степень результативности музыкально-сценической деятельности характеризуется выразительностью исполнения, образной яркостью, предусматривающий уверенность исполнения, склонность к импровизации в возникновении непредвиденных ситуаций, ситуаций ошибок и тому подобное. Показатели: эмоциональная стабильность в условиях публичного исполнения; выявление элементов импровизации в сценическом поведении; свободная, непринужденная, непосредственная поведение во время публичного выступления.

Процесс формирования умений воплощения музыкального образа является синкретическим и целостным, что и определяет взаимосвязь и взаимозависимость критериев и показателей при определении эффективности музыкально-сценической деятельности младших школьников.

Полученные показатели состояния сформированности у младших школьников умений сценического воплощения музыкальных образов были результатом воплощения различных форм и методов – от наблюдения за учебно-воспитательной деятельностью на занятиях вокального ансамбля к оценке их во время публичной деятельности.

В процессе констатирующего эксперимента использовалась исследовательская методика, которая предусматривала:

1. Педагогические наблюдения за проведением групповых занятий в музыкальных школах по дисциплине «Вокальный ансамбль» и наблюдение за проведением занятий в вокальных ансамблях в Центре детского и юношеского творчества. Особое внимание в наблюдении обращалось на такие моменты занятий, как:

- психологическая атмосфера на занятиях;
- отношения школьников к музыкально-сценической деятельности;
- использование педагогом задач творческого характера на привлечение детей к импровизации, к интерпретации музыкальных произведений, к артистической передаче музыкальных образов при обработке вокальных произведений и степень самостоятельности их выполнения школьниками;

2. Анализ сценически-творческой деятельности младших школьников и занятий вокальных кружков.

Цель этого метода исследования заключалась в выяснении уровня подготовленности, сформированности умений сценически-творческой деятельности школьников, особенности влияния руководителей вокальных коллективов на активизацию творческой деятельности учащихся. В процессе проведения этого метода исследования учитывались такие показатели, как наличие различных творческих задач в процессе проведения занятий (задание на импровизацию, интерпретацию музыкальных произведений, на развитие творческого воображения и фантазии), возможность школьников выражать свои мысли по поводу создания художественных образов музыкальных произведений, а также активность исполнительской деятельности коллективов (участие в концертах, фестивалях, конкурсах и других мероприятиях).

Этот метод диагностики был направлен на получение объективных данных именно путем анализа артистизма и сохранения творческого самочувствия в процессе музыкально-сценической деятельности, а не путем устного или письменного опроса. Выявление фактического состояния уровня активности школьников было достигнуто,

Этот метод диагностики был направлен на получение объективных данных именно путем анализа артистизма и сохранения творческого самочувствия в процессе музыкально-сценической деятельности, а не путем устного или письменного опроса. Выявление фактического состояния уровня активности школьников было достигнуто,

во-первых, путем изъятия помощи со стороны руководителя, во-вторых, анализа проявлений самостоятельности, эмоциональности и склонности к импровизации в процессе выполнения.

3. Опрос (анкетирование) школьников (письменное и устное) и тестирования.

В процессе опроса школьников особое внимание уделялось отношению младших школьников к публичной деятельности, их вкусовым предпочтениям, выявлению творческого потенциала учащихся.

Письменный и устный опрос, а также тестирование имело целью определить музыкальный кругозор учащихся, творческие умения, подготовленность к общению в творческом направлении, творческий потенциал учащихся. В вопросах анкеты и тестов учитывались: эмоциональное отношение учащихся к творческой деятельности и, в частности, музыкальной; музыкальные предпочтения учащихся; творческие умения, которыми должен обладать каждый участник коллектива.

4. Анализ результатов самооценки школьниками собственной деятельности и сравнения.

Введение этого метода исследования должно было служить получению показателей, связанных с уровнем творческой самостоятельности учащихся в выполнении заданий на создание музыкальных образов и эмоциональности в процессе сценического выступления [4]. В то же время учитывалось, что самооценка школьниками собственной творческой деятельности содержит опасность субъективных подходов к достоверности оценки музыкально-сценической деятельности. Сравнение самооценки школьников с показателями оценки результатов творческой деятельности экспертным жюри имело целью получения объективных данных.

Использование совокупности указанных методов способствовало возможности получения достоверных результатов о состоянии сформированности у младших школьников умений воплощения музыкальных образов.

В ходе проведения констатирующего эксперимента придерживались такие условия: обеспечение равных условий для участников эксперимента путем выполнения одинаковой системы задач; отсутствие временного ограничения во время выполнения задач, подведение итогов методом применения коллективной оценки независимого компетентного жюри.

В результате обобщения результатов анализа были определены как положительные, так и отрицательные моменты относительно характера проведения занятий в вокальных ансамблях. Как положительные моменты было отмечено:

- высокий профессиональный уровень преподавателей, профессиональное исполнительское мастерство подавляющего большинства руководителей коллективов, оказывается в демонстрации школьникам вокальных произведений или их отрывков.

- на занятиях преимущественно царит положительная доброжелательная атмосфера, большинство учеников заинтересованы музыкально-сценической деятельностью;

- прослеживается внимательное отношение к индивидуальным качествам школьников, к особенностям их творческого самовыражения.

Вместе с тем был выявлен ряд негативных моментов:

- преподаватели нередко не учитывали мнения учеников по интерпретации музыкальных произведений, в трактовке песен преобладало подражание учениками интерпретации руководителя;

- отсутствие творческих задач на интерпретацию музыкальных произведений;

- практически (в основном) не было выявлено попыток преподавателей привлечь учащихся к самостоятельной творческой деятельности и активизировать творческий процесс воплощения музыкальных образов.

Наибольшие погрешности связанные со сценической подготовкой – ученики не умеют удержать творческого самочувствия во время публичного выступления, преодолеть излишнее волнение, страх в условиях публичной деятельности, у них отсутствует способность к непринужденному, свободного общения с аудиторией в процессе музыкально-сценической деятельности, умение удержать внимание слушательской аудитории, захватить ее. Умение объективного самоанализа и самооценки слишком ограничены, преобладает обобщенное критическое отношение к анализу собственной деятельности; ученики ориентируются в основном на выявление недостатков в выступлении товарищей.

В результате анализа и обобщения ответов мы пришли к выводу, что младшие школьники меньше подготовлены в области художественного образного мышления, им не хватает опыта такого общения, расплывчаты понятия о средствах музыкальной выразительности, у них недостаточно развиты склонность к интерпретации музыкальных произведений, импровизации и самостоятельной творческой деятельности.

В результате констатирующего эксперимента было определено три уровня сформированности у младших школьников умение сценического воплощения музыкальных образов во внешкольной деятельности.

Высокий уровень характеризуется яркой потребностью в сценически-творческой деятельности, эмоциональностью, увлеченностью ансамблевым пением. Ученикам этого уровня присуща творческая инициатива; определенная самостоятельность; они способны создавать музыкальные образы, опираясь на собственный опыт; проявляют способность к анализу и интерпретации музыкальных произведений, проявляют устойчивость в сохранении творческого самочувствия в процессе публичной деятельности (репетиция, концертное выступление) в различных условиях, склонны к импровизации, в процессе ансамблевого взаимодействия они хорошо чувствуют партнеров и помогают своей уверенностью другим, менее уверенным в себе участникам ансамбля, в исполнительской деятельности эмоциональны, обладают выразительной мимикой, сценическими движениями, жестами, артистично воспроизводят содержание музыкальных образов.

Средний уровень. У учащихся этого уровня хорошо развито воображение и фантазия, они заинтересованы сценически-творческой деятельностью, проявляют активность в процессе репетиций, но потребность в сценической деятельности ограничена, способность импровизировать, интерпретировать ограничена, недостаточно развито образное мышление, процесс ансамблевого исполнения носит репродуктивный характер. Часто в этих школьников возникают трудности при передаче определенного настроения с помощью мимики, их жесты более скованны, чем у учащихся, которые достигли высокого уровня. Умение корректировать собственное пение у учащихся этого уровня развито недостаточно, некоторые из них стремятся выделиться на фоне других участников ансамбля (громче поют, используют много движений). В публичной деятельности такие ученики чувствуют себя неуверенно, их выполнение не яркое, не эмоциональное, непосредственно влияет на артистическую передачу музыкальных образов.

Низкий уровень проявляют ученики, у которых отсутствует заинтересованность процессом ансамблевого пения. Они эмоционально ограничены, не способны

импровизировать, анализировать, не проявляют инициативу в воспроизведении содержания музыкальных образов, вокальные навыки развиты слабо. Мимика учеников этого уровня маловыразительная, или совсем неподвижна в процессе выполнения, у них возникают трудности с применением сценических движений. В коллективе эти ученики пассивны, не стремятся проявлять инициативу. Такие школьники не способны реализовать себя в творческой деятельности, и, соответственно, не могут воплотить содержание музыкального образа. Как правило, они чувствуют себя обособленно, не умеют работать в коллективе.

Таким образом, на основе анализа научной литературы и содержания деятельности руководителей вокальных ансамблей учащихся младших классов были определены критерии, показатели и уровни сформированности умений сценического воплощения музыкальных образов у младших школьников в процессе ансамблевого пения, что дает возможность обосновать и разработать методическое обеспечение вокально-ансамблевой подготовки младших школьников в процессе сценической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апраксина О. А. Музыка в воспитании творческой личности / О.А. Апраксина. – М.: Муз. воспитание, 2002. – 21-26 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1982. – 485 с.
3. Кабалевский Д. Б. Воспитание ума и сердца : кн. [для учителя] / Д.Б. Кабалевский. – М. : Просвещение, 1984. – 206 с.
4. Падалка Г.М. Педагогіка мистецтва : теорія і методика викладання мистецьких дисциплін / Г. М. Падалка. – К. : Освіта України, 2008. – 274 с.
5. Сартан Г.Н. Тренинг самостоятельности у детей / Г.Н. Сартан. – М. : ТЦ «Сфера», 2000. – 128 с.

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

CRITERIA, INDICATORS AND LEVELS OF FORMATION OF SKILLS OF SCENIC EMBODIMENT OF MUSICAL IMAGES FROM YOUNGER SCHOOLCHILDREN

N.V. Slota

In the article, based on the analysis of the age features of the musical-stage activity of junior schoolchildren, the criteria, indicators and levels of formation of skills of the stage embodiment of musical images in the process of ensemble singing are revealed.

Key words: ensemble singing, ability to stage the embodiment of musical images, junior schoolchildren, evaluation criteria, indicators and levels of formation of the ability to stage the embodiment of musical images.

Слота Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук.
Доцент, и. о. заведующего кафедрой музыкального педагогического образования, Институт педагогики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: zlata_n.s@mail.ru

Slota Natalia Vladimirovna

Candidate of pedagogical sciences.
Associate Professor, and. about. Head of the Department of Musical Pedagogical Education, Institute of Pedagogy,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: zlata_n.s@mail.ru

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ

© 2020. Ю.Ю. Трошкина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены особенности формирования коммуникативной компетентности студентов-дизайнеров. Раскрывается понятие коммуникативной компетентности, анализируется ее сущностная характеристика, описанная в психолого-педагогической литературе, и особенности формирования у будущих дизайнеров.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, художественно-проектная деятельность, дизайн, самоактуализация, дизайнерское образование.

Актуальность. Формирование коммуникативной компетентности студентов, будущих дизайнеров в образовательных учреждениях высшего образования предполагает, с одной стороны, освоение способов учебной деятельности, с другой – профессиональное становление будущего дизайнера, формирование направленности на информационно-коммуникативную деятельность. В основе этого процесса лежит динамика формирующихся навыков учебной деятельности и особенности складывающихся взаимоотношений субъектов педагогического взаимодействия – обучающегося и педагога. Осмысление профессионального становления будущего дизайнера, как значимого и сложного явления, предполагает исследование основных направлений, принципов, форм и методов учебной художественно-проектной деятельности студентов. Будущие дизайнеры в реализации профессиональной деятельности проявляют коммуникативную компетентность, творческую активность и способность самостоятельно решать поставленные проектные задания.

В процессе обучения будущего дизайнера формированию коммуникативной компетентности уделяется недостаточно внимания. В настоящее время как никогда очень важно научиться применять полученные профессиональные знания и умения в своей деятельности. Именно это и делает дизайнера востребованным на рынке труда.

Цель статьи заключается в обосновании основных подходов к раскрытию сущности понятия «коммуникативная компетентность». Для определения базовых положений научно-теоретической основы и дефиниции понятия «коммуникативная компетентность» был проведён анализ публикаций различного характера: справочной, философской, психологической, педагогической, специальной литературы, статей из научных журналов, интернет-публикаций и пр.

Понятие «коммуникация», «коммуникативные умения» анализировали в своих трудах ученые: Б. Г. Ананьев, Ю. М. Жуков, Ю. С. Крижанская, В. В. Охотникова, Л. А. Петровская, Б. М. Теплов, А. Л. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Я. Якунин и др.

К рассмотрению этого понятия обращались теоретики дизайна: Ю. Б. Бореев, Л. Н. Безмоздин, А. В. Иконников, К. М. Кантор, Г. Н. Лола, В. Ф. Рунге, С. О. Хан-Магомедов и др.

Изучение научных разработок показало, что понятие «коммуникативная компетентность» определяется как «способность и реальная готовность к общению адекватно целям, сферам и ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию

и взаимопониманию» [9, с. 20]; «комплекс коммуникативных умений, основанных на синтезе лингвистических, культурологических, психологических и социальных знаний» [2, с. 22]; «знание языка и умение использовать языковые средства в реальных ситуациях профессионального общения» [1, с. 7]; «умение вступать в коммуникацию с целью быть понятым, а также владение умениями общения» [12, с. 11].

Профессиональная подготовка будущих дизайнеров предполагает формирование общекультурных и профессиональных компетенций, которые взаимосвязаны с коммуникативной деятельностью студентов. Специалистам в сфере дизайна при разработке проектной идеи необходимо уметь аргументированно и логически ясно излагать свои мысли; быть готовыми к сотрудничеству в коллективе. В процессе художественно-проектной деятельности будущие дизайнеры должны научиться принимать решения организационного характера в нестандартных ситуациях, проявлять творческий подход в деятельности.

Искусство и культура, как особые виды формотворческой деятельности человека, обладают коммуникативной функцией, которая устанавливает взаимосвязь зрителя и творца. Дизайн, являясь носителем визуальной информации, взаимодействует с производством, оптимизирует эстетические качества материальных объектов, охватывает все аспекты окружающей среды. Определения дизайна трактуются как «художественное производство»; «проектная культура»; «художественное проектирование» и пр. Известный российский искусствовед В. Б. Мириманов подчеркивает, что: «В широком смысле каждое художественное произведение имеет коммуникативное значение, закрепляет связь между человеком и обществом. В более узком смысле искусство может оперативно выполнять ту функцию, которая позднее переходит к письменности. Различные виды изображений, имеющие специальное коммуникативно-мемориальное значение, в свое время существовали у всех народов» [8, с. 67]. Дизайн, как вид проектной деятельности, представляет собой особую сферу культуры, в которой наиболее значимо проявляются коммуникативные функции.

Коммуникативная компетентность рассматривается Ю. М. Жуковым «как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного воздействия. Коммуникативный акт включает в себя анализ и оценку ситуации, формирование цели и операционального состава действия, реализацию плана» [5, с. 79-101]. А.В. Хуторской определяет коммуникативную компетентность как способ взаимодействия с окружающими и удаленными людьми, навык работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе. Обучаемый должен уметь представить себя, написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию и так далее, для этого в учебном процессе фиксируется необходимое и достаточное количество реальных объектов коммуникации и способов работы с ними на каждой ступени обучения в рамках каждого изучаемого предмета или образовательной области [15]. Позицию А.В. Хуторского конкретизируют И.М. Осмоловская и И.В. Шалыгина и представляют коммуникативную компетентность как формирование готовности и способности понимать другого человека; эффективно строить взаимодействие с людьми [10].

С психолого-педагогической точки зрения формирование коммуникативной компетентности направлено на развитие личностных качеств человека, таких как: знания, умения, практический опыт, мышление, потребности, эмоции и чувства, воля, ценности, совесть и др. Г. Н. Лола уточняет определение дизайна, исходя из очевидности

его коммуникативного аспекта: «дизайн есть коммуникативная практика конструирования знакового продукта, способного создавать ситуацию впечатления» [7].

Эффективность формирования коммуникативной компетентности обеспечивается оптимальной координацией рациональных и креативных действий будущего дизайнера. Коммуникативная компетентность формируется в процессе образовательной деятельности, основанной на многогранности труда дизайнера в современном обществе. В исследовании В. В. Охотниковой подчеркивается, что коммуникативная компетентность формируется в специально организованной образовательной деятельности [11]. Вовлеченность студентов в общие социокультурные процессы позволит развивать навыки профессионального мышления и рефлексии. Рассматривая особенности формирования коммуникативной компетентности в художественном вузе Т. В. Гончарова обоснованно утверждает, что: «использовать только образный подход в художественном проектировании сегодня недостаточно. Правомерно отступление от стандартного осмысления действительности через создание абстрактной формы и формирования ассоциативно-образного мышления как главного метода художественно-познавательной деятельности. Уникальная возможность использования ассоциативного механизма позволяет превратить неясные ощущения, мимолетные впечатления, знакомые образы и воспоминания в неповторимую художественную целостность, окрашенную индивидуальными представлениями автора» [3, с. 235].

Подготовка специалистов в сфере дизайна и искусства невозможна без высокого уровня развития коммуникативной компетентности. В рамках освоения образовательной программы будущие дизайнеры готовятся к решению задач профессиональной деятельности следующих типов: научно-исследовательский и педагогический; художественно-творческий; проектный; информационно-коммуникативный; производственно-технологический; организационно-управленческий; экспертно-консультационный и инновационный [4]. Дизайнерское образование характеризуется определенным содержанием и принципами, которые свойственны художественному проектированию как виду профессиональной деятельности [14]. В этом смысле дизайнерская деятельность имеет ряд особенностей, представляющих для формирования коммуникативной компетентности особый интерес, а именно:

- направленность личности на преобразование эстетического восприятия мира, в соответствии с потребностями конкретного человека или социальной группы, с учетом особенностей промышленного региона Донбасса;

- этапность, преемственность и последовательность;

- художественно-проектная деятельность является базой для совершенствования дизайнерской деятельности;

- механизм самоорганизации в деятельности дизайнера предполагает нахождение индивидуального стиля и активизации творческого поиска;

- в художественно-проектной деятельности в полном объеме реализуется художественно-познавательная деятельность, ее виды (когнитивная, ценностно-ориентационная, эстетическая, коммуникативная, преобразующая), формируются основные положения профессиональной [14].

Формирование коммуникативной компетентности предполагает создание педагогических условий в образовательной среде университета. Создание условий базируется на утверждении значимости каждого обучающегося как субъекта образовательного пространства, обладающего такими личностными качествами, как:

общительность, любознательность, творческий интерес, способность отстаивать свое мнение; позитивное самоотношение, пылливость ума; потребность в общении. Художественно-проектная деятельность будущего дизайнера – это деятельность, в которой реализуются способы творческой активности, связанные с практическим освоением и эстетическим преобразованием действительности, направленные на создание новых художественных объектов (проектов). Художественно-проектная деятельность способствует социально-эстетическому воспитанию и формированию духовно-ценностных ориентаций личности, ее социальной активности, коммуникационной вовлеченности в творчество, возрождению гражданской культуры, нравственности. Художественно-проектная деятельность позволяет решать задачи развития активности и инициативности будущего дизайнера в процессе профессионального образования [14].

Выводы. Таким образом, в процессе учебно-профессиональной деятельности будущих дизайнеров формирование коммуникативной компетентности является одной из обязательных целей, достижение которой осуществляется в процессе изучения дисциплин общенаучного и профессионального блоков и включения обучающихся в художественно-проектную деятельность. Педагогические условия обеспечивают успешное формирование коммуникативной компетентности у студентов и включают в себя организацию художественно-проектной деятельности будущих дизайнеров, определяющей комплексный характер теоретической базы профессиональной деятельности дизайнера. Формирование направленности учебной деятельности на сотрудничество преподавателей и студентов в процессе подготовки содействует успешности профессионального становления будущего дизайнера. Особая значимость формирования коммуникативной компетентности в художественно-проектной деятельности обусловлена необходимостью формирования готовности обучающегося к профессиональной деятельности уже в процессе обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова И.Д. Формирование коммуникативной компетенции у менеджеров в дополнительном профессиональном образовании: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Агафонова Ирина Даниловна, Алтайский гос. тех. ун-т им. И.И. Ползунова. – Екатеринбург, 2009. – 14 с.
2. Галлямова Н.Ш. Активные методы обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции / Н.Ш. Галлямова // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С. 22.
3. Гончарова Т.В. Специфика программ в профессиональной подготовке дизайнеров / Т. В. Гончарова // Материалы 14-й международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии»; под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб.: СПГУТД, 2011. – С. 235.
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 54.03.01 Дизайн (квалификация «академический бакалавр», «прикладной бакалавр»). Приказ Министерства образования и науки ДНР. 2016 г. № 988. – 15 с.
5. Жуков Ю.М. Эффективность обратной связи при совершенствовании коммуникативных умений / Ю.М. Жуков, Е.Н. Павлова // Журнал практического психолога. – 2007. – № 5. – С. 79-101.
6. Коханик Н.А. Теоретический аспект формирования коммуникативной компетентности в процессе профессиональной подготовки дизайнера / Н.А. Коханик // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-aspekt-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-protsesse-professionalnoy-podgotovki-dizaynera> (дата обращения: 26.07.2020).
7. Лола Г.Н. Дизайн как коммуникативная практика // Вестник СПбГУ. Серия 15: Искусствоведение. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-kak-kommunikativnaya-praktika> (дата обращения: 25.08.2020).
8. Мириманов В.Б. Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство / В.Б. Мириманов. – М.: Искусство, 1973. – С. 67.

9. Обучение русскому языку в школе: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос [и др.] / под ред. Е.А. Быстровой. – Москва: Дрофа, 2004. – 27 с.
10. Осмоловская И. М. Дидактика: от классики к современности / И. М. Осмоловская. – Москва : [б. и.] ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 247 с.
11. Охотникова В.В. Развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного процесса в высших учебных заведениях: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Охотникова Валентина Васильевна; Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2000. – 169 с.
12. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе информационно-коммуникационных средств / Г.К. Селевко. – Москва: НИИ школьных технологий, 2005. – С. 11.
13. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре / М.В. Стурикова // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentsiya-k-voprosu-o-definitsii-i-strukture> (дата обращения: 09.07.2020).
14. Трошкина Ю.Ю. Формирование эстетической позиции будущих бакалавров дизайнера : дис....канд. пед. наук : 13.00.08 / Трошкина Юлия Юрьевна ; Донецк. нац. ун-т. – Донецк, 2018. – 178 с.
15. Хуторской А.В. Педагогика: Педагогика как практика, педагогика как искусство, педагогика как инженерия, педагогика как наука, педагогика как учебный предмет / А.В. Хуторской. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2019. – 608 с.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

FEATURES OF THE COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION OF FUTURE DESIGNERS

J.Y. Troshkina

The article discusses the features of forming communicative competence among design students. It uncovers the concept of communicative competence along with the peculiarities that its formation has on students.

Key words: communicative competence, artistic project activity, self-actualization, design education.

Трошкина Юлия Юрьевна

Канд. пед. наук, доцент кафедры дизайна и art-менеджмента, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: yu.troshkina@donnu.ru

Troshkina Yulia Yurievna

Cand. Ped. Sci., associate professor Department of Design and art-management, SEI HPE «Donetsk National University»
E-mail: yu.troshkina@donnu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 30 мм, нижнее — 30 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзачного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Keywords**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	---

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б: Гуманитарные науки

Научный журнал

2020. – № 4

На русском и английском языках

Технические редакторы: Е.В. Дорохина, Л.Ш. Атакишиева, М.В. Фоменко

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 30.12.2020 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 19,24
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.